

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 1

Январь – Февраль 1998

Том 37

Москва

Содержание

Страница редактора	3
Владимир Орлов. Ядерный Контроль становится российским журналом международной безопасности	
Горячая тема	4
Анна Откина, Иван Сафранчук. Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак	
Информация и оценки (по материалам печати)	14
Документ	26
Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки. Постановление Правительства Российской Федерации №57	
Анализ	27
Михаил Кокеев. Роль ООН в системе регулирования вооружений	
Анализ	38
Геннадий Хромов. О некоторых проблемах ракетного распространения на современном этапе	
Полемика	46
Николай Соков. Эволюция российских стратегических наступательных вооружений	
Страницы истории	62
Роланд Тимербаев. Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и к контролю над ней	
Банк данных	70
Константин Макиенко. Переговоры, контракты и трансферты вооружения и военной техники из России и стран СНГ в ноябре 1996-декабре 1997 годов	
Из редакционной почты	77
Библиотека	80
Новости ПИР-Центра	82
Summary	84
Об авторах	87
О ПИР-Центре политических исследований	89

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****№ 1 (Том 37)****Январь – Февраль 1998****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Редакция:**

Владимир Орлов, главный редактор
 Дмитрий Евстафьев, редактор-консультант
 Иван Сафранчук, обозреватель
 Анна Откина, корреспондент
 Алексей Рей, корреспондент
 Карина Фуралева, технический редактор
 Мария Верникова, секретарь редакции
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Вадим Козюлин – связи с общественностью и подписка
 Елена Трофимова – компьютерное обеспечение
 Наталия Харченко – распространение
 Отпечатано в России
 Экспресс-доставка за рубеж: Post International
 Международная связь: Комстар
 Мобильная связь: МТС

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,а/я 17, редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7+095-335-1955

(многоканальный)

Факс: +7+503-234-9558

Распространяется в Москве, Акмоле, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Атланте, Афинах, Бонне, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Пекине, Принстоне, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Токио и Франкфурте

Электронная почта: info@pircenter.org**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала****(сокращенная):** <http://www.pircenter.org>

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** на 1998 год можно оформить в редакции, за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7+095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to fax +7+095-234-9558 or e-mail: subscription@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery. See also page 87.

Тираж: 2000 экз.**Подписано в печать:** 12 марта 1998

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Аварийно-технического центра «Радиевый институт» (Санкт-Петербург), Научно-исследовательского института атомных реакторов (Димитровград), Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Фонда Форда, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд Тимербаев, президент
 Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета
 Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 1998

Ядерный Контроль. № 1. Январь - Февраль 1998

Страница редактора**ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ СТАНОВИТСЯ РОССИЙСКИМ ЖУРНАЛОМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В ответ на анкету, предложенную *Ядерным Контролем* на рубеже 1997-1998 годов, более пятисот читателей прислали ответы и комментарии. На вопрос – *Нужен ли такой журнал?* мы получили стопроцентное *Необходим*. Далее – замечания, пожелания, предложения, как сделать журнал *лучше*. Мы учли многие из ваших предложений. И сегодня предлагаем вам *Ядерный Контроль*, который и по охвату тем, и по объему материала, и по тиражу трудно сравнить с *Ядерным Контролем* образца 1994-1996 годов.

Во-первых, *Ядерный Контроль* становится отныне журналом не *чисто ядерным*. Впрочем, он никогда и не был таким. Уже вскоре после начала выпуска журнала мы поняли, что любое вычленение сугубо ядерной проблематики будет искусственным и повредит полноте анализа. Постепенно в журнал вливались темы по средствам доставки, затем по химическому и биологическому оружию, наконец, по высокоточному оружию и ОМУ, основанному на иных физических принципах. Обсуждение проблем, связанных с расширением НАТО или с ближневосточным кризисом, неизбежно выводило нас на более широкие, чем *оружейные* или *нераспространенческие*, вопросы национальной и международной безопасности. Как результат, сегодня мы предлагаем вам первый и пока единственный общероссийский журнал по международной безопасности. Как составляющие (хотя и ключевые) разделы, сюда входят проблемы контроля над вооружениями (включая обычные) и нераспространения. При этом, название *Ядерный Контроль* остается. Почему? Прежде всего потому, что именно такое название журнала уже знакомо читателям России, новых независимых государств и дальнего зарубежья. Мы развиваем, расширяем проблематику журнала, но отнюдь не выпускаем новый журнал. Все хорошее, что было накоплено *Ядерным Контролем* за три предыдущие года, мы сохраняем. Здесь мы консерваторы. Кроме того, проблематика ядерного оружия и ядерных материалов – это по-прежнему основа журнала. Уже из этого номера вы увидите, что она занимает около двух третей всех журнальных площадей; примерно такая же пропорция сохранится и в дальнейшем. На наш взгляд, она отвечает тому месту, которое занимает и в перспективе будет занимать ядерное оружие в вопросах военной доктрины России и в проблематике международной безопасности в целом.

Во-вторых, требования многих читателей публиковать больше развернутых научных статей (что полностью совпало с нашими представлениями) заставили изменить, а именно – увеличить в четыре раза объем журнала: не печатать же статьи *с продолжением*. Сохранены все наши традиционные разделы (*Горячая Тема, Интервью Месяца, Анализ, Полемика, Документ* и др.), но также вводятся новые (*Обзор, Страницы Истории*). При этом журнал будет выходить теперь шесть раз в год.

В-третьих, с этого номера более чем в два раза увеличен тираж, который составляет две тысячи экземпляров, которые рассылаются в 51 город России, 14 городов СНГ и 20 городов дальнего зарубежья. Один из приоритетов – библиотеки. Мы горды тем, что *Ядерный Контроль* представлен сегодня в 63 научных библиотеках: от *Ленинки* до библиотек удаленных военных гарнизонов. Мы принимаем все новые заявки на бесплатное получение журнала: десятки дополнительных копий в марте пойдут в Саров, Обнинск, Снежинск... И хотя наши возможности здесь ограничены, мы подтверждаем, что готовы и в дальнейшем в течение этого года принимать заявки от организаций и исследователей на бесплатную подписку.

При всех изменениях тематики, формы и тиража, неизменными остаются наши редакционные принципы. Наши ценности – это ценности более безопасного мира с сокращающимся количеством оружия. Наши ценности – это независимость журнала, которую мы бережем пуще всего, это свобода слова при ответственности перед аудиторией. И это свобода спорить. Мы всегда отстаивали возможность для выражения авторов с самыми различными позициями. И мы рады, что в редакционном портфеле опять образовалась очередь полемических, заостренных материалов; иначе не докопаться до истины.

Владимир Орлов

Ядерный Контроль. № 1. Январь - Февраль 1998

Горячая тема**МЕСТО РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СИТУАЦИИ ВОКРУГ ИРАКА
И ПУТИ КОНТРОЛЯ НАД РОССИЙСКИМ
КРИТИЧЕСКИМ ЭКСПОРТОМ В ИРАК****Анна Откина****младший научный сотрудник****ПИР-Центра политических исследований****Иван Сафранчук****Научный сотрудник****ПИР-Центра политических исследований**

Обострение ситуации вокруг Ирака в январе-феврале с.г. и усилия по ее урегулированию, приведшие к концу февраля к временному, но заметному снижению напряженности, вновь поставили на повестку дня вопрос о роли России в этом стратегически важном регионе мира. Одновременно выдвинулся вопрос об истинных причинах, по которым Россия (вместе с Францией и Китаем, однако активнее двух вышеназванных государств) настойчиво проводила мысль о недопустимости вооруженного воздействия на Ирак.

При этом по-прежнему во многом непроясненным остается и вопрос о характере стратегических поставок из России в Ирак в период после войны в Заливе и до настоящего острого противостояния и вообще о том, были ли хотя бы какие-то подобные поставки, санкционированные федеральным правительством, или же речь должна идти о недобросовестных действиях мелких российских дельцов, помноженных на ослабленность таможенного контроля, что в конечном счете было использовано Соединенными Штатами и отдельными представителями в Спецкомиссии ООН по Ираку для давления на Россию.

Мотивы политики России в Персидском заливе

Политика России в Персидском заливе, на наш взгляд, определяется следующими объективными факторами:

Персидский залив остается районом, обеспечивающим бесперебойное функционирование экономик развитых стран мира. В этой связи присутствие в этом регионе за счет политического или экономического влияния в близлежащих странах можно рассматривать как одно из приоритетных внешнеполитических направлений любой страны, претендующей на активную роль в мировой политики. Устойчивая тенденция по закреплению или приобретению такого влияния наблюдается

на примере всех стран, активно участвующих в современных международных отношениях (США, Великобритания, Франция, Германия, Китай, Япония).

Учитывая возрастания геополитической и геоэкономической роли Южной Евразии (Каспийский бассейн и транспортные артерии от него к мировым океанам), можно прогнозировать, что в зоне Персидского залива произойдет перераспределение значимости различных его берегов. Если раньше США ограничивались наличием военных баз на южном и юго-западном берегах залива, не претендуя на глубокое проникновение на северном и северо-восточном берегах, то теперь ситуация может измениться. Интересы проецирования влияния в глубь Евразийского континента могут заставить США перенести основной груз военного присутствия на север и северо-запад залива, что в перспективе приведет к геополитической маргинализации южных берегов.

Нефтеносный район Персидского залива интересует Россию как крупного экспортера нефти. Современный рынок нефти -- это достаточно *хрупкая конструкция*, которая может быть относительно легко разрушена при колебаниях поступления нефти на мировые рынки. Суть проблемы для России заключается в том, что увеличение в нынешней ситуации акторов на нефтяном рынке приведет к потере валютных поступлений.

Россия обладает ограниченными возможностями по проведению активной внешнеполитической политики, что определяется несбалансированностью структуры внешнеполитических ресурсов и отсутствием четких ориентиров во внешней политике (внешнеполитической стратегии).

В своей нынешней политике Россия пытается обеспечить себе прочные позиции на северных берегах залива (Иран, Ирак), что, на первый взгляд, отвечает общей тенденции по увеличению геополитической значимости этих территорий. В случае с Ираном это проявляется в попытках проведения самостоятельного курса в отношении данной страны, несмотря на американское давление. Еще более показательна ситуация с Ираком, где Россия выступает как основной защитник режима Саддама Хусейна на международной арене.

Может быть найдено несколько объяснений столь высокой активности России в Ираке. **Первое.** Интересы российских нефтяных компаний (*Лукойл*), подписавших соглашения об освоении двух крупных месторождений в Ираке. **Второе.** *Личный курс* арабиста Евгения Примакова, для которого открывается поле реального проявления великодержавности России в хорошо знакомом ему регионе. **Третье.** Логика поддержания *дутого* великодержавного статуса, в результате чего становится необходимым лезть во все крупные конфликтные зоны. В реальности политика РФ в регионе является **результатом переплетения всех названных факторов**. При этом нельзя сказать, что бы какой-то из них был более значим, чем другие.

Однако по мере своего развития политика России в регионе все в большей степени приобретает внутреннюю логику, которая при этом все меньше определяется приведенными выше факторами. В то же время подоплекой российской политики становится межведомственная борьба.

На первый взгляд Ирак действительно приобретает в геополитическом плане с учетом приводившейся выше тенденции все большее значение. Однако можно предположить, что проникновение на северное и северо-восточное побережья Персидского залива будет США соответствующим образом подготовлено. Прежде всего в смысле базового

урегулирования отношений с Ираном и Ираком. В случае с Ираном с каждым месяцем появляется все больше шансов на *геополитическое замирение*. Этому способствуют и внешнеполитические инициативы новых властей Ирана. Причем в условиях, когда поле внутреннего политического маневра в Иране до предела сужено, основные силы режима будут направлены во вне с целью предотвращения внешней дестабилизации. При этом и у Ирана и у США есть база для достижения согласия. Нынешние выпады в сторону Ирана американских властей скорее надо рассматривать как тактические шаги, направленные на создание большего *пакета претензий* перед началом *политических торгов*, призванных определить условия геополитического замирения, которые потом будут разменяны на соответствующие ставки Ирана.

В отношении Ирака США ведут себя более жестко, и нет оснований предполагать, что эта линия будет пересмотрена. Базы для замирения между США и Ираком нет. Американцы четко берут линию на то, что бы дожать иракский режим. Это означает, что рано или поздно он будет ликвидирован. Скорее всего за счет физического устранения Саддама Хусейна. Вне зависимости от того, какой вариант постсаддамовского развития Ирака будет выбран такое развитие событий резко усилит позиции США в регионе, и косвенно поможет в реализации южного западного варианта транспортировки каспийской нефти (через Турцию), поскольку курдская проблема сможет быть в значительной мере нейтрализована за иракский счет. Это справедливо и в том случае, если на иракской территории будет реализован вариант *управляемого хаоса*.

Иракский режим по сути дела обречен. Вопрос его падения - это вопрос времени, а не принципиального выбора. В этой связи делать ставку на нынешний режим в попытках усилить свое влияние в заливе и на южных рубежах Евразии в целом нецелесообразно. На это обращалось внимание уже в самое последнее время по крайней мере в нескольких аналитических записках, конечным адресатом которых являлся Борис Ельцин.

Другое дело, что России не выгодно быстрое падение Ирака (в ближайшие годы, а, может быть, всего лишь в ближайший

год). Однако сводить попытки оттянуть такую развязку через прямую поддержку Ирака нерационально, поскольку после падения этого режима роль тех, кто опирался на него для проецирования собственного влияния, будет маргинализирована.

В этой связи более интересным представляется вариант косвенной поддержки Ирака, воздерживаясь от того, чтобы брать на себя в этом вопросе главную роль. Возможности такой игры предопределены заинтересованностью американских союзников на южных берегах Персидского залива в сохранении статус-кво. Причем пока их заинтересованность в сохранении иракского режима предопределяется не долгосрочной перспективой падения их геополитической значимости при глубоком проникновении США на противоположный берег Залива, а краткосрочными и среднесрочными интересами по сдерживанию Ирана. Именно эта функция закреплена местными политологами на режимом Саддама Хусейна.

Прямое содействие России все равно не поможет иракскому режиму, поскольку урегулирования конфликта в его отношениях с США не происходит, и, по нашим оценкам, не произойдет. В том числе и по вине США, которые не пойдут на реальный долгосрочный компромисс с Ираком. Значит, конфликт время от времени под более или менее благовидными предложениями будет переводиться в кризисную фазу. Причем при условии постоянного возникновения миротворческого порыва у мирового сообщества, в результате которого кризис будет преодолеваться, США с каждым разом станут иметь все больше и больше моральных оснований по силовому воздействию на Ирак. При этом и состав коалиции против Ирака будет от кризиса к кризису расширяться.

Одновременно те, кто выступает за компромисс с Ираком, станут подвергаться все большей и большей критике. В результате **Россия может оказаться своеобразным козлом отпущения, так и не приобретя реального влияния в регионе через иракский режим, но еще больше ослабив свои позиции после его падения.**

Внутренняя логика и подоплека российской политики в Заливе определяются межведомственными и межличностными противоречиями во внутриэлитарной борьбе. Эти противоречия сковывают свободу российского курса за счет сужения поля маневра, поскольку для поддержания своих позиции во внутриэлитарном раскладе необходимо относительно последовательно проводить раз взятый курс, имея минимальные возможности по его корректировке. Любые отступления могут использоваться противниками для дискредитации. Именно поэтому российский курс быстро приобретает внутреннюю логику, которая начинает превалировать в определении конкретных внешнеполитических шагов.

Это означает, что в ближайшее время не приходится ожидать корректировки российской линии поведения в заливе. По крайней мере это произойдет не раньше, чем сменится министр иностранных дел. Складывается примечательная (и типичная для современной России) ситуация, когда нынешний бесперспективный в долгосрочной и, возможно, среднесрочной перспективе курс, вполне устраивает тех, кто борется за контроль над внешней политикой внутри страны. Главным образом потому, что их интересы борьбы работают на краткосрочную перспективу.

Нынешнее руководство МИД не может пойти на значительную корректировку курса, так как в этом случае может подорвать свои позиции внутри страны. Одновременно *преувеличенные миротворческие успехи* в определенной степени укрепляют позиции этой группы. Но по мере разрастания компонента *преувеличенности*, что неизбежно, риск провала будет становиться все более явственным. По сути на последнее и рассчитывают их оппоненты, предполагая, что рано или поздно провал состоится и тогда команда министра окажется заложницей узости маневра и внутренней логики курса, которая заставляла их преувеличивать собственные успехи, повышая тем самым цену вопроса до уровня, на котором любая ошибка становится последней.

Таким образом, нынешний курс России в заливе представляется бесперспективным в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Однако предпосылок для его изменения в краткосрочной перспективе нет, что определяется особенностями внутриэлитарной борьбы в России. Можно с уверенностью предполагать, что линия поведения России при последующих кризисах вокруг Ирака (а их возникновение представляется нам неизбежным), останется прежней. Основные ее черты уже выкристаллизовались в ходе ноябрьского кризиса прошлого года и февральского в 1998 году. По мере углубления этой линии российское влияние в регионе будет приобретать все более и более искусственный характер, в результате чего будет достигнут уровень, на котором российские *инициативы* и российские объективные внешнеполитические возможности разойдутся настолько, что Россия потеряет возможность влиять на развитие событий.

Российский критический экспорт в Ирак и попытки России контролировать экспорт материалов двойного применения

За последнее время (после войны в Заливе) известно по крайней мере три случая, когда Россия обвинялась в незаконных поставках в Ирак, способных, как утверждалось, возродить или же развить иракские военных программы в области оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств доставки. **Во-первых**, это по крайней мере тридцать (до другим данным, свыше ста) гироскопов с завода в Сергиевом Посаде. **Во-вторых**, двигатели Воткинского завода (Удмуртия), которые способствовали иракской программе по трансформации советской ракеты класса "земля-воздух" СА-2 в ракету "земля-земля" средней дальности, которая могла бы стать средством доставки биооружия. **В-третьих**, это оборудование и технологии для производства биологического оружия.

Из этих трех случаев (мы не можем утверждать, что привели полный перечень возможных поставок) в нашем распоряжении имеются документы, полностью подтверждающие лишь случай номер один в части тридцати гироскопов, о чем в изданиях ПИР-Центра уже было подробно рассказано¹.

Что касается технологий производства биологического оружия, то компетентные службы России завершили перепроверку

информации председателя Спецкомиссии ООН по Ираку Ричарда Батлера о том, что в архивах одного из министерств Ирака были найдены документы (включая буклеты), способствовавшие продвижению Ирака в развитии военной биологической программы.

Действительно, в 1995 году Ирак стал проявлять интерес к проблеме производства одноклеточного белка. Российская сторона, исходя из того, что данный вопрос в целом является вопросом народнохозяйственным, а не военным (хотя и признавая возможность *двойного применения* полученных знаний) направила в Багдад представителя комитета по химической и нефтехимической промышленности РФ. Российскими экспертами было рассказано иракской стороне, для чего производится одноклеточный белок (корма), были предоставлены рекламные материалы технологий и микроорганизмов, которые могли бы быть использованы Ираком. Никаких соглашений или документов по итогам этой встречи подписано не было; других документов или встреч не последовало.

Кроме того, была проведена проверка в части возможного незаконного вывоза самих компонентов двойного применения. Проверка не установила, что какие-либо подобные компоненты вывозились в регион Ближнего Востока, включая Ирак.

В этой связи нам показалась примечательной история опубликования *Российской Газетой* (учредитель – правительство Российской Федерации) 18 февраля на первой полосе Постановления правительства России «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки»². Данный документ направлен на предотвращение экспорта таких товаров и технологий двойного применения, которые не включены в *контрольные списки*, утвержденные президентом, однако «могут быть использованы для целей [...] разработки, производства испытаний и пр.» в области ОМУ и средств доставки. Таким образом, впервые в российской практике применен – пока в регулирующем документе – американский принцип *catch all*.

Примечательно и то, что постановление, подписанное Виктором Черномырдиным 22 января, было опубликовано только почти месяц спустя. Насколько мы понимаем, судьба постановления не была легкой. Его проект подвергался серьезной критике представителей различных заинтересованных ведомств³, в том числе и при обсуждении на *Экспортконтроле* – межведомственном органе, возглавляемом вице-премьером и министром экономики Яковом Уринсоном. Критики проекта постановления предлагали не копировать американский опыт, а попытаться сначала создать практическую базу, иначе, утверждали они, постановление либо *провиснет*, либо станет поводом для некоторых западных руководителей обвинить Россию в несоблюдении своего же (вторичного) законодательства; в возможность соблюдения таких жестких правил, как *catch all*, мало кто из правительственных экспертов верит.

С другой стороны, ряд экспертов рассматривает данное постановление (на наш взгляд, преждевременно), как значительный вклад России в дело укрепления режима нераспространения ОМУ и средств доставки. Нельзя не заметить и того, что принятие постановления правительством России вызвало положительные эмоции в Вашингтоне; оно дало повод влиятельным американским источникам утверждать, что американо-российские разногласия в области контроля над экспортом сейчас значительно сократились, и что скоро, возможно, эта тема будет вообще закрыта. Правда, американские наблюдатели, знакомые с российскими реалиями не понаслышке, сдерживают оптимизм коллег, обращая внимание на трудность или вообще невозможность выполнения норм постановления в ближайшее время или, по крайней мере, указывая на необходимость дополнительных (и недеklarативных) усилий в области экспортного контроля со стороны федерального правительства России, как-то

- оснащение таможенных постов необходимым спецоборудованием, компьютерным оборудованием и банками данных
- повышение заработной платы работникам чувствительных секторов ВПК либо скорейшее свертывание производства и закрытие безысходно убыточных предприятий

- обучение персонала предприятий, ориентированных на экспорт материалов двойного применения, в области контроля над экспортом (законодательство, практика, объяснение необходимости придерживаться установленных норм с точки зрения нераспространения); и
- проведение публичного *показательного процесса* над работниками предприятия, нарушившего Уголовный кодекс в части контроля над экспортом

Регулирование контроля над российским критическим экспортом в Ирак

В этих условиях следует иметь в виду, что постановление № 57 от 22 января явилось решающим, но не единственным шагом сторонников ужесточения режима контроля над чувствительным экспортом в руководстве России. Так, 7 ноября 1997 г. было принято постановление правительства №1403, утвердившее положение “О контроле за вывозом в Ирак товаров и технологий двойного назначения и иных средств, попадающих под действие международного механизма постоянного наблюдения и контроля.”⁴

Положение, утвержденное Виктором Черномырдиным 7 ноября 1997 года, определило порядок осуществления контроля за вывозом из Российской Федерации в Ирак товаров и технологий двойного применения и иных средств, происходящих из Российской Федерации либо выпущенных в свободное обращение на территории Российской Федерации, включенных в Список товаров и технологий двойного назначения и иных средств, экспорт которых в Ирак в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН⁵ контролируется и подлежит утверждению или запрещен, утвержденный Указом президента Российской Федерации от 2 сентября 1997 года №972. Его подписание стало отчасти ответом на обвинения России со стороны США и Спецкомиссии по поводу бесконтрольной поставки в Ирак тридцати гироскопов в 1994 году.

Статья 4 *Положения* устанавливает, что не допускается вывоз в Ирак контролируемых товаров и технологий:

- предназначенных для использования в деятельности, запрещенной Ираку резолюциями Совета Безопасности ООН,

- в отношении которых действуют запреты и ограничения, введенные на основании резолюций Совета Безопасности ООН от 6 августа 1990г. №661, от 3 апреля 1991 г. №687, от 15 августа 1991 г. №707 и то 11 октября 1191г. №715, за исключением случаев, когда вывоз таких товаров и технологий получено в установленном Советом Безопасности ООН порядке соответствующее разрешение Комитета, учрежденного резолюцией Совета Безопасности ООН от 6 августа 1990 года №661, либо Специальной комиссией ООН по разоружению Ирака.

При этом порядок контроля за вывозом в Ирак контролируемых товаров и технологий включает :

1. согласование проектов международных договоров Российской Федерации, предусматривающих поставки в Ирак контролируемых товаров и технологий,
2. подготовку и выдачу заключений о возможности вывоза в Ирак контролируемых товаров и технологий,
3. лицензирование вывоза в Ирак контролируемых товаров и технологий,
4. таможенное оформление и таможенный контроль перемещаемых за пределы Российской Федерации контролируемых товаров и технологий,
5. предоставление в Объединенную группу Специальной комиссии ООН по разоружению Ирака и МАГАТЭ информации о вывозе из Российской Федерации в Ирак контролируемых товаров и технологий.

В Положении предусматривается *двойной параллельный механизм контроля*: на уровне министерств и ведомств Российской Федерации по средством выдачи лицензии, а так же сочетание международно-правового режима контроля через получение разрешения и уведомления Специальной Комиссии ООН по разоружению Ирака. Рассмотрим более подробно данные положения.

Статья 10 *Положения* определяет, что экспорт из Российской Федерации контролируемых товаров и технологий осуществляется по разовым лицензиям , выдаваемым министерством внешних экономических связей и торговли Российской Федерации в установленном порядке. При этом *Положение* предусматривает порядок контроля за

экспортом товаров и технологий заявляемых как для *мирных, так и для военных целей*.

Для оформления лицензии на экспорт в Ирак контролируемых товаров и технологий, заявляемых в для использования в невоенных целях, экспортер предоставляет в министерство внешнеэкономических связей и торговли Российской Федерации следующие документы:

- заявление о выдаче лицензии;
- копию контракта (договора, соглашения) на экспорт контролируемых товаров и технологий;
- заключение Правительственной комиссии по экспортному контролю РФ (Экспортконтроль) о возможности экспорта контролируемых товаров и технологий;
- иные документы предусмотренные законодательством РФ.

Предлагаемый перечень документов является общим для экспорта товаров и технологий двойного назначения, и повторяет аналогичные требования, содержащиеся в Постановлении Правительства от 7 октября 1996 г. №1172 “О порядке контроля за вывозом из Российской Федерации товаров и технологий двойного назначения, экспорт которых контролируется”⁶.

Формулировка “иные документы, предусмотренные законодательством РФ” представляется спорной. На наш взгляд, *Положение* содержит неоправданно много общих терминов и формулировок. Данный нормативно-правовой акт является актом специального действия, призванным точно урегулировать конкретный вопрос, непопадающий под действие общих норм и правил существующих для экспортно-импортных операций в данной области, в силу своей особой общественной значимости, поэтому отсылка на нормы общего законодательства является неоправданной и влечет за собой путаницу, именно во избежание которой и создаются такого рода нормативные акты. Таким образом, не ясно какие именно “иные документы, предусмотренные законодательством РФ “ необходимо предоставлять экспортеру. Происходит обратная отсылка норм законодательства.

Статья 13 *Положения* определяет, что для получения заключения Правительственной

комиссии по экспортному контролю РФ о возможности экспорта в Ирак контролируемых товаров и технологий экспортер обязан предоставить в Федеральную службу по валютному и экспортному контролю (ВЭК) следующие документы:

- копию контракта (договора, соглашения) на экспорт контролируемых товаров и технологий. Копия контракта (договора, соглашения) должна быть заверена руководителем или уполномоченным на то должностным лицом и печатью организации экспортера. На копии контракта также должна быть указана дата её выдачи и отметка о местонахождении оригинала;
- копию свидетельства о своей государственной регистрации, заверенную нотариусом;
- извещение о намерении экспортировать в Ирак контролируемые товары и технологии составленное по установленной форме;
- иные предусмотренные законодательством РФ по экспортному контролю документы в случае экспорта *товаров и технологий, оружия массового уничтожения и ракетных средств его доставки, попадающих под действие международных обязательств РФ по нераспространению.*

Присутствие элемента международного механизма постоянного наблюдения и контроля выражается, прежде всего, в том, что до принятия Советом Безопасности ООН решения об изменении или отмене ограничительных мер, введенных в отношении Ирака, экспортер представляет также копию письменного разрешения Комитете, учрежденного резолюцией Совета Безопасности ООН от 6 августа 1990 года №661, а после принятия решения об изменении или отмене ограничительных мер в случае экспорта химикатов, включенных в часть 2 раздела Списка, - копию письменного разрешения Специальной комиссии по разоружению Ирака.

В извещении о намерении экспортировать в Ирак контролируемые товары и технологии должен быть указан присвоенный Объединенной группой регистрационный номер сделки, в соответствии с которой осуществляется экспорт указанных товаров.

В соответствии с порядком, установленным международным механизмом постоянного наблюдения и контроля, получить регистрационный номер сделки обязаны

представители Ирака. Регистрационный номер затем должен быть сообщен иракским экспортером импортеру.

Статья 14 определяет возможность предоставления извещения о намерении экспортировать в Ирак контролируемые товары и технологии, заявленные для использования в невоенных целях, без регистрационного номера сделки, если по каким-либо причинам этот номер не известен экспортеру. В этом случае обращение экспортера о выдаче заключения Экспортконтроля о возможности экспорта контролируемых товаров и технологий подлежит рассмотрению только после получения ВЭК копии подтвержденного объединенной группой *уведомления* с указанием присвоенного сделке регистрационного номера, который доводится Федеральной службой по валютному и экспортному контролю до сведения экспортера. Такое уведомление о намерении экспортировать и о фактическом вывозе из Российской Федерации в Ирак контролируемых товаров и технологий направляется в министерство иностранных дел РФ для последующей передачи в Объединенную группу на основе представленной экспортерами и таможенными органами информации. Такая информация предоставляется экспортерами в Федеральную службу по валютному и экспортному контролю в части товаров и технологий, заявляемых для использования *в невоенных целях* и в министерство внешних экономических связей и торговли Российской Федерации в отношении товаров и технологий, заявляемых для использования *в военных целях*.

Вывоз контролируемых товаров и технологий в Ирак осуществляется по лицензиям, выдаваемым МВЭС на основе заключений выдаваемых Правительственной Комиссией по экспортному контролю Российской Федерации. Рассмотрение обращений экспортеров о выдаче заключений и принятии по ним решений осуществляется в течении 30 дней после получения ВЭК всех требуемых и надлежащим образом заверенных документов.

Основанием для отказа в выдаче заключения являются:

- несоответствие предоставленных документов требованиям, установленным законодательством Российской Федерации;

- предоставление неполной или недостоверной информации;
- иные обстоятельства, связанные с экспортной сделкой, в результате которых может быть нанесен ущерб интересам национальной безопасности или нарушены международные обязательства РФ.

Очевидно, что последний пункт **предусматривает возможность государства ограничить товарооборот с Ираком без введения каких-либо санкций** либо принятия дополнительного нормативно-правового акта, в связи с возникновением ситуации международной напряженности либо введения каких-либо дополнительных ограничений в отношении Ирака со стороны мирового сообщества.

Федеральные органы исполнительной власти информируют ВЭК России обо всех ставших им известных фактах вывоза из Российской Федерации в Ирак иностранных контролируемых товаров и технологий, в отношении которых Ирак первоначально не был заявлен в качестве страны назначения (при транзите, перегрузе, временном ввозе, нахождении в свободной таможенной зоне, на таможенном складе), которая направляет полученную информацию в МИД РФ для последующего уведомления Объединенной группы. Таможенные органы Российской Федерации производят надлежащее таможенное оформление экспортируемых в Ирак контролируемых товаров и технологий, после чего составляют отчет о фактическом экспорте с направлением его в надлежащие органы и службы РФ.

Статья 23 *Положения* предусматривает, что вывоз контролируемых товаров и технологий, являющихся носителями сведений, составляющих государственную тайну, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной тайне.

Для системы экспортного контроля Российской Федерации не характерно принятие ограничений по отдельным государствам, не существует списка контролируемых стран, как, например, в США⁷. Обычно российский законодатель оставляет возможность расширенного толкования того или иного *Положения* или документа путем ссылки на «международные обязательства Российской Федерации по нераспространению ОМУ и

средств его доставки», куда может быть включены обязательства не экспортировать те или иные товары и технологии в то или иное государство.

Несмотря на то, что данное *Положение* призвано, по видимому, создать особый правовой режим для экспорта товаров и технологий в Ирак, из-за неоправданно широкого круга товаров и технологий, контролируемого данным положением, оно создает режим постоянных отсылок к общим нормам для экспорта или импорта товаров и услуг в любое другое государство, за исключением положений, касающихся координации со Специальной комиссией по разоружению Ирака.

Неясным остается смысл включения в данный акт положений об экспорте в Ирак товаров и технологий военного назначения, а также контролируемых товаров и технологий, попадающих под действие международных обязательств России по нераспространению оружия массового уничтожения и ракетных средств его доставки, так как даже за экспортом товаров сугубо мирного назначения, а также двойного назначения, но с заявленной мирной целью конечного использования ведется усиленный контроль с занесением его в контрольные списки и реестры, о чем уже упоминалось выше.

По-видимому, основным предназначением данного *Положения* является необходимость создания нормативного поля, которое препятствовало бы появлению различных слухов и толков в отношении *желания* России подчиняться международно-правовым санкциям и механизмам.■

¹ 9 декабря 1995 группа акилангистов, нанятая Спецкомиссией ООН по Ираку, было поднято со дна реки Тигр недалеко от Багдада на границе с Иорданией несколько гироскопов. Количество гироскопов называли различное, от девяти до 115-120. Сразу же после обнаружения гироскопов посол России в США заявил, что гироскопы - не российского происхождения. Первоначально предполагали, что гироскопы были похищены с предприятия по их производству гироскопов на Украине. В начале февраля 1996 в Москву на переговоры в МИД приехал председатель Спецкомиссии ООН по Ираку Рольф Экеус. Во время почти четырехчасовой беседы в российском МИДе он засыпал

экспертов вопросами, показывая знание большого количества информации по данной проблеме. Российские дипломаты к встрече подготовлены не были. После встречи их высказывания стали более осторожными - они уже не отрицали российского происхождения "иракских гироскопов", однако настаивали на том, что правительственные структуры к сделке отношения не имели.

На самом деле, в 1993 году ливанский бизнесмен установил контакты в Научно-испытательном институте химического машиностроения (НИИХимМаш) (Сергиев Посад Московской области). На данном предприятии, в частности, разделяют "на лом" баллистические ракеты с подводных лодок (БРПЛ) и производят их утилизацию согласно договору СНВ-1. Институту было предложено продать часть утилизируемого оборудования «по сходной цене». Однако сам институт от заключения контракта уклонился, и сегодня можно говорить о В заключении сделки приняли участие и посредники, в частности, частная «оборонно-конверсионная» фирма *Тасм*, расположенная в московских В результате на гироскопы были оформлены фальшивые документы, как на электротехнические измерительные приборы, и транспортированы в Ирак через Иорданию по воздуху и, предположительно, через Австрию и Германию, или же через Украину. В небольшом контейнере (0,5X0,5X0,5 м) весом около 30 кг, без проблем преодолевшем российскую таможню, находились гироскопы (не более тридцати), акселерометры и оборудование для ракет морского базирования. Подробнее см.: *Вопросы Безопасности*, №13, сентябрь 1997, с.4-8

² Публикуется в настоящем номере журнала в разделе «Документ»

³ см.: *Вопросы Безопасности*, №4, том 24, февраль 1998, с.7

⁴ Постановление Правительства от 7 ноября 1997 года №1403 "О контроле за вывозом в Ирак товаров и технологий двойного назначения и иных средств, попадающих под действие международного механизма постоянного наблюдения и контроля". *Российская Газета*, 18 ноября 1997, с. 4

⁵⁵ Ныне существующий международный механизм постоянного наблюдения и контроля за поставками в Ирак товаров и технологий двойного назначения и иных средств, которые могут быть использованы Ираком для создания запрещенных видов оружия основывается на пяти ключевых

резолюциях Совета Безопасности: **Резолюция 687**, от 3 апреля 1991 года, более известная как "Gulf War cease-fire resolution", предусмотрела прекращение военных действий в районе Персидского залива; создание Специальной комиссии ООН по разоружению Ирака (UNSCOM), призванной проконтролировать ликвидацию программ Ирака по созданию ядерного, химического и биологического оружия, а также ракет с радиусом действия более 150 км., а также запасов такого вида оружия. **Резолюция 715**, от 11 октября 1991 года, утвердила план постоянного мониторинга и контроля за выполнением Ираком обязательств не приобретать материалов и компонентов для создания запрещенных видов оружия. **Резолюция 986**, от 14 апреля 1995 года, "oil for food decision", разрешила снятие эмбарго на импорт из Ирака нефти и нефтепродуктов, в качестве меры гуманитарного характера. **Резолюция 1051**, от 27 марта 1996 года, одобрила механизм мониторинга импорта и экспорта из Ирака продукции в соответствии с Резолюцией 715. **Резолюция 1115**, от 21 июня 1997 года, потребовала от Ирака полного соблюдения международных санкций, сотрудничества и помощи инспекторам ООН Специальной комиссии ООН по разоружению Ирака, и отложила пересмотр санкций, в ответ на июньский отказ Ирака допустить инспекторов на ряд объектов. Основной целью принятия данных резолюций явилось создание постоянного международно-правового механизма контроля уничтожением существовавших на тот момент в Ираке запасов оружия массового уничтожения и средств его доставки, а так же, что ещё более важно, предотвращение возможности создания таких запасов в будущем. Данный международный механизм постоянного наблюдения и контроля опирается, прежде всего, на поддержку на национальном уровне государств-членов ООН, включая принятие соответствующих правовых актов, утвердивших механизм контроля за экспортом в Ирак на национальном уровне, а так же совершенствование системы наказаний за нарушения в данной сфере. Со своей стороны Специальная комиссия по разоружению Ирака сочетает данные меры, принимаемые на национальном уровне, с мерами международного характера, такими как поддержание и постоянное пополнение базы данных о когда-либо ввезенных на территорию Ирака материалов и технологий

двойного применения, включая каналы перевозки; способы оплаты и каталог фирм-поставщиков, сотрудничающих с Ираком; поддержание и пополнение списков специалистов которые когда-либо были вовлечены в программы Ирака по созданию ядерного, химического и биологического оружия, и т.д. Однако основным моментом в стратегии является создание такой геополитической ситуации в данном регионе, что баланс сил и интересов сам исключал бы необходимость в существовании и поддержании военного потенциала, путем приобретения и изготовления оружия массового уничтожения и средств его доставки как Ираком, так и любым другим государством региона.

Международные наблюдатели, однако, отмечают, что еще рано говорить о степени эффективности существующего ныне режима. После долгого и упорного, в тоже время скрытого, сопротивления со стороны Ирака, предусмотренный Специальной комиссией ООН режим экспортного контроля начал действовать в полную силу только к концу 1994 года. На настоящий момент в Багдадском центре постоянного наблюдения и контроля работают около 100 специалистов, которым, как известно, режим Саддама Хусейна значительно ограничил возможности доступа, в частности, к *президентским объектам* (нам представляется, что такие ограничения носят больше характер политической уловки или блефа и что возможности Ирака в развитии своих химической и биологической программ были после войны 1990 года заметно сужены, хотя, в то же время, Ирак в определенной степени реализовал свои планы по созданию средств доставки биологического оружия, а также по исследованиям в области того оружия, прежде всего, сибирской язвы, хотя и не накопил запасов, достаточных для использования наработок в военных действиях против США или Израиля). Основной же проблемой становится контроль за оповещением и предупреждением о перемещении в Ирак через соседние государства определенных товаров и технологий, которые при незначительном изменении могут приобретать характер товаров широкого применения, и которые на различном национальном уровне по той или иной причине могут не попадать в Список контролируемых товаров и технологий.

⁶ Постановлении Правительства от 7 октября 1996 г. №1172 “О порядке контроля за вывозом из Российской Федерации товаров и

технологий двойного назначения, экспорт которых контролируется”. Информационно-методический справочник “Национальная система экспортного контроля РФ”. М., Центр экспортного контроля, 1996, с.245

⁷ На протяжении многих лет США вырабатывали соответствующий механизм экспортного контроля, который бы позволил контролировать деятельность как отдельных поставщиков, так и государства выступающего в качестве экспортера. Так, Титул № 50 “Война и национальная оборона” содержит главу 35, посвященную регулированию полномочий в экономической сфере деятельности президента и правительства в случае возникновения международного кризиса. Титул включает в себя Закон о нераспространении оружия на территориях Ирана- Ирака от 23 октября 1992 года. Секция 1602 провозглашает политикой и основной задачей Соединенных Штатов добиваться запрета на продажу в Ирак вооружения и военной техники, включая технологии и товары двойного применения, которые могли бы способствовать созданию и совершенствованию военных программ Ирака по созданию ОМУ, а также привести к сосредоточению на территории Ирака опасного для мира и безопасности количества обычных вооружений.

Термин *опасный для мира и безопасности* получил широкую интерпретацию в военно-политической доктрине США, не говоря о независимых исследованиях специалистов, включая такого признанного специалиста, как Эд Лоуренс (Монтерейский институт международных исследований).

Секция 1605 предопределяет автоматическое наложение санкций на любое юридическое лицо либо государство, способствующее Ираку в приобретении данных вооружений и военной техники.

Титул также содержит подробное описание экономических санкций против данного государства а также регулирует механизм предоставления гуманитарной помощи.

Об степени эффективности данной системы может свидетельствовать тот факт, что начиная с 1991 США ни разу не обвинялось в попытках игнорировать механизм постоянного международного наблюдения и контроля либо в попытках его широкой интерпретации.

Информация и оценки (по материалам печати)**В РОССИИ****ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ**➤ **Отставки, назначения****Евгений Адамов назначен новым министром по атомной энергии**

Министр РФ по атомной энергии Виктор Михайлов решил оставить свой пост. В интервью *Независимой Газете*, данном 2 марта, Виктор Михайлов сказал: «Сегодня я подал прошение об отставке на имя президента Бориса Ельцина. В нем написал, что прошу освободить от занимаемой должности в связи с переходом на научную работу».

По словам г-на Михайлова, накануне он имел очень серьезный разговор с Виктором Черномырдиным. «Премьер с пониманием отнесся к моей просьбе», - подчеркнул Михайлов. В ответ на мой вопрос, не стало ли его заявление результатом давления каких-то внешних сил, возможно в правительстве, министр отметил, что в правительстве такого давления он не чувствовал, «но в общественном мнении я не ощущал такой поддержки, а работать, когда тебе не доверяют, особенно в такой отрасли, как атомная, невозможно». Виктор Михайлов также сказал, что рекомендовал премьеру в качестве своего преемника директора Научно-исследовательского и проектного института энерготехники Евгения Адамова. Кандидатура г-на Михайлова была принята, и г-н Адамов назначен министром.

Евгений Адамов родился 28 апреля 1939 года, доктор технических наук, профессор, академик Академии инженерных наук. В 1962 году окончил МАИ, по специальности инженер-механик. С 1962 по 1986 годы работал в ИАЭ, где прошел путь от инженера до заместителя директора. С 1986 года – директор НИКИЭТ. Имеет около 150 публикаций в области космической ядерной техники, безопасности ядерной энергетики и новой ядерной техники. Интересуется также управлением, экономикой и информатикой. Владеет английским языком. У него две дочери, внук. Любит читать.

Президент РФ Борис Ельцин с пониманием отнесся к заявлению Виктора Михайлова. Бывший министр остается на Большой

Ордынке. Его новая должность называется *секретарь Научно-технического совета отрасли* в ранге первого заместителя министра. Ко времени сдачи номера в печать (12 марта) новый министр уже приступил к исполнению обязанностей, в выходной день 9 марта провел учения по моделированию действий сотрудников Минатома в случае аварии на АЭС (на примере Калининской АЭС) и продолжал принимать дела у Виктора Михайлова. (*Независимая Газета*, 3 марта, с.1, соб.инф.).

➤ **Ядерная доктрина. Сокращение ядерных вооружений****Бывшие президенты выступили за запрещение ядерного оружия**

Около 100 бывших глав государств, включая Джимми Картера и Михаила Горбачева, подписали заявление о сокращении ядерного оружия, в котором говорится о необходимости уничтожить ядерные боеголовки, прекратить производство баллистических ракет дальнего радиуса действия и материалов для ядерного оружия. Бывшие руководители государств в своем заявлении назвали уничтожение ядерного оружия моральным императивом и призвали США и РФ возобновить переговоры по сокращению ядерного арсенала. В 1996 году аналогичное обращение подписали 60 генералов и адмиралов, непосредственно связанных с ядерным оружием. (Экспрезиденты против ядерного оружия. *Коммерсант-Daily*. 03 февраля 1998, с.5.)

Концепция ядерного сдерживания не выгодна России

Независимое Военное Обозрение опубликовало статью Николая Новикова (капитана 1 ранга в отставке), Евгения Сереброва (профессора Академии военных наук, полковника в отставке) и Олег Шагова (кандидата технических наук, полковника в отставке), в которой, в частности, говорится:

«Существующая концепция взаимного ядерного сдерживания (устрашения) государств двух антагонистических систем, конфронтационная и ненадежная, но вместе с тем предотвратившая на протяжении нескольких десятилетий ядерную и крупномасштабную безъядерную войну, с

каждым годом все меньше отвечает интересам России. Данная концепция межгосударственных отношений выгодна США. Она позволяет по крайней мере в ближайшем будущем исключить из переговорного процесса Францию, Великобританию и Китай, сохранить военно-политический блок НАТО и навязывать России, переживающей экономический кризис, американские условия сокращения и контроля вооружений, которые лишь ограничивают, но не ликвидируют нарастающего превосходства США в стратегических вооружениях.

В военном отношении мир становится все более однополюсным. Такое развитие событий объективно не может отвечать интересам как России, так и многих других стран мира, включая даже союзников США по НАТО. Переломить ход развития военно-стратегической ситуации в мире сможет объединение государств, заинтересованных в сохранении стратегической стабильности. Достижению этой цели могло бы способствовать подключение к переговорам всех ядерных держав. Для обеспечения заинтересованного участия Франции, Великобритании и Китая в переговорном процессе предметом очередного этапа переговоров следовало бы определить не уровни сокращения СНВ по числу ядерных зарядов, а совместную разработку и реализацию многосторонней концепции стратегической стабильности. Она должна носить неконфронтационный характер, что может быть достигнуто: отказом от доктрины сдерживания путем нанесения «неприемлемого ущерба» и рассмотрения ядерного оружия как фактора стратегической стабильности в мире до создания более надежных механизмов ее обеспечения; приемлемостью основных положений концепции для всех государств - обладателей ядерного оружия с учетом интересов и обеспечения гарантий безопасности безъядерных государств; перспективой значительного сокращения военных расходов как ядерными державами, так и безъядерными государствами».

Таким образом, делается рекомендация в статье, неконфронтационная концепция должна быть ориентирована на достижение таких целей, как обеспечение на длительную перспективу стратегической стабильности в отношениях между всеми ядерными державами и гарантий безопасности для неядерных государств; создание условий для

дальнейших более глубоких сокращений ядерных вооружений на пути их полного уничтожения; сокращение военных расходов, в том числе на реализацию договоров по сокращению стратегических вооружений.

В вопросах построения многосторонней неконфронтационной концепции, пишут далее авторы, «необходимо использовать имеющийся опыт в создании механизмов обеспечения международной безопасности и международных соглашений. Основопологающим принципом является согласие государств - участников переговоров на принятие взаимных обязательств и проведение коллективных мероприятий. К другим наиболее важным принципам следовало бы отнести: поддержание потенциалов СНВ на уровне, не превышающем минимально необходимый для обеспечения стратегической стабильности; ненанесение ущерба безопасности (по всем ее компонентам, в том числе военному, экономическому, экологическому, информационному) других государств; непровоцирование гонки вооружения, прежде всего в качественном совершенствовании стратегических наступательных вооружений и ПРО; сбалансированность сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений». (Николай Новиков, Евгений Серебров, Олег Шагов. Последний этап холодной войны. *Независимое Военное Обозрение*. 23-29 января 1998, с.4.)

Прошло пять лет с подписания СНВ-2

Пять лет назад, 3 января 1993 года, Россия и США подписали Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), до настоящего времени так и не ратифицированный российским парламентом. По мнению экспертов в области стратегических вооружений, СНВ-2 создаст предпосылки для дальнейших сокращений ядерных вооружений с привлечением в будущем к этому других государств и позволит достичь примерного равенства в области ядерных вооружений между РФ и США. В конце 1997 г. президент США Билл Клинтон заявил, что «не придет в Россию, пока Дума не ратифицирует Договор СНВ-2». По оценке военных экспертов, СНВ-2 обеспечивает сохранение стратегической стабильности при значительном понижении уровней ядерных вооружений. Согласно договору на первом этапе суммарное

количество боезарядов, числящихся за Россией и США, не должно превышать 3800-4250 единиц (2160 единиц для баллистических ракет на подводных лодках, 1200 единиц для межконтинентальных баллистических ракет с разделяющейся головной частью индивидуального наведения и 650 единиц для тяжелых бомбардировщиков). На втором этапе, который завершается, предполагается достичь уровня в 3000-3500 боезарядов. В соответствии с протоколом к Договору СНВ-2, подписанным 26 сентября 1997 г. в Нью-Йорке министром иностранных дел РФ Евгением Примаковым и госсекретарем США Мадлен Олбрайт, определен срок сокращений по первому этапу - 31 декабря 2004 г., и срок завершения сокращений - 31 декабря 2007 г. Специалисты в области стратегических вооружений считают, что ратификация СНВ-2 позволит России приступить к подготовке Договора СНВ-3, параметры которого предварительно обсуждены российскими и американскими военными и дипломатами. Согласно этому документу предполагается ограничить к концу 2007 г. для каждой из сторон суммарный уровень боезарядов не более 2000-2500 единиц. (Договору СНВ-2 исполнилось 5 лет. *Независимое Военное Обозрение*. 09-15 января 1998, с.1.)

Со своим взглядом на проблему выступил *Коммерсантъ-Власть*: «Этой осенью за депутатов всерьез взялись министры Игорь Сергеев и Евгений Примаков -- обработка шла [...] в стенах Генштаба. После встречи Сергеев сказал прессе, что всем доволен. Но было хорошо слышно, как в другом конце коридора председатель комитета Думы по геополитике Алексей **Митрофанов** убеждал журналистов: "С американцами надо договариваться заново. Прежде мы во всем уступали, поэтому сейчас надо огрызнуться". А Роман **Попкович** (НДР) [...] возмущался тем, что "американская сторона диктует нам, что конкретно уничтожать", и призывал "оставить достаточно сил для сдерживания супостата". В общем, ни пламенные речи американских сенаторов, ни уговоры российских министров, ни просьбы Бориса Ельцина не помогают. Дума ратифицировать СНВ-2 не желает, считая его дискриминационным для России.

Однако, без всякого сомнения, она его ратифицирует. Потому что иного выхода у России нет. И рано или поздно депутаты это поймут. Дело в том, что к 2010 году стратегические ядерные силы России

фактически прекратят свое существование. Независимо от СНВ-2. Уже в 1991 году Москва в одностороннем порядке отказалась от ряда ядерных военных программ, потому что стало ясно: средств не хватает даже на поддержание к началу XXI века разрешенного СНВ-1 уровня в 6 тысяч боеголовок. Ракеты списывались в массовом порядке -- истек срок эксплуатации. Кстати, именно поэтому спустя всего два месяца после подписания СНВ-1 президент СССР Михаил Горбачев заявил о готовности сократиться уже до 5 тысяч боезарядов. А в 1993 году Москве и вовсе было все равно, какие параметры закладываются в СНВ-2. Надо было спешить, чтобы получить хоть какие-то политические уступки (и экономическую помощь) в обмен на подписание договора.

В действительности же ситуация такова. К 2010 году истекут гарантийные сроки эксплуатации у всех стоящих сейчас на боевом дежурстве 713 межконтинентальных баллистических ракет. На замену им должны прийти новые ракеты *Тополь-М* (SS-27 по классификации НАТО). Первые две такие ракеты в конце декабря были поставлены на опытно-боевое дежурство в Таманской ракетной дивизии в Саратовской области. Между тем президенту было клятвенно обещано, что на дежурство будет поставлен целый полк в составе десяти *Тополей-М*. Да и те две ракеты всех необходимых испытаний не прошли: перед постановкой на боевое дежурство положено провести как минимум семь учебно-боевых пусков ракет, а *Тополь-М* испытывали всего четырежды. Таким образом, если сохранится нынешний уровень финансирования, к 2010 году на дежурство будут поставлены в лучшем случае лишь несколько десятков *Тополей-М*. Но никак не 736, разрешенных СНВ-2. На другом типе межконтинентальных ракет - с разделяющимися головными частями индивидуального наведения - России тоже так или иначе пришлось бы ставить крест. Дело в том, что *десятиголовые* ракеты SS-18 и SS-24 выпускались только на ставшей суверенной Украине»

В принципе Россия может при необходимости создать собственную многоголовую ракету, пишет *Коммерсантъ-Власть*. Однако в этом случае, по словам министра Сергеева, только на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы придется потратить около семи триллионов рублей - почти

десятью часть всего оборонного бюджета России.

«Обречена на гибель и морская составляющая российских ядерных сил. В XXI век Россия планировала всплыть на шести атомных ракетных подлодках класса *Тайфун* (120 ракет с десятью боеголовками каждая) и семи класса *Дельта-4* (112 ракет с четырьмя боеголовками). Но уже в прошлом году из-за отсутствия денег на ремонт были выведены из боевого состава два *Тайфуна*. Остальные четыре выработают свой ресурс к 2001 году. Так что всплытие в марте 1995 года одного из *Тайфунов* в географической точке Северного полюса и пуск учебно-боевой ракеты, похоже, были лебединой песней субмарин этого класса. А последняя *Дельта-4* прекратит свое существование в 2007 году. Правда, по плану Минобороны, к 2003 году в боевой состав ВМФ должна войти стратегическая субмарина нового поколения *Юрий Долгорукий*, которая сейчас строится [...]. Положим, эта лодка когда-нибудь и будет достроена (не к 2003 году точно). Но непонятно, чем ее вооружать. Разрабатываемая для *Юрия Долгорукого* новая ракета РСМ-52В во время испытательного пуска на полигоне в Неноксе (Архангельская область) в ноябре 1997 года взорвалась прямо на глазах у министра обороны. Это вообще поставило под угрозу программу создания новой стратегической ядерной ракеты морского базирования. И, соответственно, существование российских морских стратегических ядерных сил.

Что же касается последнего компонента российской ядерной триады -- авиационного, то о его существовании можно говорить лишь с большой натяжкой. Парк стратегических бомбардировщиков, находящихся в боевом составе ВВС, -- это 9 реактивных Ту-160, 62 турбовинтовых Ту-95МС и 28 Ту-95К. На Казанском авиапроизводственном объединении в разной степени готовности пылятся еще шесть недоделанных Ту-160, но Минобороны из-за нехватки денег уже даже не рассматривает вопрос об их закупке. Опять же на Украине остались 19 Ту-160 и 25 Ту-95МС, однако многолетние переговоры о возвращении их России ни к чему не привели. Гниющие под открытым небом Узина и Прилук бомбардировщики скорее всего там и закончат свой путь. Впрочем, и российские тяжелые бомбардировщики не в лучшем состоянии. Из девяти Ту-160 подняться в воздух могут лишь четыре. Все Ту-95К ждут

своей очереди на разделку. А стареющие Ту-95МС летают крайне мало и тоже не все.

Таким образом, подписание СНВ-2 -- на самом деле крупная политическая победа России. Ведь на утилизацию сотен ракет, которые и без СНВ-2 придется списывать, денег нет. А в обмен на его ратификацию Вашингтон уже пообещал новую программу финансовой помощи. На этом фоне не так уж важно, что подписанный в 1993 году Ельциным и Бушем договор с военной точки зрения невыгоден России. (Это признал даже Уильям Перри.) К тому же в прошлом году Москве удалось получить отсрочку его выполнения до 2007 года. Действительно, Россия обязалась ликвидировать все наземные ракеты с разделяющимися головными частями, составляющими сегодня основу ракетных войск стратегического назначения. Однако, как уже было сказано выше, ракеты эти все равно придется списывать. Действительно, СНВ-2 нарушил структуру российских стратегических ядерных сил. Москве придется перенести акцент на требующий гораздо больших затрат и менее развитый морской компонент -- подводные лодки с баллистическими ракетами. Наконец, действительно, Вашингтону удалось заложить возможность быстрого восстановления своей прежней ядерной мощи. Снимаемые с морских ракет боеголовки будут не уничтожаться, а складироваться; сокращаемые стратегические бомбардировщики -- консервироваться. Вернуть боеголовки на ракеты -- вопрос нескольких дней, а бомбардировщики расконсервируются и вовсе за несколько часов. Москве же после ликвидации своих наземных ракет с разделяющимися головными частями возвращать боеголовки будет просто некуда.

И тем не менее все это перевешивается той финансовой помощью, которую США выделяют на уничтожение и утилизацию ядерного оружия. Начиная с 1992 года Вашингтон ежегодно направляет постсоветским республикам, на территории которых размещались стратегические ракеты, по \$400 млн. 80% этой суммы предназначается России. До 2001 года Москва таким образом получит \$3,2 млрд. Деньги эти ей жизненно необходимы: даже ратифицированный СНВ-1 финансируется российским бюджетом всего на 40%».

Сейчас Кремль, пишет в заключение *Коммерсантъ-Власть*, выдвинул очередную

разоруженческую инициативу. Борис Ельцин предложил всем ядерным державам заключить СНВ-3, предусматривающий сокращение российско-американских ядерных арсеналов еще на треть -- до 2-2,5 тысячи боеголовок. «Однако эта идея не вызвала энтузиазма ни у США, ни у французов, ни у англичан. Запад в отличие от российских депутатов прекрасно осведомлен об истинном положении дел. И платить по московским счетам не спешит. Но Москва не отчаивается. Есть проверенный способ заставить коллег по ядерному клубу изменить свое мнение -- шантаж. Киев на спекулировании чернобыльской угрозой заработал \$400 млн. И Запад, безусловно, купится на убедительные *страшилки* о хранящихся в ужасных условиях ракетах или готовых вот-вот взорваться боеголовках». (Евгений Федоров. Российская смиренная инициатива. *Коммерсант Власть*, №1. 20 января 1998, с.23-26).

Скептически оценивает усилия министерства обороны по убеждению депутатского корпуса в необходимости ратификации СНВ-2 газета *Завтра*: «Министерство обороны пригласило депутатов Государственной думы посетить Центральный командный пункт Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Пригласило "для знакомства с ходом реформирования Вооруженных сил". Эта, несомненно, полезная инициатива вызвала, однако, и удивление. До этого руководители Минобороны, особенно г-н Сергеев, всячески избегали излишнего общения с депутатами. На объекты стратегических ядерных сил легче было попасть американскому инспектору, чем российскому депутату. И вот столь неожиданное приглашение. С чего бы?

Логично было ожидать, что, рассказав о тяжелом состоянии РВСН, в которые в ходе *реформы* влились Военно-космические силы и Ракетно-космическая оборона [ранее находившаяся в составе ПВО – Ред.], руководство РВСН попросит дополнительные ассигнования. Ведь именно сейчас обсуждается бюджет на 1998 год, и есть возможность внести соответствующие изменения. Однако отцы-командиры с гордостью рассказывали, как они собирают по крохам внутренние резервы, чтобы сохранить разваливающиеся на глазах системы. А вот вразумительный ответ на вопрос о том, сколько же нужно дополнительно средств, чтобы сохранить боеготовность РВСН, депутатам приходилось буквально вырывать с клещами. [...]

Истинная причина приглашения выявилась как бы вскользь. Рассуждая о состоянии РВСН, руководство Минобороны настоятельно рекомендовало депутатам ратифицировать договор СНВ-2. Аргументация звучала примерно так: если уж мы не можем удержать наши РВНС на достойном уровне и уменьшение числа тяжелых ракет все равно произойдет за счет их естественного старения, то давайте, по крайней мере, немного разоружим и американцев, поскольку по СНВ-2 они тоже будут вынуждены сокращать число ракет и боеголовок».

По мнению *Завтра*, эта аргументация неубедительна: «Американцы добиваются уничтожения наших тяжелых ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, которые составляют основу нашего потенциала ядерного сдерживания. Сами же США намерены проводить сокращения в основном путем *разгрузки* ракет, то есть снятия с них части боеголовок для складирования в специальных хранилищах. В любой момент этот боезапас, вполне открыто называемый *возвратным потенциалом*, уничтожить который американцы отказываются, можно будет быстро вернуть на ракеты. Преимущество США в ядерных вооружениях от ратификации СНВ-2 не только не уменьшится, но и, по сути дела, возрастет».

Депутат Государственной Думы генерал-полковник Альберт **Макашов**, по информации *Завтра*, подвел итог разговора, сказав, что "мы в этом деле тоже немножко понимаем, и поскольку это вопрос политический, то обсуждать его мы будем здесь, а не в парламенте. Ни о какой ратификации не может быть и речи до тех пор, пока мы не получим подробного экономического обоснования, во что России обойдется это *разоружение*. А сейчас, насколько я понимаю, по повестке дня — обед. Вот я и предлагаю перейти к этому пункту повестки дня". На этом дискуссия и завершилась». (Вячеслав Тетекин. Обед против СНВ-2. *Завтра*. 27 января 1998, с.4). *Подробнее о затронутых проблемах см. статью Николая Сокова в этом номере журнала Ядерный Контроль*

Президент недоволен затягиванием ратификации СНВ-2

Борис Ельцин считает, что постоянные отсрочки ратификации договора СНВ-2 российским парламентом не отвечают

интересам военной реформы в стране и интересам российско-американских отношений. Об этом заявил 15 января пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский. По его словам, "с практической точки зрения нецелесообразно постоянно переносить в Госдуме рассмотрение, обсуждение и постановку вопроса о ратификации договора СНВ-2". (ИТАР-ТАСС, 16 января)

Главком РВСН Владимир Яковлев не видит альтернативы СНВ-2

Главком РВСН Владимир Яковлев заявил, что альтернативы Договору СНВ-2 нет. Он должен быть ратифицирован Государственной Думой России и безусловно выполнен. Иначе соотношение ядерного потенциала США и России будет 15 к 1, не в пользу России. Главком РВСН высказался за дальнейшее сокращение ядерных вооружений двух стран. У нас было по 12 тысяч боезарядов, заявил он, стало по шесть. Договор СНВ-2 выводит нас на 4-4,5 тысячи боеголовок [так в *Известиях*. На самом деле, количественные параметры СНВ-2 3-3,5 ядерных боезарядов на стратегических носителях – **Ред.**], а в дальнейшем по Хельсинкским соглашениям может быть 2-2,5 тысячи, а затем надо сокращаться и до тысячи или полутора тысяч, сказал генерал. Большого количества ядерных боеприпасов, по мнению главкома РВСН, наша экономика не выдержит. Правда, это сокращение должно идти параллельно с уменьшением ядерного потенциала Соединенных Штатов, считает генерал-полковник. А после заключения договора СНВ-3 к этому процессу должны подключиться и остальные члены ядерного клуба - Франция, Великобритания и Китай, у которых сегодня около тысячи ядерных боеприпасов.

Заявления некоторых депутатов о необходимости продления сроков эксплуатации тяжелых ракет (РС-18, или *Сатаны*) и создания в России новой такой ракеты с разделяющимися головными частями Яковлев назвал несостоятельными. Гарантийные сроки ракеты и так продлены с 10 лет до 23, и после 2007 году они будут смертельно опасны только для нас самих. А для создания усовершенствованной *Сатаны* надо как минимум 8-10 миллиардов новых рублей. Даже для того, чтобы довести до конца работы по *Тополю-М*, сегодня требуется 3,7 миллиарда. И эти средства набираются с большим трудом. (Виктор Литовкин. Главком ракетчиков хочет и

далее сокращать свои войска. *Известия*. 20 февраля 1998, с. 2).

Алексей Арбатов не воспринимает стокгольмскую инициативу Ельцина как серьезную

Заместитель председателя Комитета Госдумы по обороне Алексей Арбатов заявил, что к ядерной инициативе президента России, объявленной в Стокгольме, невозможно отнестись серьезно, тем более что «после заявления президента представители соответствующих ведомств должны были из кожи лезть вон, чтобы объяснить что же президент имел в виду... Не ясны ни суть, ни логика этого заявления. Во-первых, о каких боеголовках идет речь? На стратегических носителях или на оперативно-тактических? Или на всех вместе? Во-вторых, от какого потолка предлагается сокращать на треть: от фактически достигнутого на сегодня, от уровня СНВ-1, СНВ-2 или СНВ-3? 1 В-третьих, за какой срок: за 2 года, к 2003 г., к 2007 г, или речь идет о еще более позднем сроке? Мы ведем с Соединенными Штатами переговоры. Если мы говорим другой стороне: «Будем в одностороннем порядке еще на одну треть потенциал сокращать», то мы лишаем ее стимула договариваться с нами».

По мнению г-на Арбатова, «главное препятствие для Договора СНВ-2 - это не мифическая «красно-коричневая оппозиция» и не стратегические соображения, это чисто внешнее впечатление такое. Реальная причина другая: большинство депутатов парламента не видят осознанной, целенаправленной, скоординированной политики государства в важнейшей области национальной безопасности. Они не видят четкой доктрины, к которой привязана программа развития стратегических сил, бюджетной стратегии - сколько будет потрачено сегодня, сколько - через десять лет. Всего этого депутаты не видят. То, что президент сказал в Швеции, сильно пошатнуло начавший было складываться консенсус». Теперь «для того, чтобы провести Договор через Госдуму, президенту и исполнительной власти придется затратить больше сил, чем они думали приложить».

Г-н Арбатов заявил, что уровень в 1,5 тысячи боеголовок активно дискутируется. «Поскольку новых носителей и боезарядов вводится в строй намного меньше, чем списывается, эта цифра не окончательная, она может меняться, и в довольно широких

пределах. Какое соглашение будет определять национальную политику в ядерной области - СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3? Или все будет сорвано? Как поступят США: сохранят ли нынешний уровень, в одностороннем порядке опустятся до уровня СНВ-2, или еще ниже? Важно также то, в каком виде сохранится Договор об ограничении систем ПРО. Все это определит наши подходы к СЯС и к их финансированию. Если иметь достаточно денег, к 2007 г. Россия может располагать 2,5-3,5 и даже 4 тысячами боеголовок. Финансирование, естественно, зависит от экономической ситуации в стране, от наполнения федерального бюджета и той его доли, что отводится на национальную оборону. Но количество денег определяется и приоритетами внутри военного бюджета. Если окажется, что стратегические ядерные силы важнее, чем другие силы, то даже в рамках нынешнего военного бюджета - 82 триллиона рублей - ассигнования на стратегические силы могут быть увеличены вдвое, даже втрое. Средства, что идут на стратегические силы, их инфраструктуру и всевозможные системы обеспечения, составляют процентов 15-18 всего оборонного бюджета. Можно сократить бюджеты других силовых структур, которые в общей сложности составляют почти половину военного.

Перераспределение приоритетов - не такая уж экзотика. Американцы в 50-е годы, когда у них была доктрина «массированного возмездия», то есть упор на стратегические силы, выделяли на них до 40 процентов своих оборонных ассигнований. Если вдруг возникнет реальная военная угроза, тогда может быть принято решение об увеличении военного бюджета. Сейчас он составляет 20 процентов федерального бюджета, его могут до 30 процентов увеличить, даже до 40, в зависимости от ощущения военной угрозы». (Расчет на первый удар - стратегия глупая... *Ядерная Безопасность* № 8. Январь 1998, с.4-5).

➤ **Ядерный экспорт и экспортный контроль**

Между министерствами отсутствует единство в отношении достройки АЭС в Хурагуа

На заседании правительства России 15 января отчетливо проявился конфликт между рядом ведомств, ответственных за оживление внешнеэкономической деятельности России. В то время как основные упреки звучали в

адрес МВЭСТ, крика раздалась также и в адрес министерства финансов. По словам главы МЧС Сергея **Шойгу** (одновременно он возглавляет три межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству), Минфин блокирует оживление торгово-экономических связей России со странами-должниками. "Мы,- сказал г-н Шойгу,- всей комиссией договариваемся, например, с руководством Кубы о достройке АЭС в Хурагуа, а один начальник отдела с Ильинки [из Минфина] дезавуирует все соглашения одной фразой: «Пока не начнут возвращать советские долги, никакого сотрудничества с Кубой Минфин не допустит». (Константин Левин. Ликвидация внешнеэкономического ведомства отложена. *Коммерсант-Daily*. 16 января 1998. с.2).

➤ **Ядерная безопасность**

62% ракетных комплексов находятся за пределами гарантийного срока эксплуатации

В Ракетных войсках стратегического назначения сегодня стоят на боевом дежурстве 736 пусковых установок стратегических ракет и 5630 ядерных боезарядов. А всего в РВСН 5799 ядерных боеприпасов. Об этом заявил на пресс-конференции в РИА *Новости* главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник Владимир **Яковлев**.

Генерал сказал, что интеграция трех видов вооруженных сил - Ракетных войск, Противокосмической обороны и Военно-космических сил - повысила боевую эффективность новых РВСН на 15% за счет объединения в одну систему боевого потенциала, информационного и разведывательного, а также приносит ежегодную экономию свыше миллиарда неденоминированных рублей. Генерал сообщил, что 62% ракетных комплексов находятся за пределами гарантийного срока эксплуатации, а среди средств управления эта цифра составляет 71%. Выработали свои гарантийные сроки и 68% военных космических аппаратов. Под контролем специалистов, заявил главком, ежедневно находится 4-6 тысяч ядерных боеприпасов. С них постоянно снимаются данные по 24 параметрам, а раз в полгода число параметров возрастет до 6 тысяч. За 38 лет эксплуатации этого оружия не было ни одного критического эпизода, и ракетчики делают все возможное, чтобы этого не произошло.

(Виктор Литовкин. Главком ракетчиков хочет и дальше сокращать свои войска. *Известия*. 20 февраля 1998, с. 2.

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Захоронения химического оружия в Балтийском и Белом морях должны быть уничтожены

В акватории Балтийского и Белого морей хранятся сотни тысяч тонн химического оружия. Только от первой мировой войны там осталось свыше 30 миллионов снарядов. После второй мировой войны добавили еще сотни тысяч тонн ХО.

Первые *тревожные звонки* уже раздаются: в Белом море погибли в одночасье все морские звезды, в Балтике рыбаки зацепили тралом снаряды химического оружия — в результате были сильные отравления и даже со смертельным исходом. Аналогичные случаи отмечались не так давно в Японском море. Всего лет через десять затопленные емкости с отравляющими веществами проржавеют, и нас ждет экологическая катастрофа.

Рассчитывать на то, что захоронения проводились на большой глубине и поэтому безопасны, не приходится. Жизнь показала: впадины не спасают. Надежды на то, что в этих впадинах нет ни вертикального, ни горизонтального течения, не оправдали себя. Оказалось, и в этих впадинах существует жизнь и, следовательно, действует биологический механизм, с помощью которого радионуклиды и другие токсические вещества поднимаются со дна на поверхность. Подсчитано, с глубины пять километров (на которую обычно кидали контейнеры) токсические вещества достигают поверхности через год. Но иногда хватает одной недели.

Владислав **Шелученко** из ГосНИИОХТ считает, что затопленные снаряды трогать нельзя. Все места их затопления обозначены в морских лоциях. Следовательно, суда там не ходят, рыбу там не ловят. Иприт тяжелее воды — не всплывет. В то же время среди захоронений есть загущенный иприт. Его захоронение производилась в контейнерах. Когда они проржавеют, ошметки каучука вперемешку с ипритом всплывут. Места их захоронения точно не установлены. При этом г-н Шелученко считает, что Россия должна, в соответствии с международными обязательствами, блюсти международную

тайну о всех местах затопления, чтобы о них не узнали террористы.

Вице-президент Национальной организации Международного Зеленого Креста России профессор Владимир **Барановский** такую позицию не разделяет, так как огромные залежи бесхозных снарядов могут привести — и такие случаи были — к отравлению местного населения. Такое случилось с рыбаками Польши и Дании. Были даже и смертельные исходы. Однако проблема Балтийского моря для России является далеко не первой и даже не второй значимости. Море Белое уже давно превратилось в *черное* из-за затопленного в нем секретного химического оружия. Где, какое и сколько — информация засекречена. Однако и это меркнет в сравнении с тем, что ожидает нас в акватории Японского и Охотского морей. В этих морях также топили химическое оружие. И не только СССР, но и США, начиная с 70-х годов. Несколько месяцев назад и в этих водах рыбаки извлекли трал с ужасной *добычей*. Были сильные отравления. И это лишь начало. Пик придется на 20-е годы 21-го века. Именно тогда завершится коррозионный процесс тары затопленной отравы. В воды Тихого океана из проржавевших цистерн и бочек выльются сотни тысяч тонн отравляющих веществ, один грамм которых убивает лошадь. Но вначале погибнут рыбы. Самое страшное, что именно эти два моря являются основными местами рыбодобычи Японии, США и России. Затопленные вещества могут даже и не растекаться, как это свойственно иприту, или всплывать на поверхность. Они могут вступать в химические реакции с морской водой. И образовать новые соединения, пригодные в пищу морским организмам. Тогда возникает пищевая *цепочка* с летальным исходом. О грозящей катастрофе российские ученые проинформировали Виктора Черномырдина. Американские конгрессмены написали запрос Биллу Клинтону. Однако решение проблемы не сдвинулось. В то же время российские экологи предлагают технологии уничтожения ХО. Так, Александр **Красноперов** запатентовал специальное устройство, которое может плавать и транспортируется к месту захоронения. Затем из-под него выкачивается воздух, и полусфера плавно опускается на грунт. И тогда на дне могут совершенно спокойно работать дезактиваторы под воздушным колпаком, уничтожая все ХО на месте, как того требуют международные соглашения. (Юрий Коноров.

Спи спокойно, медленная смерть? *Российская Газета*. 06 февраля 1998, с.7).

ИЗ ДОСЬЕ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ

➤ Экспорт вооружений

Россия поставит индийским военно-морским силам новые вооружения

Запланированный на вторую половину января визит Бориса Ельцина в Индию перенесен на более поздние сроки — ориентировочно на сентябрь нынешнего года. Предполагалось, что в ходе этого визита будет подписана декларация о стратегическом сотрудничестве между двумя странами, а также пакет соглашений о расширении сотрудничества в различных областях, в том числе и оборонной. Однако перенос визита не отразился на содержании переговоров между главнокомандующим ВМС России адмиралом Владимиром Куроедовым и министром обороны Индии Мулаямом Сингхом Ядавом и командным составом индийских ВМС, которые прошли в Дели.

Как сообщили в Главном штабе ВМФ РФ, визит главкома ВМФ России адмирала Владимира Куроедова в Индию был связан с обсуждением проблем поставок Россией индийским ВМС вооружений и организацией совместных военно-морских учений в акватории Индийского океана. Это первая дальняя заграничная поездка Владимира Куроедова в его новой должности главкома ВМФ (он был назначен на нее указом президента РФ 7 ноября 1997 года). И перед этим визитом контакты именно с индийскими коллегами у него были наиболее интенсивными.

Сегодня Индия является одним из главных партнеров России в военно-техническом сотрудничестве. Достаточно сказать, что накануне своего визита в Дели главком ВМФ побывал 24—27 декабря в Санкт-Петербурге, где на государственном предприятии *Адмиралтейские Верфи* участвовал в церемонии поднятия флага на построенной российскими корабелями дизельной подводной лодке *Синдхуракша* (*Страж моря*). Ее экипаж из 13 офицеров и 45 матросов отдал тогда рапорт Главкому ВМФ о своей готовности к выходу в море. Обучали индийский экипаж военные моряки Балтфлота. Примечательно, что церемония передачи индийским морякам подводной лодки совпала с 30-летием со дня начала реализации индийских заказов на постройку

подводных лодок в России в рамках существовавшего советско-индийского соглашения о военном сотрудничестве. *Синдхуракша* - девятая дизель-электрическая подводная лодка, построенная для Индии на российских верфях. Последние субмарины серии, известные под названием класса *Кило* (проект 877 ЭКМ), отличаются малой шумностью хода, высокой живучестью, наличием мощного гидроакустического комплекса.

Постройка *Синдхуракши* — это только эпизод из широкого круга военно-технического сотрудничества Индии и России. Для Индии заложена в Санкт-Петербурге новая субмарина типа *Амур*. Новая аккумуляторная батарея позволит лодке в течение 10 суток двигаться под водой, преодолевая расстояние в 600 миль. У аналогичных субмарин 3-го поколения эти показатели почти вдвое меньше. Стоимость подобного корабля около 300 млн. долл. Подлодка оснащена комплексами из 6 торпедных аппаратов (боезапас 18 торпед) и по боевым характеристикам в 2-3 раза превосходит подводные лодки 3-го поколения. Для их строительства используются материалы, не имеющие аналогов в мире (сталь АБ-2, противогидролокационное резиновое покрытие корпуса).

Россия продолжит строительство для Индии военных кораблей и подводных лодок. «Мы будем продолжать переговоры о продаже Индии находящегося сейчас в резерве тяжелого авианесущего крейсера *Адмирал Горшков*, однако этот вопрос нуждается в дальнейшей проработке», отметил Владимир Куроедов. В ходе переговоров главкома ВМФ России с командным составом ВМС Индии обсуждались также вопросы, связанные с готовящейся долгосрочной программой российско-индийского ВТС, рассчитанной до 2010 г., подготовкой в России индийских военных моряков, проведением совместных военных маневров в акватории Индийского океана в рамках соглашения, подписанного в 1996 г.

Командующий ВМС Индии адмирал Вишну Бхагват назвал переговоры с главкомом ВМФ России в «высшей степени успешными». «Визит Куроедова продемонстрировал, что Россия будет и впредь оставаться главным партнером Индии в области поставок самой современной военной техники, а сотрудничество военных флотов двух стран еще более расширится в

ближайшее время», заявил индийский военачальник. (Игорь Александров, Владимир Георгиев. Визит Ельцина в Индию отложен. *Независимая Газета*. 13 января 1998. с.6).

Исламабад готов к диалогу с Москвой

Пакистан заинтересован в налаживании диалога с Москвой с целью обсуждения возможности закупки «хороших и относительно недорогих» российских боевых самолетов, заявил в Исламабаде начальник штаба ВВС Пакистана Первас Мехди Кураши. «Из изучаемых нами нескольких вариантов приобретения современной авиатехники предпочтительнее по многим причинам выглядит выбор самолетов, производимых в России и Франции», подчеркнул он. (*Красная Звезда*. 21 января 1998, с.3). *О возможностях российско-пакистанского военно-технического сотрудничества читайте статью Айеша Сиддика-Ага в следующем номере Ядерного Контроля.*

Япония считает, что российские Су-27 превосходят американские F-15

В Японии проявляют особый интерес к российскому истребителю Су-27. Это подтвердил в Москве первый заместитель начальника управления национальной обороны (УНО) Японии Масахиро Акияма. Выступая перед журналистами, он заявил, что в феврале в Россию прибудет группа представителей японских ВВС в составе двух

пилотов и одного технического специалиста для обучения пилотированию самолетов Су-27. Чем вызвана такая стажировка; Масахиро Акияма не стал объяснять, однако в японской печати не раз отмечалось, что российские Су-27 по своим полетным характеристикам превосходят американские истребители F-15, которые составляют боевую мощь ВВС Японии, и высказывалось мнение в пользу приобретения *Суших*. (Владимир Кузарь. Японцы хотят летать на Су-27. *Красная Звезда*. 29 января 1998, с.3).

Росвооружение предложило Турции танки Т-90С

Турция готовится объявить международный тендер, победитель которого поставит вооруженным силам страны новейшую бронетанковую технику. Танки должны будут производиться в Турции совместно с компанией--победителем тендера. Помимо России участвовать в конкурсе намерены 12 стран, в том числе США, Франция, Германия, Китай, Великобритания, Израиль и Украина. Проект по совместному производству в Турции около тысячи современных боевых машин оценивается в 4,5 млрд. долларов. В преддверии тендера госкомпания *Росвооружение* направила Турции коммерческое предложение по совместному производству танка Т-90С. Эта пятидесятитонная боевая машина отличается мощной броневой защитой и вооружена 125-миллиметровой пушкой. (ИТАР-ТАСС, 29 января)

В МИРЕ

➤ США

Уничтожена последняя из шахтных пусковых установок для МБР

В штате Миссури уничтожена последняя из шахтных пусковых установок для межконтинентальных баллистических ракет *Минитмен-2*. Таким образом, выполнено положение договора СНВ-1, предусматривавшего уничтожение таких стартовых комплексов. Правда, одна такая установка в штате Южная Дакота сохранена для того, чтобы превратить ее в музей. (*Красная Звезда*. 10 января 1998. с.2).

Республиканцы вновь настаивают на пересмотре Договора по ПРО

Республиканцы в сенате США требуют пересмотреть ряд важнейших международных договоров, в том числе и подписанный четверть века назад с СССР

договор по ПРО. Глава комитета по иностранным делам Джесси Хелмс написал Биллу Клинтону письмо. От имени комитета он предупредил, что чрезмерная самостоятельность администрации во

внешнеполитических вопросах может привести к конфронтации с сенатом.

Г-н Хелмс предупредил, что его комитет в текущем году пересмотрит ряд международных договоров, включая двусторонние российско-американские. Республиканцы считают, что договор по противоракетной обороне (ПРО) устарел. Требуется его новая версия, так как противостояния между США и СССР уже нет. Г-н Хелмс же настаивает на том, что договор должен стать многосторонним. И не столь обременительным для американцев -- и в плане обязательств, и в плане бюджета. Но

в этом случае он окажется непосильным бременем для России, которой волей-неволей придется противостоять *в войне высоких технологий* не одной супердержаве, а группе союзников по НАТО.

Другой документ, прохождению которого через сенат Джесси Хелмс обещает препятствовать, -- договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) -- один из внешнеполитических козырей Клинтона. В сенате раскусили замысел администрации -- проташить договор *в одном пакете* с ратификацией решения о расширении НАТО. И предупреждают: уловка не пройдет. Усилия администрации навязать сенату договор тем более напрасны, что в ближайшее десятилетие на его успех рассчитывать нельзя. Согласно условиям договора, он может вступить в силу только после выполнения квалификационной квоты -- ратификации его 44 странами (из 149 подписавших), имеющими ядерный потенциал (включая ядерные энергетические или исследовательские установки). До сих пор ратифицировали договор лишь четыре страны из обязательного списка.

Сенатор посетовал на то, что администрация навязывает сенату нежелательные документы. И в то же время медлит с представлением тех, которые парламентарии хотели бы обсудить безотлагательно: подписанный в Киото в декабре 1997 года протокол о глобальном потеплении климата и поправки к договору по ПРО. Комитет Хелмса, от которого зависит первая стадия ратификации внешнеполитических документов, поставил условие: он будет бойкотировать ДВЗЯИ до тех пор, пока на рассмотрение сената не будут вынесены два указанных документа. И блокировать выплату американского долга ООН (1,3 млрд. долл.). Торг здесь неуместен, предупредил президента сенатор Хелмс. (Марина Калашникова. *Республиканцы грозят Клинтону. Коммерсантъ-Daily*. 30 января 1998, с.5.)

Новые положения ядерной доктрины США дают дополнительные аргументы сторонникам СНВ-2

В конце 1997 года *Washington Post* сообщила об уточнении официально принятой в стране ядерной доктрины. Такое решение было принято в ноябре и оформлено как специальная президентская директива. По утверждениям американских должностных лиц, речь идет о полном пересмотре

действовавшей доктрины взаимного сдерживания угрозы полного уничтожения противоположной стороны в длительной крупномасштабной ядерной войне.

Основные положения ядерной стратегии США были зафиксированы в так называемых директивах о решениях в области национальной безопасности N 13 (принята в октябре 1981 г.) и N 32 (от 17 мая 1982 г.), а также в "Руководящем плане боевого применения и приобретения ядерного оружия" (весна 1981 г.) и директиве министра обороны "Политика в области применения ядерного оружия" (июль 1982 г.). На базе этих документов был разработан единый комплексный оперативный план СИОП-6 (от английского SIOP - Single Integrated Operational Plan).

Теперь принято решение ограничиться принципом сдерживания вероятного противника угрозой нанесения ударов по более узкому кругу целей (командным пунктам и средствам ракетно-ядерного нападения). Обращают на себя внимание некоторые формулировки. **Во-первых**, угроза применения ядерного оружия должна удерживать потенциального агрессора от ядерного, химического или биологического нападения. Таким образом, возможным объектом для ядерных ударов могут стать неядерные страны, пытающиеся компенсировать свою силовую "неполноценность" обращением к более дешевому и доступному для них химическому и биологическому оружию. **Во-вторых**, США намерены предотвратить использование оружия массового поражения против *американских интересов*. Это еще одна трактовка критериев решения о применении ядерного оружия. Ведь понятие *интересов* может иметь весьма разнообразное содержание. Произвольно определяемые интересы США могут обнаружиться в весьма удаленных районах, причем на территории стран, отнюдь не являющихся союзниками Вашингтона.

Изменение взглядов на применение ядерного оружия стало насущной необходимостью. Сокращенные ракетно-ядерные арсеналы не обеспечивают ныне поражения объектов, включенных в перечень 15 лет назад. Да и политическую цель такого нападения представить сегодня довольно сложно. Несмотря на атмосферу секретности, просочились данные, что в директиве президента предписано расширить перечень

целей на территории Китая, растущая мощь которого все более тревожит Соединенные Штаты. Перечень пополнят цели на территории стран, занимающихся разработкой других средств массового поражения (пока называется лишь Ирак). Сохраняется список первоочередных объектов поражения (пунктов управления, объектов стратегических ядерных сил) на территории России.

Эксперты отмечают, что в президентской директиве уделено много внимания сохранению высокой боевой готовности группировки стратегических наступательных сил (СНС) США. Только на эти цели ежегодно выделяется 33 млрд. долларов. Специальный помощник президента Роберт Белл, отвечающий в Совете национальной безопасности за военную политику, отметил, что документ называет ядерное оружие "краеугольным камнем национальной безопасности США на неопределенно долгое будущее". Г-н Белл подтвердил, что сохранится нынешняя ядерная триада - морская, авиационная и наземная составляющие СНС. Неизменным остается положение о том, что США считают себя вправе применить ядерное оружие с получением сигнала, оповещающего о начале атаки противника (ответно-встречного удара). Сохраняется и тезис о праве США применить первыми ядерное оружие (иначе говоря, предусматривается возможность упреждающего ядерного удара). Пересмотр содержания предыдущей аналогичной директивы президента Рейгана (октябрь, 1981 г., N 13.) был инициирован в феврале этого года Джоном Шаликашвили, занимавшим в то время должность председателя Комитета начальников штабов (КНШ), и командующим стратегическими силами Юджином Хабиджером. Оба генерала обратили тогда внимание президента на то, что 3-3,5 тыс. боезарядов, остающихся в строю по Договору СНВ-2, нельзя обеспечить решение задач, поставленных прежней директивой. Впереди же новые сокращения - до 2-2,5 тыс. боезарядов.

В разработке директивы приняли участие ключевые фигуры высшего военно-политического руководства США: около двух десятков человек из Совета национальной безопасности, министерства обороны, КНШ, ЦРУ, Госдепартамента и аппарата вице-президента Альберта Гора. В штабе командования стратегических сил на основе директивы в течение 10 ближайших

месяцев группа ядерного планирования разработает обновленный единый комплексный оперативный план. Должно быть также уточнено количество боеголовок, остающихся в резерве, который может быть использован после первоначального обмена ядерными ударами. Из этого можно заключить, что вновь ставится вопрос о возможности затяжной ядерной войны. Масштабы обновления ядерной стратегии не столь внушительны, как кажется на первый взгляд.

Утечка информации о выпущенной президентом директиве была запланированной. Возможно, таким путем вашингтонская администрация надеялась продемонстрировать Москве свою готовность к практическому пересмотру своей политики в области безопасности и приведению ее в соответствие с реалиями современного мира. А заодно дать дополнительные аргументы сторонникам ратификации Договора СНВ-2 в Государственной Думе. (Сергей Модестов. Дополнительные аргументы для сторонников СНВ-2. *Независимое Военное Обозрение*. 30 января-05 февраля 1998, с.1).

В Сенате прошли слушания по отношениям с Россией

24 февраля в Вашингтоне в комитете сената по иностранным делам прошли слушания с участием госсекретаря Мадлен Олбрайт и министра обороны Ричарда Козна, на которых обсуждались отношения с Россией в период расширения НАТО. Выступая перед сенаторами, Олбрайт с удовлетворением отметила: вопреки существующим опасениям, что расширение НАТО на Восток может привести к обострению отношений США с Россией, ничего подобного не произошло. Наоборот, Россия на год опережает график ликвидации ядерных вооружений по договору СНВ-1, а президенты Клинтон и Ельцин договорились об общих параметрах договора СНВ-3. Россия присоединилась к США в том, что касается запрета на ядерные испытания, и вслед за ними ратифицировала конвенцию о запрещении химического оружия. Правда, некоторые трудности существуют: помимо медленного рассмотрения в Государственной Думе договора СНВ-2, это связи с Ираном и расхождения в оценке ситуации в Ираке, которые, как считает госсекретарь США, проистекают из того, как именно Россия "определяет свои национальные интересы в этом регионе". (Юрий Чубченко. Россия

заслужила благодарность США.
Коммерсантъ-Daily. 26 февраля 1998, с.5).

Документ

**«ОБ УСИЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА ЭКСПОРТОМ ТОВАРОВ И УСЛУГ
ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ
К ОРУЖИЮ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
И РАКЕТНЫМ СРЕДСТВАМ ЕГО ДОСТАВКИ»**

**Постановление Правительства Российской Федерации №57
22 января 1998 года**

В целях дальнейшего совершенствования механизма контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Российские участники внешнеторговой деятельности независимо от формы собственности воздерживаются от экспортных сделок с любыми товарами и услугами двойного назначения, не подпадающими под действие нормативных правовых актов Российской Федерации по экспортному контролю, в случае, если им известно, что данные товары и услуги будут использованы при создании либо эксплуатации ядерного, химического и биологического оружия или ракетных средств его доставки (разработка, производство, испытания и прочее), и информируют об этом решении Правительственную комиссию по экспортному контролю Российской Федерации.

В случае если российские участники внешнеторговой деятельности имеют основания предполагать, что данные товары и услуги могут быть использованы для указанных целей, они обращаются с соответствующим запросом в Правительственную комиссию по экспортному контролю Российской Федерации.

Необходимые для рассмотрения запросов материалы направляются для рассмотрения в Федеральную службу России по валютному и экспортному контролю, осуществляющую функции обеспечения деятельности Правительственной комиссии по экспортному контролю Российской Федерации.

2. Правительственная комиссия по экспортному контролю Российской Федерации совместно с заинтересованными органами исполнительной власти рассматривает запросы участников внешнеторговой деятельности, поступившие в соответствии с пунктом 1 настоящего постановления, и направляет им ответ в письменной форме.
3. Министерству Российской Федерации по атомной энергии, Министерству внешних экономических связей и торговли Российской Федерации, Министерству экономики Российской Федерации, Российскому космическому агентству, Федеральной службе России по валютному и экспортному контролю, Федеральной службе безопасности Российской Федерации и Комитету по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте Российской Федерации провести работу по разъяснению положений настоящего постановления среди российских участников внешнеторговой деятельности.

Председатель Правительства Российской Федерации В. ЧЕРНОМЫРДИН

Источник: Российская Газета, 22 февраля 1998, с.1

Анализ**РОЛЬ ООН В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВООРУЖЕНИЙ****Михаил Кокеев****главный советник департамента международных организаций
министерства иностранных дел Российской Федерации**

Взаимосвязь между процессом регулирования вооружений и ООН остается непосредственной и неоднородной. В настоящей статье приоритетное внимание при анализе этой многогранности будет уделено ядерному компоненту.

Термин *разоружение* впервые появляется в тексте Устава ООН в статье 11, где речь идет о необходимости согласования принципов, "определяющих разоружение и регулирование вооружений"¹. А вот цель регулирования вооружений предстает приоритетной в статье 26, возлагающей на Совет безопасности "ответственность за формулирование, при помощи Военно-штабного комитета [...] планов создания системы регулирования вооружений" в целях "содействия установлению и поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских и экономических ресурсов для дела вооружения"².

Примечательно, что в статье 47 Устава Военно-штабному комитету (ВШК) поручается "давать советы и оказывать помощь Совету безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставляемых в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению"³.

Процесс регулирования вооружений предусматривал непосредственное участие командующего состава вооруженных сил государств в его планировании и осуществлении. В п.2 статьи 47 Устава уточнялось, что ВШК состоит из "Начальников штабов постоянных членов Совета безопасности или их представителей"⁴. К сожалению, на уровне руководства штабов этот орган ООН ни разу не собрался. Не были учреждены и региональные подкомитеты ВШК,

возможность создания которых предусмотрена п.4 статьи 47 Устава⁵.

Изначально, таким образом, Устав ставил две взаимосвязанные задачи - разоружение и регулирование вооружений (близкое по смыслу термину *контроль над вооружениями*), явно отдавая предпочтение последнему элементу, который, в отличие от первого, нигде не характеризуется как *возможный*. О ядерном разоружении вообще речь не шла, поскольку его в период разработки Устава не было. Тогда явно не имелась в виду и задача всеобщего и полного разоружения.

Предотвращение и устранение угрозы миру и подавление актов агрессии или других нарушений мира" (статья 1 Устава)⁶ недвусмысленно предполагали сохранение определенного военного потенциала, включая его оружейный компонент. В Уставе в общем плане обозначен диапазон регулирования вооружений - от сверхвооруженности в условиях заканчивавшейся тогда второй мировой войны до некоего оптимального предела, достаточного для индивидуальной и коллективной самообороны и в то же время посильного для государств-членов ООН в социально-экономическом плане.

Заложенный в Уставе механизм регулирования вооружений, сердцевиной которого однозначно определен Совет безопасности, однако, по существу задействован не был.

Тернии реального разоружения

Двусторонние и многосторонние договоренности об ограничении вооружений 60-70-х годов, порожденные всплесками разрядки международной напряженности, оказались прочнее и долговечнее конъюнктурных зигзагов тогдашней политической и идеологической борьбы. Выполняя важную стабилизирующую функцию, они, более того, по существу

предопределили приоритеты дальнейших усилий в области разоружения на ближайшую и обозримую перспективу, в том числе в Организации объединенных наций.

В то же время в заострении стратегически бесспорно верной цели ядерного разоружения, думается, иногда преобладал расчет *заработать очки* в ожесточенной идеологической борьбе, которая неизменно оставалась атрибутом философии и практики *холодной войны*. Может быть, сказывалась и своего рода эйфория, производная от биполярного видения мира, - существенный прогресс советско-американского разоружения, мол, делает достигаемой эту цель, а *детали*, дескать, можно проработать позднее. Так или иначе, но обязательство вести дело к ядерному разоружению вошло в текст Договора 1968 года о нераспространении ядерного оружия (статья VI) и (в качестве рекомендации) в итоговый документ Первой специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН по разоружению 1978 года.

Со временем, однако, стало очевидно, что реальное движение к перспективной цели глобального разоружения, включая ядерное, будет комплексным, многоэтапным и длительным процессом. Попытка лидеров СССР и США договориться в Рейкьявике о ядерном разоружении, думается, была обречена априорно. И дело бы не только и не столько в СОИ как *камне преткновения*. С пройденной с тех пор временной дистанции отчетливо видно, что тогда ни психологически, ни политически, ни тем более материально и организационно стороны не были реально готовы к претворению этой супермасштабной договоренности в жизнь.

Последующие динамичные и радикальные изменения в мире и новые разоруженческие договоренности, однако, создали иную ситуацию, в которой достижение объективной исторической цели ядерного разоружения в контексте всеобщего и полного отнюдь не отодвигается в *заоблачные дали*.

На сегодняшний день уже удалось остановить и обратить вспять гонку ядерных вооружений. Вслед за ликвидацией целого класса ядерных вооружений - ракет средней и меньшей дальности - в основном ритмично осуществляются сокращения российских и американских ядерных вооружений. На

очереди - приведение в действие договора СНВ-2. Подписанные 26 сентября 1997 г. в Нью-Йорке документы о продлении сроков сокращений вооружений по этому договору, о правопреемстве в отношении договора по противоракетной обороне, о разграничении стратегической и нестратегической ПРО, а также о мерах укрепления доверия в отношении систем нестратегической ПРО могут спрямить путь к ратификации СНВ-2 российской стороной. Парламент России не случайно тесно увязывает ратификацию им Договора СНВ-2 с конкретным и осязаемым продвижением к СНВ-3.

В марте 1997 г. в Хельсинки президенты в России и США пришли к пониманию относительно параметров новых договоренностей - СНВ-3, в частности, об установлении к 31 декабря 2007 года для каждой из сторон пониженных суммарных уровней в 2 000-2 500 стратегических ядерных зарядов⁷. В результате ядерные арсеналы России и США сократились бы по сравнению с апогейными годами *холодной войны* почти на 80 процентов и стали бы сопоставимыми с ядерными арсеналами других ядерных государств - Великобритании, Франции и Китая, что стимулировало бы процесс систематизированного ядерного разоружения. Тем более, что, как подтвердил глава российской делегации в ходе 52-й сессии ГА ООН, хельсинкские параметры - "[...] это не предел и [мы] готовы двигаться дальше"⁸. Достигнутые в Хельсинки понимания предусматривают также меры, призванные способствовать необратимости глубоких сокращений, впервые включая деактивацию всех стратегических носителей ядерного оружия путем отстыковки их ядерных боеголовок или принятия других согласованных шагов, касающихся тактических ядерных вооружений, транспарентности.

На сегодняшний день успешно выведено на территорию России все бывшее советское ядерное оружие. За пределами России ее ядерного оружия нет. Это придает особый вес российскому призыву к другим ядерным державам последовать данному примеру и располагать свое ядерное оружие лишь на собственных территориях.

С мая 1997 г. российские ядерные средства не нацелены более на страны НАТО.

В России и США прекращено производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. На сентябрьской (1997 года) сессии комиссии *Черномырдин-Гор* подписано межправительственное соглашение конверсии к 2000 году всех российских и американских реакторов, способных нарабатывать оружейный плутоний. В сентябре 1997 г. на юбилейной сессии Генконференции МАГАТЭ было объявлено о решении России поэтапно изъять из ядерных военных программ до 500 тонн высокообогащенного урана и до 50 тонн оружейного плутония.

Ныне ядерное разоружение уже не ограничивается звеном Россия - США, хотя за пределами этого звена оно еще не стало системным. Уменьшились арсеналы ядерного оружия на территории стран НАТО. Односторонние сокращения своих ядерных сил, хотя и весьма скромные, провели Франция и Великобритания. Так, осуществление решения Лондона отказаться от наземного тактического ядерного оружия и от оснащения ими британских ВВС, как ожидается, приведет к тому, что находящиеся в боевом составе ядерные вооружения Великобритании сократятся на 21 процент по сравнению с уровнем 70-х годов.

Участие всех ядерных держав в систематических мерах сокращения ядерных вооружений - задача не из простых, но уже и не из категории безнадежных. В рамках ядерной *пятерки* налаживается диалог на эту тему, что в принципе исключалось еще несколько лет тому назад. Дело за его углублением и расширением с последующим выходом на соответствующие договоренности. Одной из них могло бы стать согласие по существу российского предложения относительно разработки ядерными державами Договора о ядерной безопасности и стратегической стабильности.

Примечательно, что на нью-йоркской сессии Подготовительного комитета Конференции 2000 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в апреле 1997 г. делегации пяти ядерных держав впервые в истории обзорного процесса выступили с общим заявлением о ядерном нераспространении и разоружении. Особое внимание привлекла следующая фраза документа, включенная в него сразу после высокой оценки итогов российско-американского саммита в Хельсинки: "Другие шаги, предпринимаемые нами в этой

области, также будут приветствоваться"⁹. Тем самым впервые сделан намек на вызревающую актуальность участия всех пяти ядерных держав в процессе ядерного разоружения.

Знаменем времени стали бессрочное продление ДНЯО и подписание Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Сегодня ядерные полигоны ядерных стран молчат, отдыхая от непомерной нагрузки в прошлом. Со времени первого такого испытания, осуществленного Соединенными Штатами 16 июля 1945 г., в мире было проведено 2060 ядерных взрывов. Из них США произвели 1056 (в том числе 27 так называемых *мирных ядерных взрывов*), СССР - 715 (включая 124 МЯВ), Великобритания - 45, Франция - 198, Китай - 45 и один взрыв осуществила Индия в 1974 году¹⁰. Российская Федерация не произвела ни одного ядерного взрыва.

Создана зона, свободная от ядерного оружия, в Африке. 5 ноября 1996 года Россия подписала Протоколы к Пелиндабскому договору. Есть основания надеяться, что после необходимых переговоров будут созданы условия для присоединения ядерных держав к протоколам Бангкокского договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии.

Параллельно расширяется сфера и повышается эффективность системы запрещения других наиболее опасных видов оружия массового уничтожения. Разработана и вступила в силу Конвенция о запрещении химического оружия. В повестке дня - укрепление режима Конвенции о запрещении биологического оружия путем создания ее контрольного механизма. Российская сторона выступает за то, чтобы переговоры по этому вопросу привели к созданию надежной, основывающейся на объективных критериях и необременительной системы контроля за соблюдением Конвенции, к укреплению, а не ревизии этого важного соглашения.

На глобальной и региональной основах разворачиваются процессы сокращения обычных вооружений, укрепления мер доверия и военной открытости. Большое значение для дальнейшего продвижения на этом направлении имеют итоги работы по адаптации к новой геополитической реальности Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Думается, многое из этой обновленной европейской

модели могло бы послужить прообразом для других регионов, а в перспективе, по-видимому, и глобальных решений.

Итак, энергичное реальное разоружение, начавшись со звена СССР - США, а с 1991 г. продолженное Россией и США, продвинуло достижение многосторонних разоруженческих договоренностей, закрепление их в фокусе усилий ООН и наращивание *ооновского* потенциала в этой сфере.

Императивы обновления подхода к разоружению

Именно в ООН, пожалуй, с наибольшей убедительностью проявляется, что обновленный подход к разоружению должен быть честным, остающимся в пределах реально осуществимого, свободным от политических игр и удовлетворяющим как минимум двум требованиям.

Во-первых, интернационализация процесса разоружения настоятельно диктует необходимость принципиально нового международного сотрудничества, подлинно партнерского осуществления разоруженческих мер. Не сбрасывая со счетов уже имеющиеся в сфере разоружения отдельные проявления такого подхода, увы, приходится констатировать, что на данный момент масштабы по-настоящему партнерского взаимодействия на этом поприще далеки от оптимальных. Всем миром за решение комплекса этих проблем еще не взялись.

Социально-экономическое бремя реального и глубокого разоружения, в первую очередь ядерного, по-прежнему приходится на ограниченный круг государств. Для них, да и не только для них, становится все более очевидным, что промчаться по магистрали разоружения на предельной скорости не получится. Задача в другом - обеспечить непрерывность движения, выбрав скорость сообразно дистанции и *путевой обстановке*, а также преодолев объяснимый, но политически деструктивный соблазн *взять паузу*. Очевидно, что любая остановка, даже непродолжительная, была бы чревата откатом назад.

Между тем было бы преувеличением утверждать, что идея обновления разоруженческого образа действий стала всеобщей. В ООН и за ее пределами все еще

сталкиваются два противоположных подхода. Один - к цели ядерного разоружения в контексте всеобщего и полного разоружения нужно идти взвешенно и последовательно, тщательно соизмеряя желаемое и реально осуществимое. Безоглядное форсирование ядерного разоружения в отрыве от всеобщего и полного не упрочило бы стратегическую стабильность, а скорее всего, могло бы расшатать ее.

Другой подход, абсолютизируя политическую приверженность делу ядерного разоружения, форсирует немедленное принятие решений по существу практически всех ключевых аспектов национальной, региональной и глобальной безопасности.

Как известно, делегации 28 стран - участниц Движения неприсоединения на Конференции по разоружению выдвинули "Программу действий по уничтожению ядерного оружия", осуществление которой в три этапа ориентировано на 2020 год. Предшествующий опыт столь долгосрочного прогнозирования говорит сам за себя. В выступлении представителя Великобритании на первой сессии Подготовительного комитета Конференции 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО резонно прозвучал вопрос, какова оказалась бы реальная ценность подобного планирования, скажем, в 1900, 1940 или же в 1980 годах в свете последующего развития событий. Ответ на этот вопрос самоочевиден.

Во-вторых, гонка вооружений недавнего прошлого, уже поглотившая массу сил и средств, не должна смениться не менее обременительной и бесперспективной гонкой разоружения. Для всех ее участников такая *гонка наоборот* способна обернуться весьма деструктивными последствиями.

Свертывание гонки вооружений на практике оказалось не менее дорогостоящим, чем ее раскручивание. Сформулированная в Уставе ООН задача наименьшего отвлечения людских и материальных ресурсов для дела вооружения, к сожалению, все еще остается *вещью в себе*. Популярные в прошлом рассуждения на тему использования расходов, которые, как ожидалось тогда, высвободятся в результате процесса разоружения на цели развития, зафиксированы не в одном документе ООН. Действительность опрокидывает подобные расчеты. Эта идея, возможно, и возродится в

практической плоскости, но для этого явно потребуется время.

Обновленный подход должен быть состоятельным в социально-экономическом отношении. Пик двустороннего и глобального разоружения, как и процесса миротворчества, пришелся не на самые легкие для России годы. Проведение радикальных преобразований в условиях экономического спада объективно заостряет проблему материально-финансового обеспечения разоруженческих программ. Поэтому их иногда приходится корректировать.

В этом русле идет российско-американская договоренность о продлении до 2007 г. срока сокращений ядерного оружия по договору **СНВ-2**. Ее реализация снизит ежегодные расходы на эти цели.

Еще один пример из этой категории - ситуация вокруг **Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении**. В послании Президента России, адресованном первой сессии Конференции государств-участников Конвенции, было подчеркнуто, что активная работа над документом уже началась и процесс его ратификации имеется в виду завершить по возможности осенью 1997 года. В обращении Государственной Думы к этому форуму подтверждалось намерение выдержать названные временные рамки и отмечалось, что трудности с ратификацией Конвенции "обусловлены исключительно сложной экономической ситуацией в России, а прогноз экономического развития на ближайшее будущее не позволяет рассчитывать на возможность резкого увеличения финансирования этой проблемы"¹¹. Государственная Дума призвала к существенному увеличению финансовой помощи Российской Федерации со стороны государств-участников Конвенции и к поиску дополнительных источников такой помощи, в том числе с учетом финансовых возможностей международных организаций¹². Считая Конвенцию важным инструментом устранения наиболее распространенного средства массового поражения, Россия в конечном счете успешно и своевременно завершила работу по ратификации этого документа, что, к счастью, перечеркнуло для нас перспективу действовать в этой важной области в одиночку. Здравый смысл восторжествовал, и

Россия осталась в центре: не оказалась на обочине усилий мирового сообщества покончить с химическим оружием. Средств на решение этой задачи потребуется немало, хотя, по имеющимся расчетам, примерно одна пятая российских расходов будет покрываться соответствующими программами международного сотрудничества.

А на подходе - очередная сверхзадача, реализация которой обещает быть не менее капиталоемкой. Речи идет о **минной проблеме**. Ее гуманитарное измерение однозначно говорит в пользу ликвидации минной угрозы для людей, прежде всего гражданского населения.

Оттавский процесс, как известно, завершился подписанием в столице Канады в декабре 1997 г. Конвенции о запрещении использования, складирования, производства, распространения и передачи противопехотных мин. Еще 10 октября 1997 г. Президент России подтвердил наше принципиальное позитивное отношение к подписанию Конвенции, когда для этого будут созданы необходимые условия. Пока же за рамками запрета, судя по всему, пока остается группа государств, не исключая некоторых постоянных членов Совета безопасности. Чтобы минный запрет стал по-настоящему глобальным, объективно требуется сполна задействовать потенциал Конференции по разоружению, где в качестве первого шага можно было бы в переговорном режиме согласовать, например, общеприемлемые договоренности об отказе от экспорта противопехотных мин. Существенны и другие аспекты, включая материально-финансовые. Ежегодно на территории России обнаруживается и уничтожается более ста тысяч взрывоопасных предметов, и только прямые расходы на эти операции составляют более 25 млн. долл. в год.

Еще предстоит сообща создать материальную и техническую основы для глобального решения проблемы. Один из возможных вариантов - полное задействовать эффект разминирования. Используя апробированный опыт поэтапного и непременно консенсусного переговорного решения в рамках Конференции по разоружению, как представляется, можно было бы параллельно с опорой на ООН развернуть разминирование как важный компонент гуманитарной помощи.

Политическая и экономическая отдача от интенсивного разминирования, думается, во многих отношениях стимулировала бы движение к универсальному, полному и всеобъемлющему запрету мин. Создается впечатление, что недавно объявленная инициатива США "Глобальное гуманитарное разминирование 2010" идет в этом направлении.

Новые вызовы

Происходящий не без сложностей и сбоев отход от стереотипов конфронтации времен *холодной войны* не уменьшил число рисков и угроз в мире. К тому же логика многополярного мира, самые общие контуры которой, как представляется, провидчески обозначены в Уставе ООН, выдвинула новые требования к межгосударственному общению XXI века, имеющие отношение и к ООН, и к регулированию вооружений.

Это, в частности: утверждение отношений партнерства в условиях растущей взаимозависимости; предотвращение возникновения новых разделительных линий, закрытых блоковых формирований; соблюдение всеми принципов и норм международного права; противодействие возникновению и развитию региональных конфликтов и зачастую порождаемому ими терроризму; содействие экономическому и социальному прогрессу всех стран в условиях поддержания экологического равновесия. То есть, военно-политическая составляющая глобальной и региональных систем безопасности в новых условиях должна органичнее, чем до сих пор, сочетаться с параллельным прогрессом в решении социально-экономических, экологических, правозащитных и гуманитарных проблем.

Формирование безопасности многополярного мира должно и впредь происходить с опорой на испытанный десятилетиями потенциал ООН, ее центральную роль в решении важнейших для всех стран мира задач. Вместе с тем ООН нуждается в рациональном обновлении, призванном повысить ее полезную отдачу прежде всего на тех направлениях, где она имеет очевидные преимущества перед другими международными организациями.

"На сегодняшний день, - отмечается в уже цитировавшемся докладе генерального секретаря ООН, - отраженное в Уставе видение реально функционирующей системы

коллективной безопасности в полной мере еще материализовано".¹³ Наличие эффективной системы такой безопасности включающей, в частности, принуждение к миру, которое зачастую переплетается с регулированием вооружений в данном конкретном районе, предполагает быстрое и предсказуемое реагирование Совета безопасности. Сдерживание агрессии, эскалации или распространения продолжающегося конфликта должно институционально осуществляться не "создаваемыми на разовой основе коалициями желающими принимать в них участие государств-членов", а на базе "мандата Совета безопасности, санкционирующего такие действия"¹⁴.

В последнее время все большее значение приобретает идея более плотного подключения Совета безопасности к глобальной *нераспространенческой* проблематике, конкретными аспектами которой и впредь занимались бы действующие международные структуры.

Важный прецедент создает принятое Советом безопасности ООН 31 января 1992 г. в ходе его первого заседания на высшем уровне заявление относительно укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия, усиления взаимодействия государств в сфере эффективного контроля над экспортом вооружений и материалов двойного назначения, а также запуска механизма по созданию системы контроля за биологическим оружием. В заявлении председателя Совета от 22 февраля 1995 г. фигурируют и такие темы, как важность *микроразоружения*, озабоченность незаконной торговлей обычным оружием и т.п.

Очевидна слабая востребованность потенциала **Военно-штабного комитета**. Между тем нынешнее положение дел с миротворчеством, разминированием как части гуманитарной деятельности ООН, равно как и с развитием взаимоотношений России с НАТО, говорят, о том, что ВШК на деле мог бы стать полезным центром средоточия усилий.

Задача **усиления превентивной деятельности** в полной мере относится и к региональным системам безопасности, включая европейскую.

Действительно прочной основой системы безопасности в Европе может быть только универсальная организация, объединяющая все европейские народы, - ОБСЕ. Создание новых разделительных линий шло бы вразрез с новой моделью общеевропейской безопасности.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе, где, в отличие от Европы, новая система безопасности стартовала не в военно-политической, а в экономической сфере, долговременным фактором стабильности и, можно надеяться, притягательным примером способны стать российско-китайские договоренности по границе и военной разрядке в приграничной зоне, подписанные также Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Еще один из новых вызовов - необходимость обеспечить стабильность многополярного мира не только за счет прекращения гонки ядерных вооружений прошлого, но и исключить ее воспроизведение на новой основе в настоящем и будущем.

Состоявшаяся 7-18 апреля 1997 года в Нью-Йорке **первая сессия Подготовительного комитета (ПК) Конференции 2000 года по рассмотрению ДНЯО** положила начало практической работе над рекомендациями, ориентированными на то, чтобы дать адекватный ответ на этот вызов. Участники сессии энергично призвали к обеспечению универсального характера ДНЯО, исходя из еще большей, нежели прежде, важности убедить несколько стран, остающихся вне Договора и продолжающих проведение ядерных программ вне системы гарантий МАГАТЭ, принять в интересах общемировой безопасности, органичной частью которой является их собственная безопасность, те обязательства, которые уже взяли на себя более 180 государств-участников Договора. При этом было отмечено, что после Конференции 1995 года к Договору присоединились Ангола, Чили, Коморы, Джибути, ОАЭ, Вануату и Оман, в результате чего число его участников повысилось до 186. Кроме того, 20 июня 1997 г. президент Бразилии подписал обращение к Национальному Конгрессу, в котором рекомендует одобрить ДНЯО в целях присоединения к нему Бразилии.

В ДНЯО, однако, по-прежнему не участвуют Индия, Израиль, Куба и Пакистан. Но Куба подписала Договор о зоне, свободной от

ядерного оружия в Латинской Америке и, следовательно, является потенциальным участником международного режима нераспространения ядерного оружия. Кстати, Бразилия, Куба, Израиль и Пакистан приняли участие в работе в качестве наблюдателей сессии ПК. (Индия и на сей раз не участвовала).

Выявилась общая готовность вынести в центр программы работы следующей сессии ПК три темы: гарантии безопасности государств - участников ДНЯО, не обладающих ядерным оружием; резолюция по Ближнему Востоку; недискриминационная и универсальная Конвенция о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей оружия или других ядерных взрывных устройств.

Что касается первой темы, то в ходе рассмотрения ее в Нью-Йорке делегации Кении, Мьянмы, Нигерии и Судана внесли проект протокола к ДНЯО о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием. До рассмотрения проекта дело не дошло, поскольку сессии ПК - не переговорный форум. В то же время стало очевидным, что гарантии безопасности всех государств, не обладающих ядерным оружием, предоставленные в национальных заявлениях пяти ядерных держав и упоминаемые в резолюции 984 (1995) Совета безопасности от 11 апреля 1995 года, должны предоставляться неядерным государствам-участникам Договора. Невозможно игнорировать, что в дополнение к политическим гарантиям, согласно резолюции 984 Совета безопасности от 11 апреля 1995 года, в которой впервые упоминаются национальные заявления пяти ядерных держав, долговременные гарантии даны в той или иной форме всем государствам-участникам ДНЯО, равно как и около ста неядерным государствам - сторонам действующих договоров о безъядерных зонах. Кроме того, даны *позитивные гарантии* согласно резолюции Совета безопасности 255 от 19 июня 1968 года.

Выход на решение проблемы в целом видится в постановке ее в региональном срезе на переговорах в Конференции по разоружению.

Прохождение ближневосточного блока, как и ожидалось, было весьма обостренным, что во многом объяснимо комплексностью обстановки в этом регионе и характером

препятствий к созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

Относительно начала переговоров о запрещении производства оружейных расщепляющихся материалов в принципе выкристаллизовывается консенсусное понимание, согласно которому Конвенция положила бы конец наращиванию запасов расщепляющихся материалов, пригодных для использования в ядерном оружии, укрепила бы международный режим ядерного нераспространения через введение новых ограничений и явилась бы важным шагом на пути достижения в конечном итоге ядерного разоружения. *Пороговые* страны, однако, по-прежнему блокируют начало переговоров, увязывая его с *продавливанием* ядерного разоружения.

Сессия подтвердила, что для дальнейшего укрепления международного режима нераспространения ядерного оружия на базе ДНЯО принципиально важное значение имеет полнокровное действие всех статей ДНЯО, включая осуществление гарантий МАГАТЭ, развитие сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии. В этом плане обнадеживает высокая оценка участниками сессии деятельности МАГАТЭ, его усилий, направленных на создание и введение в действие эффективной системы обнаружения возможной скрытой ядерной деятельности (дополнительный протокол, INFCIRC 540), а также итогов Московского саммита по ядерной безопасности.

Старт реформированию ООН на рассматриваемом направлении

Начата реорганизация подразделений Секретариата ООН, призванная создать структуру, эффективнее реагирующую на приоритеты государств-членов в области разоружения. В Нью-Йорке вместо Центра по вопросам разоружения намечается создать возглавляемый заместителем Генерального секретаря ООН Департамент по вопросам разоружения и регулирования вооружений, который будет тесно взаимодействовать с Советом безопасности, Канцелярией Генерального секретаря и соответствующими департаментами ООН. В Женеве остаются кадровые ресурсы, обслуживающие Конференцию по разоружению, механизм контроля за осуществлением многосторонних договоров и конвенций по разоружению, а также ЮНИДИР. Генеральный директор Отделения ООН в Женеве будет по-прежнему

являться Генеральным секретарем КР и подчиняться непосредственно Генеральному секретарю ООН.

Генеральной ассамблее предстоит провести обзор деятельности Комиссии ООН по разоружению и Первого комитета с целью обновления, рационализации и упорядочения их работы.

Перед тем, как высказать сугубо личные мысли о возможном предмете такого обзора, по-видимому, уместно остановиться на резервах Конференции по разоружению (КР) - единственного форума (формально не *ооовского*), где на многосторонней основе и в глобальных рамках проходят практические переговоры по вопросам разоружения. Работая в постконфронтационном ключе, Конференция *имеет шанс* приступить к переговорам о прекращении производства расщепляющихся материалов для целей оружия. В ее повестку дня вписалась бы и консенсусная отработка параметров и механизмов глобального решения проблемы полного запрета противопехотных мин.

В условиях существенного расширения членского состава Конференции особенно необходимо расширить хронически *узкое место*, каковым является принятие программы ее работы на текущий год. До сих пор оно происходило обычно на финише ежегодной сессии. Важно также разблокировать создание некоторых спецкомитетов, отказавшись от явно запросных и во многом заидеологизированных позиций, предварительных условий и взаимоисключающих увязок в интересах конструктивного рассмотрения конкретных вопросов, созревших для решения.

Первый комитет в последние годы сумел несколько рационализировать свою работу. Более предметной стала общая дискуссия, сокращается число конфронтационных резолюций и проектов, не несущих практической нагрузки, расширяется практика перевода отдельных резолюций на двух- трехгодичную основу.

Резервы оптимизации работы Первого комитета, думается, велики. Так, общая дискуссия в нем во многом повторяет заявления при открытии сессий Генеральной ассамблеи. Отказ от такого дублирования, как представляется, позволил бы основательнее работать над существом принимаемых резолюций, больше ориентировать их на

взаимосвязь между разоружением и упрочением международной безопасности, исключить в принципе контрпродуктивную практику принятия взаимоисключающих двух (а то и более) проектов на одну и ту же тему, отказаться от фактического *перепрофилирования* резолюций посредством привнесения в их текст смежных вопросов, обсуждение которых зачастую уводит дискуссию в сторону, подменяет ее предмет. Желательно также *вычистить* из проектов резолюций и многих других документов *ооновский жаргон*, устоявшийся за последние несколько десятилетий и полностью понятный теперь лишь узкому кругу *посвященных*.

Комиссия ООН по разоружению, которая в последнее время сосредоточилась на обсуждении трех вопросов: четвертая спецсессия ГА ООН по разоружению, безъядерные зоны, и принципы регулирования и разоружения в области обычных вооружений.

Начнем с первой темы. Итоги первой спецсессии ГА ООН по разоружению, равно, как и фактический провал второй, а также третьей спецсессии, - все это обязывает подойти к определению содержательной стороны и повестки дня четвертой спецсессии с особой тщательностью.

Движение неприсоединения настаивает на том, чтобы четвертая спецсессия состоялась до конца нынешнего столетия. такая постановка вопроса имеет право на существование, поскольку договоренность о сроках спецсессии в какой-то мере, может быть, и подтолкнула бы ее подготовку. Но очевидно и то, что в таком решении был бы заложен элемент немалого риска в случае, если до последнего момента оставались бы *подвешенными* вопросы существа. Спецсессия должна быть подготовлена самым тщательным образом, и единственной основой такой подготовки может быть только консенсус в отношении вопросов существа, прежде всего ее целей и повестки дня. Тогда можно было бы условиться о датах ее проведения и начала подготовительного процесса.

Реальное изменение нынешнего положения с переговорным процессом в рамках КР, с *багажом* проектов резолюций в Первом комитете и с дискуссией в Комиссии, пожалуй, наиболее убедительно продемонстрировало бы общую готовность

всех сторон к продуктивной подготовке и успешному проведению спецсессии.

Во втором пункте повестки дня Комиссии нашли отражение сдвиги, происходящие в практике создания **безъядерных зон**. К безъядерным Антарктике, Латинской Америке и Южной части Тихого океана добавились Африка, Юго-Восточная Азия. Имеется консенсусное понимание необходимости создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Обозначились исходные параметры идей, ориентированных на создание аналогичных зон в Центральной и Восточной Европе, в Центральной Азии и в Южном полушарии Земли. Но достижение согласия в отношении создания новых зон в каждом конкретном случае оказывается на практике не простым делом.

На Ближнем Востоке сейчас единственным государством, не готовым присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия и поставить свою ядерную деятельность под контроль МАГАТЭ, оказался Израиль. Не возражая против идеи зоны как таковой, Тель-Авив обставляет свое согласие на ее создание рядом предварительных условий. Понятно, что вопрос отодвинулся еще дальше после очередного обострения кризиса вокруг Ирака, имевшего место в январе – феврале. Мы умышленно опускаем здесь вопрос о роли ООН и ее генерального секретаря в снятии напряженности вокруг Ирана, исходя из того, что место и действия Спецкомиссии ООН по Ираку в общем контексте ближневосточной ситуации в сфере безопасности и предотвращения распространения ОМУ следует рассматривать особо.

Белорусская и украинская идеи создать в Центральной и Восточной Европе пространство, свободное от ядерного оружия, воспринимаются и интерпретируются их оппонентами превратно - мол, речь идет еще об одной попытке противодействовать расширению НАТО на Восток. Исследование старшего научного сотрудника Шведского института оборонных исследований Яна Правица, думается, дает предметное представление о конструктивной направленности и осуществимости идеи безъядерной зоны от Черного до Балтийского моря¹⁵.

В 1997 году впервые 52-я сессия Генеральной ассамблеи ООН без голосования приняла проект резолюции в связи с инициативой

пяти государств региона, предложивших создать безъядерную зону в Центральной Азии. В принципиальном плане Россия поддерживает эту идею, готова вместе с другими заинтересованными странами конструктивно участвовать в зарождающемся процессе формирования новой безъядерной зоны. Практическому продвижению этой инициативы, как представляется, способствовало бы внесение ясности в вопрос о географических и иных параметрах зоны, ее конкретном насыщении.

Опыт с остающимися несогласованными протоколами к Бангкокскому договору о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии, думается, подтверждает, что пройти дистанцию между концепцией и детализацией параметров безъядерной зоны можно только сообща, только через баланс интересов всех участников договоренностей, не ставя кого-либо из них перед свершившимся фактом. В этом опыте, наверное, коренится одна из причин, по которым на данной стадии ряд стран воздерживаются от априорной поддержки идеи создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Южном полушарии.

Согласование рекомендаций по третьему пункту повестки дня Комиссии по разоружению - **упрочение мира посредством практических мер в области разоружения** - обещает быть менее проблематичным, чем по первым двум. Применительно к постконфликтному урегулированию вырисовывается консенсусное понимание существа таких мер, как сбор и уничтожение оружия, в особенности легкого, в сочетании с установлением ограничений на поставки такого оружия; демобилизация и реинтеграция бывших комбатантов; разминирование и конверсия. В докладе по этому вопросу Генеральный секретарь ООН к первоочередным практическим шагам в направлении дальнейшего совершенствования практики в данной области относит также: включение разоруженческих вопросов в качестве неотъемлемой части мирных соглашений, заключаемых в рамках усилий ООН по прекращению вооруженных конфликтов; содействие обмену национальным и региональным опытом сбора и уничтожения легкого оружия; стимулирование согласования национального законодательства в области контроля за трансграничными незаконными поставками

оружия; улучшение информационного обеспечения усилий государств в данной области; совершенствование мер укрепления доверия в военной сфере. Прогресс в отработке всех этих вопросов, несомненно, вписался бы в обновленную концепцию и практику регулирования вооружений в процессе постконфликтного урегулирования¹⁶.

Приоритеты многостороннего разоружения в ООН, как, впрочем, и за ее пределами, скорее всего, останутся в обозримом будущем прежними.

Приоритетом номер один предстает **ядерное разоружение**. Его прогрессу весомо благоприятствует то немаловажное обстоятельство, что ныне уже никто в принципе не отрицает его осуществимость, а также конечную цель, каковой признается ликвидация ядерного оружия. В таком новом концептуальном единодушии, охватывающем теперь все пять ядерных держав, видится неплохая основа для последовательного наращивания усилий на поприще ядерного разоружения. Другой приоритет - осуществление запрещения оружия массового уничтожения на базе **Конвенции о запрещении химического оружия, совершенствования контрольного механизма Конвенции о запрещении биологического оружия** и т.д. Предстоит также сформировать, наконец, консенсусный подход к проблемам мирного **космоса**. Перспективным видится и формирование с участием ООН и, возможно, ОБСЕ глобальной системы регулирования **обычных вооружений**. Здесь, разумеется, будут региональные специфические особенности, свои вехи и этапы. Ясно, что наскоком эту проблему не решить.

Между тем в последнее время дает о себе знать настрой развернуть по образцу оттавского процесса мощную международную кампанию за строгое регулирование **легких вооружений**. Судьба этой идеи, думается, будет во многом зависеть от политического решения действовать с самого начала не в обход Конференции по разоружению, а с опорой на потенциал КР, ибо, как показывает опыт, ускоренное развертывание специальных форумов не всегда в состоянии обеспечить глобальное решение, учет интересов безопасности всех стран. Другими словами, и в данном конкретном случае недопустимо расшатывать роль КР как единственного

многостороннего форума переговоров в области разоружения. Издержки от такого расшатывания представляются несопоставимыми с сиюминутными *выгодами*.

Еще один приоритетный блок работы ООН - **вопросы соблюдения договоренностей** по контролю над вооружениями и разоружению. Под эгидой Организации могла бы сформироваться целостная система международного контроля многосторонних разоруженческих договоренностей, которая как по политическим, так и по практическим, финансовым соображениям не должна быть отягощена созданием дополнительных многосторонних механизмов.

Первоочередные усилия в сфере многостороннего разоружения охватят также **транспарентность** в вооружениях, включая легкие, и их обороте. В качестве одного из механизмов развития мер укрепления доверия и транспарентности хорошо зарекомендовал себя *ооновский* Регистр обычных вооружений. Дает результаты и работа группы правительственных экспертов по стрелковому оружию. Активнее занялся проработкой вопросов этой категории ЮНИДИР.

В докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана 52-й сессии Генассамблеи констатируется: "Разоружение является одним из центральных вопросов, стоящих на международной повестке дня. С окончанием соперничества между сверхдержавами страны всего мира осознали свою заинтересованность в успехе многосторонних переговоров и в контроле за положением дел в области вооружений. В результате Организация объединенных наций заняла центральное место во всемирных усилиях как по ограничению гонки вооружений, так и по сдерживанию конфликтов"¹⁷. И далее: "Возникновение новых угроз и появление новых действующих лиц придают еще большую срочность решению задач, которые Организация объединенных наций призвана выполнять в области разоружения"¹⁸.

На принципиально важном для упрочения международной безопасности направлении многостороннего разоружения остается задача максимального использования и наращивания потенциала ООН, с опорой на который можно было бы реально, надежно

выйти в конечном счете на непрерывное и последовательное углубление разоруженческих процессов, обеспечить эффективное реагирование мирового сообщества на новые вызовы и требования в постконфронтационной международной обстановке.■

¹ Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. Нью-Йорк, издательство ООН, 1994, с.15

² Там же, с.23

³ Там же, с.33

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ *Ядерный Контроль*, № 29, май 1997.

⁸ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации Евгения Примакова в общей дискуссии на 52-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Нью-Йорк, пресс-релиз Постоянного представительства Российской Федерации при Организации Объединенных Наций, 23 сентября 1997

⁹ Док. NPT/CONF.2000/PC.I/2, р.28

¹⁰ Данные из статьи Григория Берденникова в журнале *Международная Жизнь*, №3, март 1997

¹¹ Док. ООН A/52/137, с.4

¹² Там же, с.5

¹³ Док.ООН 51/950, с.35

¹⁴ Там же, с.34

¹⁵ Правил Ян. Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. *Ядерный Контроль*, №23, ноябрь 1996, с.15-21, №24, декабрь 1996, с.9-13

¹⁶ Док.ООН A/52/289.

¹⁷ Док.ООН A/51/950, с.38.

¹⁸ Там же, с.39

Анализ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАКЕТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Геннадий Хромов
член Экспертно-консультативного совета
ПИР-Центра политических исследований

Сдерживание ракетного распространения в сегодняшних условиях является важным элементом укрепления стабильности в мире. Вместе с тем, существуют самые различные оценки степени угрозы ракетного распространения и, соответственно, различные предложения по способам борьбы с таким распространением. В настоящем материале делается попытка оценить фактическое положение дел с ракетным распространением и высказываются дополнительные соображения, как в концептуальном плане, так и по некоторым конкретным направлениям, относительно мероприятий по ограничению ракетной угрозы.

В приведённой ниже *таблице 1* дан перечень стран, которые, как считают аналитики, занимающиеся анализом ракетного распространения, реализуют собственные программы по созданию баллистических ракет различной дальности стрельбы и уже имеют такие ракеты на вооружении национальной армии. Все баллистические ракеты в таблице условно разделены по дальности стрельбы на три категории, в соответствии с подходом, использовавшимся

в советско-американских договорах по контролю за вооружениями:

- ракеты *меньшей* дальности (РМД) - ракеты с максимальной дальностью стрельбы до 1000 км;
- ракеты средней дальности (РСД) - ракеты с максимальной дальностью стрельбы до 5500 км;
- межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) - ракеты с максимальной дальностью стрельбы более 5500 км.

Как видно из *таблицы 1*, большинство стран, занимающихся программами развития своего ракетного потенциала, не имеют баллистических ракет большой дальности (РСД и МБР). Для решения этой задачи им необходимо преодолеть серьёзнейшие научные, технические, производственные и экономические трудности. Более того, максимальная дальность стрельбы - 1000 км, принятая в *таблице 1* для РМД, - это, в определённом смысле, технический предел для стран, реализующих свои ракетные программы на базе закупленных ранее в других государствах ракетных систем (*Скад-Б, М-11, Ланс, СА-10* и др.).

Таблица 1.

	РМД	РСД	МБР
Россия	+		+
США	+		+
Франция	+	+	-
Китай	+	+	+
Израиль	+	+	-
Индия	+	+	-
Иран	+	-	-
Ирак	+	-	-
КНДР	+	-	-
Египет	+	-	-
Ливия	+	-	-
Пакистан	+	-	-
Турция	+	-	-
Украина	+	-	-
Сирия	+	-	-
Тайвань	+	-	-

Примечания к таблице 1:

1. Великобритания и Саудовская Аравия, получившие по импорту БРПЛ (по характеристикам соответствуют РСД и МБР) и РСД соответственно, а также Словакия, Польша, Болгария, Румыния, Белоруссия, Чехия, Йемен, ОАЭ, Вьетнам, получившие в своё время по импорту РМД, не включены в таблицу, поскольку не имеют собственных программ создания боевых баллистических ракет и не имеют намерений реализовывать такие программы.
2. Россия и США в соответствии с Договором о РСМД ликвидировали все свои РСД и часть РМД (с дальностью от 500 до 1000км).
3. Все МБР, имеющиеся на Украине, подлежат ликвидации до конца 2001 года в соответствии с Договором СНВ-1.
4. Несколько стран, ранее имевших программы создания баллистических ракет, отказались от их создания: Бразилия, Аргентина, ЮАР.
5. В соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН, Ираку запрещено заниматься ракетами с дальностью стрельбы более 150 км.
6. Разрабатываемые КНДР РСД *Таеподонг-1* и *Таеподонг-2* в таблице не учтены, поскольку работы находятся на начальной стадии.

Современные РСД и МБР характеризуются некоторыми принципиальными особенностями, отличающими их от РМД. Остановимся на этих особенностях подробнее. Это поможет уяснить характер трудностей, которые необходимо преодолеть, а также определить основные направления создания новых ракет, воздействие по которым через те или иные ограничительные механизмы могло бы задержать развитие ракетных программ стран, указанных в *таблице 1*.

Это прежде всего **особенности конструкции**. Для создания ракет средней и межконтинентальной дальности необходимо от одноступенчатых РМД перейти к двух- и трёхступенчатым ракетам. Решение этой, казалось бы, простой задачи требует принципиально нового подхода к расчётам баллистики и динамики полёта, конструированию ракеты, испытаниям и производству. На сегодня практически все ракеты стран *третьего мира*, находящиеся на вооружении, - это одноступенчатые ракеты.

Системы управления РСД и МБР отличаются значительно большей сложностью от систем управления РМД. Современные системы управления РСД и МБР строятся на основе бортовых цифровых вычислительных машин (БЦВМ) и гиросtabilизированных платформ (ГСП). Большинство же РМД стран *третьего мира* укомплектованы системами управления аналогового типа и автономными гироскопическими приборами, с помощью которых нельзя решить задачу обеспечения приемлемой точности стрельбы на дальностях в несколько тысяч километров. Современные системы управления могут быть созданы только с использованием

элементов электронной техники, выпуск которых сегодня является монополией высокоразвитых промышленных стран (более того, в настоящее время системы практически всех баллистических ракет, кроме российских, созданы с использованием элементов электронной техники, изготовленных в США). Все эксперты в области ракетной техники едины во мнении, что системы управления - это основной *недостающий* элемент у стран, стремящихся создать собственные РСД и МБР.

Двигатели РСД и МБР отличаются большей тягой и *большим* временем работы. Это отличие, как правило, не позволяет имеющиеся двигатели РМД использовать в РСД и МБР. История развития иракских и северокорейских ракет, которые создавались с использованием двигателей ракет типа *Скад*, показывает ограниченные возможности увеличения дальности стрельбы в этом случае. Увеличение дальности стрельбы (по отношению к исходной дальности ракеты *Скад-Б* в 300 км) ракет типа *Аль-Хуссейн*, *Аль-Абасс* и *Нодонг-1* в пределах 1000 км достигалось в основном за счёт увеличения запаса топлива и уменьшения веса головной части при практически полном сохранении жидкостного двигателя ракеты *Скад*. Использование же нескольких двигателей ракеты *Скад* в разрабатываемой северокорейской ракете *Таеподонг* является хотя и теоретически возможным, но, скорее, тупиковым вариантом. Ещё более сложным является вопрос относительно использования в РСД и МБР твердотопливных двигателей существующих РМД, которые непосредственно применить в качестве двигателей РСД и МБР нельзя. Для создания двигателей таких ракет требуется освоение

специфических технологий, которыми в полной мере обладают только США, Россия, Франция и, в какой-то мере, Индия, Япония и Израиль. К указанным специфическим технологиям относятся прежде всего технологии изготовления смесевых твёрдых топлив и крупногабаритных зарядов из них, прочно скреплённых с корпусом двигателя, технологии изготовления корпусов двигателей и деталей соплового блока из композиционных материалов. Самые развитые страны мира практически при отсутствии финансовых ограничений на освоение этих технологий потратили десятилетия.

Производственная, научная и полигонная инфраструктура - это необходимый фактор закрепления итогов инженерных разработок РСД и МБР и необходимое условие периодических проверок ракетной техники и обучения персонала. Конечно, такая инфраструктура необходима прежде всего для собственных национальных ракетных программ, но она необходима и для обеспечения нормальной эксплуатации импортированных ракетных систем. Представляется, например, что РСД *ЦСС-2*, приобретённая в своё время Саудовской Аравией у Китая, из грозного оружия против недругов этой страны превращается в угрозу для самой Саудовской Аравии и её ближайших соседей только из-за полного отсутствия указанной инфраструктуры.

Изложенные соображения позволяют утверждать, что высказанные недавно оценки ЦРУ США относительно того, что страны *третьего мира* сами не смогут в ближайшие, как минимум, 15 лет создать баллистические ракеты, угрожающие территории США, являются даже заниженными.

Вместе с тем, положение дел в этой области может резко измениться, если экспорт технологий по направлениям, о которых говорилось выше, не будет перекрыт. Более того, по некоторым из рассматриваемых направлений в настоящее время вообще отсутствуют какие-либо ограничения в международном режиме контроля за ракетными технологиями (РКРТ). Так, подавляющее большинство элементов электронной техники для систем управления баллистических ракет может быть **беспрепятственно** приобретено на мировом рынке.

Конечно, никакой режим экспортного контроля и никакое национальное законодательство не станут препятствием для ракетного распространения, если сами страны, ратующие за предотвращение ракетной угрозы, не будут проявлять необходимой принципиальности. Так, США могли в своё время в соответствии со своим национальным законодательством воспрепятствовать приобретению Саудовской Аравией китайских РСД *ЦСС-2*, о которых говорилось выше, но не сделали этого в угоду сохранения чрезвычайно выгодного для них контракта на поставку в ту же Саудовскую Аравию 315 танков M1A1 на сумму около трех миллиардов долларов.

Некоторые технологии, несмотря на то, что их передача жёстко ограничена правилами РКРТ, передаются под тем или иным предлогом в другие страны. Так, в рамках осуществляемого с 1985 года американо-израильского сотрудничества по созданию противоракеты *Эрроу* Израиль получил технологию и оборудование для изготовления сравнительно крупногабаритных твёрдотопливных ракетных двигателей (категория 1 РКРТ). В итоге такой передачи Израиль смог освоить производство баллистической ракеты типа *Иерихон*.

Безусловно, ускорению реализации ракетных программ в странах *третьего мира* могла бы способствовать и кооперация этих стран по наиболее важным направлениям. Широко известны примеры такой кооперации: прошлое аргентинско-иракско-египетское сотрудничество по проекту *Кондор-2* и сотрудничество между Израилем и ЮАР, а также современное сотрудничество КНР, КНДР, Ирана и Пакистана в ракетной области. Создание препятствий для подобного сотрудничества, очевидно, следует осуществлять на дипломатическом фронте.

Вместе с тем, как представляется, более опасный характер ракетная угроза приобретёт, если страны, стремящиеся усовершенствовать свой ракетный потенциал, сделают акцент не на программах баллистических ракет, а на ускоренном создании **крылатых ракет большой дальности**.

В случае если та или иная страна уже обладает крылатыми ракетами малой дальности (такие ракеты широко представлены на мировом рынке оружия), то для перехода к крылатым ракетам большой

дальности (несколько тысяч километров) требуется гораздо меньше усилий, чем при переходе от баллистических РМД к баллистическим РСД и МБР.

В связи с тем, что полёт любой крылатой ракеты осуществляется в плотных слоях атмосферы на постоянной скорости, при высокой эффективности двигателя, использующего кислород окружающего воздуха, принципиальных отличий ракет этого типа малой и большой дальности не имеется, нет необходимости и для увеличения числа ступеней. И даже по габаритам такие ракеты достаточно близки. Можно утверждать, что страна, обладающая современной технологией крылатых ракет с дальностью стрельбы до 300 км (такая ракета

не подпадает под ограничения Категории I РКРТ), получает возможность достаточно оперативно при минимальных затратах создать ракету с дальностью стрельбы в несколько тысяч километров. В отношении баллистических ракет подобного утверждения, как показано выше, сделать нельзя.

Сравнительно небольшие габаритные и весовые параметры крылатых ракет упрощают подходы к созданию пускового и транспортно-перегрузочного оборудования. В *таблице 2* приведены для сравнения некоторые ориентировочные характеристики известных баллистических и крылатых ракет, подтверждающие изложенные соображения.

Таблица 2
Баллистические ракеты

	Дальность стрельбы, км	Стартовый вес, т	Тип двигателя	Число ступеней	Длина ракеты, м	Максимальный размер поперечного сечения, м
Ланс (США)	120	1,6	ЖРД	1	6,20	0,56
СС-21 (СССР)	120	2,0	РДТТ	1	6,40	0,70
М-11 (Китай)	280	3,8	РДТТ	1	9,75	0,80
Скад-Б (СССР)	300	6,35	ЖРД	1	11,25	0,88
Иерихон-1 (Израиль)	480 - 500	6,5	РДТТ	1	10,00	1,00
Аль-Хуссейн (Ирак)	650	7,0	ЖРД	1	12,20	0,88
Першинг-1А (США)	740	4,7 - 5,0	РДТТ	1	11,25	1,00
Нодонг-1 (КНДР)	800 -1000	7,0 - 8,0	ЖРД	1	15,5	1,30
ЦСС-2 (Китай)	2800 - 3000	64,00	ЖРД	2	24,00	2,25

Крылатые ракеты

Гарпун (США)	240	0,78	ТРД	1	5,2	0,34
Томагавк (США)	2500	1,45	ТРД	1	6,4	0,64

- Примечания:**
- 1. В скобках указаны страны-разработчики ракеты.
 - 2. Данные по ракетам в основном приведены по материалам справочника Jane’s.
 - 3. Характеристики ракеты ЦСС-2 соответствуют данным по ракете Дунфэн-3

Каково же на сегодня **фактическое положение дел с распространением крылатых ракет?** Согласно недавнему заявлению бывшего начальника разведывательного управления министерства обороны США (Defence Intelligence Agency - DIA), сделанному в сенатском комитете по делам вооружённых сил, в мире производится 130 типов крылатых ракет, а 75 стран уже обладают такими ракетами, хотя в подавляющем большинстве этих стран пока ещё нет ракет с дальностью стрельбы свыше 300-500 километров. По данным DIA, более

половины разрабатываемых в странах *третьего мира* крылатых ракет предназначены для нанесения ударов по наземным целям.

Из примерно 19 стран, занимающихся разработкой и изготовлением крылатых ракет (США, Россия, Франция, Швеция, Израиль, Италия, Китай, Индия, Аргентина, Великобритания, Германия, Япония, Норвегия, Тайвань, КНДР, Бразилия, ЮАР, Иран, Сирия) только 7 стран (Индия, Япония,

Тайвань, ЮАР, Иран, Сирия и КНДР) не экспортировали их¹.

В последние годы всё более широкую практику приобретают международные проекты создания крылатых ракет, например, проект перспективной ракеты *MSOW*, создаваемый США, Великобританией, Канадой, Германией, Францией, Италией и Испанией; известен соответствующий пример сотрудничества Израиля и Китая. Подобная практика придаёт особую актуальность вопросу подконтрольности экспорта и реэкспорта ракет, созданных по международным проектам.

Широкому распространению этого вида оружия способствовали не только его высокая эффективность, но и отсутствие жёстких ограничений на крылатые ракеты (по сравнению с ограничениями на баллистические ракеты), как в двусторонних советско-американских (российско-американских) соглашениях в области контроля над вооружениями, так и в многосторонних договорённостях, прежде всего в РКРТ. Такая оценка относится не только к самим крылатым ракетам, но и к их компонентам и связанным с ними технологиям, которые, как правило, являются технологиями двойного назначения. Так, в советско-американском Договоре об СНВ нет каких-либо ограничений на крылатые ракеты морского базирования большой дальности, кроме общего политического обязательства не иметь более 880 развёрнутых ядерных ракет такого типа у каждой из сторон. Крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности контролируются фактически только по их носителям - тяжёлым бомбардировщикам, количество же неразвёрнутых ракет ничем не ограничено.

РКРТ вообще не ограничивает экспорт пилотируемых самолётов и соответствующих авиационных технологий. А ведь разница в технологиях пилотируемых самолётов и беспилотных летательных аппаратов, к которым можно отнести и крылатые ракеты, весьма мала. Более того, некоторые эксперты вообще рассматривают в качестве возможного направления создания крылатых ракет переделку закупленных лёгких пилотируемых самолётов в беспилотные средства доставки оружия, то есть в крылатые ракеты.

Следует также отметить, что программы создания новых крылатых ракет легко

скрыть, учитывая габариты таких ракет и особенности их лётных испытаний, когда имеется возможность проводить пуски ракет на любую дальность не выходя за пределы национальной территории, как бы ни была мала эта территория (за счёт организации испытательных полётов по кольцевому маршруту), проводить неконтролируемую передачу телеметрической информации с борта ракеты на борт сопровождающего самолёта при исключительно малых мощностях передатчика.

Современные крылатые ракеты можно условно разделить по типу двигателей на две группы: ракеты с турбореактивным или турбовентиляторным двигателем и ракеты с различными видами прямоточного двигателя. Ракеты с прямоточными двигателями, особенно сверхзвуковые, как бы более *консервативны* - корпус ракеты и двигатель образуют замкнутый контур - единое целое. Изменить приобретённую ракету, например, в целях существенного увеличения дальности, не изменив принципиально двигателя, в большинстве случаев не удастся. В связи с этим экспорт ракет небольшой дальности с такого типа двигателями не является столь угрожающим, как экспорт ракет с двигателями первого типа, которые ничем не отличаются для крылатых ракет различной дальности стрельбы и могут быть сравнительно легко с одной ракеты *переставлены* на другую.

Несмотря на то, что проблема распространения крылатых ракет начала проявляться значительно позднее проблемы распространения баллистических ракет и сдерживание их распространения, как представляется, окажется делом более трудным, чем сдерживание распространения баллистических ракет, необходимо предпринять дополнительные усилия для сдерживания быстрого распространения этого вида средств доставки ОМУ.

В связи с этим, **критически важным первым шагом является осознание проблемы распространения крылатых ракет.** Далее следовало бы изменить повестку дня в политике стран - членов РКРТ, имея в виду поставить действия по нераспространению крылатых и баллистических ракет, как минимум, на равную основу.

Реальная жизнь диктует, чтобы страны-члены РКРТ признали, что они больше **не обладают**

монополией на профессионализм в области авиационно-ракетной техники. Ряд развивающихся стран уже производит несложные крылатые ракеты. Следовательно, меры по запрету передачи технологии несложных крылатых ракет не будут иметь большого воздействия. Страны-члены РКРТ должны сосредоточить своё внимание на снижении темпа распространения перспективных систем и их компонентов, имея ввиду прежде всего двигатели, системы управления и технологию *стелс*, которые разрабатываются почти исключительно странами членами РКРТ или странами, которые могут согласиться обеспечивать более жёсткий контроль по этим направлениям.

Первое. Правительства этих стран при выдаче лицензий на передачу соответствующих технологий, которые фактически относятся к двойным технологиям, должны действовать с величайшей осторожностью, если имеются доказательства того, что страна-получатель проявляет интерес к приобретению крылатых ракет². Если экспорт даже будет разрешён, то целесообразно проводить проверку конечного использования переданных технологий.

Второе. Обмен объективной информацией между странами-членами РКРТ в отношении распространения крылатых ракет и национальной политике в этой области должен стать более активным и предметным.

Третье. Любые проводимые мероприятия должны замедлить темп распространения крылатых ракет, что повысит стоимость и риск, которые должны взять на себя те, кто занимается реализацией ракетных программ.

Тем не менее, следует рассмотреть и новые подходы к ограничениям, содержащимся в Техническом приложении РКРТ.

Остановимся прежде всего на **двигателях для крылатых ракет.** Количественные ограничения по двигателям крылатых ракет в РКРТ появились только в конце 1993 года.

Согласно разделу 3 Технического приложения РКРТ ограничивается следующая номенклатура двигателей для крылатых ракет:

- лёгкие турбореактивные и турбовентиляторные двигатели, характеризующиеся небольшим весом и эффективным расходом топлива;

- прямоточные воздушно-реактивные, сверхзвуковые, пульсирующие воздушно-реактивные двигатели и двигатели с комбинированным топливным циклом.

По двигателям первого типа предусмотрены и количественные ограничения: максимальное значение тяги более 1000 Н при удельном расходе топлива не свыше 0,13 кг/Н/час. Причём оба этих параметра должны учитываться одновременно. Никаких других ограничений на двигатели практически нет.

Как уже отмечалось выше, вводить какие-либо дополнительные ограничения на все виды прямоточных двигателей современных крылатых ракет дело бесперспективное. Ограничения здесь должны охватывать сами крылатые ракеты с такими двигателями, например, когда речь пойдёт о двигателе российской ракеты типа *Яхонт*.

В отношении же первого типа двигателей, как представляется, установленные количественные характеристики *заужены*. Так, большинство высокоэкономичных турбореактивных двигателей семейства NPT, разработанных фирмой *Noel Penny Turbines* (Великобритания), с успехом уже применяются в беспилотных летательных аппаратах, безусловно могут использоваться на самых перспективных крылатых ракетах и вместе с тем не подпадают под существующие ограничения РКРТ (например, базовый двигатель семейства NPT NPT-171, имеющий значение тяги 750 Н и удельный расход топлива 1,1 кг/Н/час.). Не подпадает под ограничения и турбовентиляторный двигатель TRB13, созданный американской фирмой *Microturbo* (тяга 826 Н и удельный расход 1,15 кг/Н/час.). Перечень этот может быть продолжен. Более того, известны конкретные примеры того, когда подобные двигатели, не подпадающие под ограничения РКРТ, уже применяются в крылатых ракетах. Так, в израильской ракете *Delilah* с дальностью полёта до 400 км применяется двигатель NPT 151-4, получаемый из Великобритании, а в аргентинской ракете *MQ-2 Bigua* с дальностью полёта до 900 км используется французский турбореактивный двигатель TPS-18. Таким образом, можно с большой степенью уверенности утверждать, что зафиксированные в Техническом приложении РКРТ количественные ограничения в современных условиях неэффективны. Представляется целесообразным установить для двигателей подобного типа такие ограничения, которые,

как минимум, охватывали бы все существующие типы двигателей, возможность использования которых в крылатых ракетах очевидна.

Требуется уточнение терминологии в отношении двигателей. Дело в том, что в мировой практике авиационного двигателестроения в качестве основного параметра турбореактивных двигателей используется мощность (в лошадиных силах или в кВт), а не тяга, как это делается в РКРТ. Представляется, что и здесь не целесообразно оставлять лазейки для обхода положений РКРТ.

В заключении рассмотрения вопросов по двигателям для крылатых ракет следует отметить, что все ограничения, присутствующие в настоящее время в документах РКРТ, формировались без участия России, поскольку последняя стала членом этого режима только в августе 1995 года.

В отношении **технологии стелс** мы опять сталкиваемся с технологией двойного назначения. Тем не менее представляется целесообразным рассмотреть введение количественных ограничений на эффективную поверхность рассеяния (ЭПР) крылатых ракет в дополнении к общим положениям раздела 13 Технического приложения. (Кстати, по этому поводу, насколько известно, американская сторона уже вносила предложения о дополнении Технического приложения РКРТ). Вопрос этот достаточно сложный хотя бы потому, что из-за малых габаритов крылатой ракеты, сама по себе величина ЭПР крайне незначительна - доходит до 0,1 квадратного метра (в 10-20 раз ниже ЭПР небольшого истребителя).

В том случае, если будет признано необходимым ввести ограничение на величину ЭПР, предстоит трудное согласование, к какому диапазону волн радиолокатора наблюдения следует относить эту ЭПР (дело в том, что эта величина будет переменной для различных длин волн), а также выработать методику её определения.

Тем не менее обсуждать и решать эту проблему необходимо вне зависимости от её сложности: на рынке оружия уже появились крылатые ракеты, изготовленные с использованием технологии **стелс** - французские ракеты *Apache*.

Не менее сложным является вопрос о системе управления крылатой ракетой и в особенности в связи с **возможностью использования в аппаратуре системы управления информации "Глобальной навигационной спутниковой системы" (GPS)**.

Ограничения по этому поводу содержатся в разделе 11 Технического приложения. Но там опять же акцент делается на системы, разработанные или модифицированные для крылатых ракет, относящихся к категории I РКРТ, хотя можно утверждать, что эти системы для ракет, относящихся как к категории I, так и к категории II РКРТ, ничем не будут отличаться, то есть приобретая такие системы для ракет категории II, можно беспрепятственно использовать их в ракетах категории I.

Навигационные спутники системы GPS передают информацию в двух режимах, один из которых высокоточный. В 1994 году министерство обороны США установило, что этим режимом можно пользоваться только с его разрешения, то есть высокоточное определение местоположения может осуществлять только тот потребитель, которому предоставлены соответствующие возможности по дешифрованию спутниковой информации.

Насколько известно, министерство обороны Российской Федерации также ввело ограничения на получение так называемой *высокоточной информации* от аналогичной российской спутниковой навигационной системы *Глонасс*.

Вместе с тем на сегодня нет никаких препятствий для получения навигационной информации от системы GPS (так же как и от системы *Глонасс*) с несколько пониженной точностью. По имеющимся данным, определение местоположения в этом случае возможно с круговым вероятным отклонением, составляющим величину около 50 метров, что, как минимум, в десять раз выше точности стрельбы ракет *Скад*.

В связи с изложенным, остаётся только рассчитывать на то, что использование системы типа GPS, как правило, невозможно без наличия на борту ракеты аппаратуры инерциальной системы, в отношении которой в РКРТ установлено достаточно много жёстких ограничений близких к тем, которые предусмотрены для аппаратуры

баллистических ракет. Безусловно, разработчику ракеты придётся решать в этом случае и задачу компьютерного сопряжения навигационной и инерциальной систем, а здесь в РКРТ также имеются ограничения по предоставлению программного обеспечения.

Решение проблемы нераспространения в части систем управления будет зависеть от того, насколько принципиально будут вести себя страна-экспортёр и сообщество стран-членов РКРТ в целом.

Россия с августа 1995 года является членом РКРТ и в соответствии с принятыми обязательствами придерживается буквы и духа этого режима (все поставки вооружений, подпадающие под Категорию 1 РКРТ, осуществлялись нашей страной ещё до её вступления в этот режим).

Вместе с тем, Россия выступает за дальнейшее повышение эффективности РКРТ, предлагая в практическом плане конкретные мероприятия, направленные на исключение дискриминационного подхода к тем или иным странам-членам режима, участвует в рассмотрении предложений относительно дополнений и уточнений Технического приложения РКРТ, вовлечения в члены режима новых стран-участниц и исключения возможности ракетного распространения через страны-посредники.

Безусловно, высказанные соображения после соответствующей проработки и формулирования конкретных предложений в конечном итоге могут привести к дополнительным ограничениям экспорта. Однако, если во главу угла ставится вопрос о снижении ракетной угрозы, то мировое сообщество должно идти на это.

В заключение следует отметить, что государствам, заинтересованным в предотвращении ракетной угрозы, необходимо:

- повысить эффективность РКРТ и собственных национальных законодательств по ограничению экспорта ракет и ракетных технологий прежде всего по направлениям, о которых говорилось выше;
- обратить особое внимание на распространение крылатых ракет, как на одно из наиболее опасных направлений ракетного распространения. При этом более осторожно

подходить к экспорту авиационной техники и авиационных технологий; и, наконец,

- вовлечь в режимы нераспространения и, в том числе, в РКРТ страны, обладающие действенным научно-техническим и производственным потенциалом в ракетной области (такие, как Индия, КНР, Украина).■

Источники

1. Ядерные вооружения и безопасность России. М., Центр геополитических и военных прогнозов, 1997
2. *Aviation Week and Space Technology*, 14 July 1997
3. *Flight International*®, 17-23 May 1995
4. *Janes Defense Weekly*, May 1996

¹ Правда, данные по КНДР противоречивы

² В этой связи следует обратить внимание на Постановление правительства РФ № 57 (1998) «Об усилении контроля за экспортом товаров и услуг двойного назначения, имеющих отношение к оружию массового уничтожения и ракетным средствам его доставки», которое публикуется в настоящем номере журнала.

Полемика**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ****Николай Соков****научный сотрудник****Монтерейского института международных исследований**

Непрекращающийся кризис с финансированием, дискуссия вокруг подписанного, но не ратифицированного Договора СНВ-2, множество чисто технических проблем с модернизацией вооружений превращают жизнь военных в непрерывную борьбу за выживание. Долгосрочные планы эволюции СНВ, если они и есть (а, по опыту, их не может не быть), остаются неозвученными как по требованиям секретности, так и просто потому, что текучка отвлекает на себя внимание и самих военных, и политического руководства, и парламентариев. В этой ситуации взгляд человека со стороны, не вовлеченного непосредственно в многосложную борьбу вокруг текущих проблем, имеет определенные преимущества, поскольку позволяет проследить долгосрочные направления эволюции российских СНВ и спрогнозировать, как они будут выглядеть лет через десять-пятнадцать.

Взгляд с высоты *птичьего полета* рисует картину, хотя и непростую, но **далеко не столь мрачную**, как она представляется многим сегодня. Основной вывод состоит в том, что если в ближайшие годы удастся обеспечить финансирование хотя бы на том уровне, который закладывается в бюджеты (но, как известно, не выполняется), то к 2010 году Россия подойдет со сравнительно небольшим - порядка 2 000 боевых блоков, - но хорошо сбалансированным арсеналом, характеризующимся высокой устойчивостью по отношению к первому удару любой из существующих ныне ядерных держав или их коалиции и, соответственно, способностью к нанесению второго удара. То есть будет надежно обеспечена главная функция ядерного оружия - предотвращение крупномасштабного военного конфликта. Структура СНВ будет также достаточно гибкой, чтобы позволить вписаться в практически любые меры по дальнейшему сокращению ядерного оружия. В какой мере СНВ смогут обеспечить выполнение других задач, ставящихся в последнее время перед

ядерным оружием (таких как сдерживание локальных конфликтов) - отдельный вопрос, поскольку далеко не очевидно, что ядерное оружие вообще способно решать столь ограниченные задачи.

С этой точки зрения целесообразно оценивать и нередко появляющиеся предложения об отказе от договора СНВ-2 и возвращении на вооружение МБР с РГЧ ИН. Такое решение действительно позволило бы сравнительно быстро нарастить абсолютный размер арсенала, но представляло бы собой возвращение к экстенсивному пути развития СНВ. Простое и быстрое решение не обязательно является оптимальным. При всех несомненных трудностях нынешнего положения, Россия имеет возможность перенести акцент на качественные параметры арсенала взамен традиционных количественных, обеспечивая стратегическую стабильность за счет живучести СНВ и высокой устойчивости по отношению к гипотетическому первому удару.

Статья начинается кратким обзором существующих программ модернизации СНВ. Затем будет дан анализ основных качественных характеристик будущего арсенала, в частности в сравнении с теми планами, которые строились до распада СССР. В заключение высказываются некоторые соображения об объективных пределах задач, которые способны выполнять ядерные вооружения: именно эти объективные ограничители должны определять как дальнейшую эволюцию СНВ, так и, видимо, потребность в их дальнейшем сокращении: нет смысла создавать вооружения под задачи, которые ядерное оружие в принципе неспособно выполнить.

Программы модернизации российских СНВ

Нововведением в развитии СНВ стал поэтапный характер модернизация. В

советский период одновременно модернизировались все три или, как минимум, два компонента триады. Сейчас полным ходом идет модернизация МБР: осенью 1997 года принят на вооружение новый ракетный комплекс *Тополь-М* шахтного базирования, на очереди вариант *Тополя-М* для грунтовых мобильных пусковых установок. Модернизация морского компонента только начинается: в конце 1996 года заложена новая ПЛАРБ проекта 955 (*Юрий Долгорукий*), являющаяся развитием проекта 667 БДРМ (Дельта IV по натовской классификации), для новой подводной лодки создается новая БРПЛ. Ввод в строй новых ПЛАРБ начнется лишь в следующем веке. Новый тяжелый бомбардировщик находится, судя по всему, только на стадии замысла или, в лучшем случае, НИР.

Растягивание модернизации по времени связано прежде всего с финансовыми проблемами. Ясно, что Россия просто не в состоянии профинансировать широкомасштабную модернизацию. Выбор приоритетов (очередности программ) определяется, видимо, другими соображениями.

После распада СССР основной производитель МБР (НПО *Южное*) остался за пределами России. Договор СНВ-2, отчасти отражая сложную борьбу за вывод с Украины ядерного оружия (стоит напомнить, что весной 1992 года, когда согласовывались основные параметры будущего договора, безъядерный статус Украины оставался далекой и труднодостижимой целью), запретил МБР с разделяющимися головными частями (РГЧ ИН). Было принято принципиальное решение сохранить только моноблочные МБР - единственные, которые производились на территории России. Насколько обоснованным было это решение, - отдельный вопрос, но в связи с ним потребовалось срочно завершить создание моноблочной МБР шахтного базирования, а сразу после нее - модернизированной мобильной МБР на замену *Тополю*, гарантийные сроки которого начинали истекать к 2000 году¹. Подводные лодки, как ожидалось, могли плавать еще достаточно долго, чтобы можно было сосредоточить усилия на МБР. Тяжелые бомбардировщики Ту-95МС и Ту-160, произведенные в 80-е годы, имели еще больший ресурс и, вдобавок, была надежда забрать или выкупить с Украины 19 оставшихся там Ту-160 (в конечном счете эта надежда на оправдалась).

Соответственно договор СНВ-2 и гарантийные сроки стоявших на вооружении средств определили очередность: сначала МБР, потом морской компонент, а в последнюю очередь - ТБ. Другое дело, что в связи с хроническим недофинансированием исходные планы растягиваются по времени.

Тополь-М, детище Московского института теплотехники, начал разрабатываться в 80-е годы, а в феврале 1993 года, вскоре после подписания СНВ-2, президент Ельцин издал указ, определивший основные параметры работы над новым РК. В последние дни 1997 года первые два комплекса шахтного базирования были поставлены на опытное боевое дежурство.

Характерной чертой работ по *Тополю-М* стала крайне короткая серия испытаний: всего четыре пуска до решения о принятии на вооружение: первый пуск был осуществлен в феврале 1993 г., а четвертый и последний - в октябре 1997². Это при том, что еще третий пуск не был полностью удачным. По существу, ракетный комплекс был принят после одного удачного пуска (по словам Главкома РВСН Владимира Яковлева, все четыре были успешными³). В советское время обычная серия испытаний составляла 15-20 пусков⁴. Более того, в соответствии с положениями договора СНВ-2 новые МБР впервые появляются в уведомлениях только после седьмого пуска (договор требует сообщения о величине забрасываемого веса), а всего разрешается провести до 20 испытательных пусков, и лишь потом сторона должна либо принять новую ракету на вооружение, либо отказаться от нее⁵. То есть в конце 80-х годов никому в СССР или США даже не приходило в голову, что серия испытательных пусков может быть такой короткой.

Естественно, что сильно сокращенная серия объясняется хронически недостаточным финансированием. Но существуют, очевидно, и обстоятельства, которые смягчают проблемы, создаваемые недостаточным числом пусков. **Во-первых**, *Тополь-М* основан на существующем ракетном комплексе, что, естественно, сокращает потребность в отработке новой системы. **Во-вторых**, интенсивность испытаний может быть существенно снижена при просто более тщательной отработке каждого пуска: не секрет, что в советский период на пусках не сэкономили⁶. Более тщательная наземная

отработка уже сама по себе позволяет резко сократить количество испытаний; считается, что изменение традиционных процедур позволило сэкономить 21 миллиард рублей и около двух лет работы⁷.

Сочетание мобильных и шахтных МБР обеспечивает достаточно высокую степень живучести наземного компонента триады за счет того, что каждому виду свойственен свой специфический способ выживания. Мобильные комплексы способны уходить из-под удара по предупреждению или, что касается комплексов, находящихся на боевом дежурстве, находиться в точке, трудно определимой в реальном масштабе времени, что затрудняет нацеливание. *Тополь-М* обладает рядом преимуществ по сравнению со своим предшественником. В частности, он способен производить пуски из любой точки позиционного района (а не из ограниченного числа заранее определенных позиций), а также обладает улучшенными средствами маскировки как против оптических, так и других средств разведки⁸. Стационарные же МБР, развернутые в высокоукрепленных шахтах, могут быть уничтожены только при весьма точном попадании.

В обоих случаях соотношение боезарядов требующихся для уничтожения МБР не в пользу нападающей стороны (например, для уничтожения одной шахтной моноблочной МБР требуется два-три боезаряда), что позволяет сохранить потенциал ответного (второго) удара. В этом главное отличие наземной группировки, состоящей из моноблочных ракет, от классической советской схемы: для МБР с РГЧ ИН соотношение может отказаться не в пользу обороняющейся стороны и стимулирует опору на встречно-ответный удар (по предупреждению).

Особого внимания заслуживает улучшенная по сравнению с *Тополем* способность преодолевать системы ПРО. Более высокая энергетика ракеты позволяет снизить эффективность ПРО на активном участке траектории⁹. Кроме того, по некоторым данным он несет больше средств прорыва, чем американская *МХ* с 10 боеголовками¹⁰. Наконец, по сведениям западных источников, для *Тополя-М* создана маневрирующая головная часть¹¹ (российские источники такой информации не содержат); если это верно, то *Тополь-М* воплощает крупный прорыв в средствах преодоления обороны.

Впрочем, *Тополь-М*, видимо, не является идеальным комплексом; опора на него, как представляется, в значительной мере вызвана **отсутствием альтернатив**. В ходе дискуссии вокруг договора СНВ-2 в многочисленных публикациях были раскрыты его недостатки (парадоксально, но эта - явно секретная - информация впервые была опубликована в *Правде*¹²). В соответствии с этой информацией, *Тополь* имеет сравнительно **небольшую скорость и низкую защищенность**, что ограничивает его возможность по выходу из-под удара при коротком времени предупреждения и делает его уязвимым для поражающих факторов ядерного взрыва, таких как ударная волна. Хотя *Тополь-М*, судя по всему, удалось усовершенствовать, его весогабаритные характеристики близки к *Тополю*¹³, а это ставит объективные пределы на пути преодоления указанных выше недостатков. Во всяком случае, по мнению П. Белова, прорыва достичь не удалось¹⁴.

Полная реализация факторов живучести, свойственных мобильным комплексам, требовала бы создания более легкого и защищенного комплекса, то есть речь идет о создании более легкой ракеты, чем *Тополь-М*, сходной по своим габаритно-весовым параметрам с американским *Миджитменом*, разработка которого была прекращена в 1991 году. Работы в этом направлении производились в СССР, и к 1991 году был создан и доведен до летных испытаний ракетный комплекс *Курьер*¹⁵. О превращении этой программы было объявлено в заявлении президента Горбачева от 5 октября 1991 года в ответ на объявленное президентом Бушем неделей раньше прекращение работ по *Миджитмену*.

Представляется, причем, что России вряд ли можно будет избежать замены *Тополя-М* на новый, более совершенный моноблочный комплекс двойного базирования. Это, конечно, остается делом достаточно далекой перспективы хотя бы уже в силу того, что в обозримом будущем у России вряд ли найдутся на это средства. *Тополь-М* способен прослужить долгое время, и ни международная ситуация, ни динамика ядерного баланса пока что не требуют его замены.

Другим возможным вариантом развития наземной группировки является восстановление МБР с РГЧ ИН. Этот вариант представляется вероятным в случае, если

США вплотную подойдут, а тем более приступят к развертыванию широкомасштабной системы ПРО. Одним из способов решения этой задачи может быть оснащение *Тополя-М* тремя боевыми блоками¹⁶.

Существуют и более далеко идущие предложения. Скажем, Атон Суриков предлагал оснастить *Тополь-М* семью боеголовками¹⁷. Другое его предложение заключается в том, чтобы восстановить, на основе уже российской кооперации, тяжелую МБР Р-36М2. По его расчетам, НИОКР потребуют четыре года, а в дальнейшем можно было бы развертывать до 50-70 тяжелых МБР в год¹⁸. Предложения такого рода, однако, упираются в нехватку средств, а еще важнее – в отсутствие серьезных долгосрочных перспектив. Предположим, что за два-три года удастся довести группировку Р-36М2 до уровня советской на территории России (154 РК) и даже, как призывает он, развернуть в дальнейшем еще 180 таких РК. Но, очевидно, производственные мощности через пять лет остановить будет трудно; соответственно тяжелую МБР придется модернизировать и заменять Р-36М2 на новый тип. В итоге Россия встанет точно на тот путь, на котором СССР уже находился во второй половине 80-х годов. Вопрос в том, нужно ли нам это.

Оснащение *Тополей-М* тремя блоками в ответ на развертывание американцами системы ПРО представляется более обоснованным, но и здесь нужна осторожность. Целесообразность такого шага будет зависеть прежде всего от эффективности будущей ПРО, и далеко не во всех случаях для ее преодоления потребуются РГЧ ИН. По вполне консервативной оценке, содержащейся в работе *РАУ-Корпорации*, даже в условиях договора СНВ-2, то есть при сохранении запрета на МБР с РГЧ ИН, и даже при самых неблагоприятных из реально возможных обстоятельств (первый удар США, потеря 70-80% боевых блоков российских СНВ, 50-процентная эффективность американской системы ПРО) в ответном ударе может быть доставлено до 350-500 блоков¹⁹. Этого вполне достаточно для осуществления функции сдерживания, и переход на МБР с РГЧ ИН не требовался бы. Другое дело, что в развитие событий может вмешаться политическая обстановка в России. Практически любой вариант системы ПРО или только даже шаги в этом направлении способны вызвать резкую

реакцию российской политической элиты, в особенности в Госдуме, и стимулировать работы по оснащению *Тополя-М* РГЧ ИН.

В то время как ситуация с наземным компонентом СНВ достаточно ясна, модернизация морского компонента только начинается, и здесь сохраняется значительная неопределенность, по крайней мере, если основываться на опубликованных данных. В конце 1996 года был заложен новый тяжелый ракетный крейсер стратегического назначения *Юрий Долгорукий*, первый в серии *Борей* (проект 955²⁰), которая должна прийти на смену части существующих на сегодня серий РКСН. *Борей* является развитием проекта 667 БДРМ (он же *Дельфин*, он же *Дельта IV*²¹), хотя на Западе высказываются предположения, что *Борей* является развитием проекта 941 (он же *Тайфун*, он же *Акула*²²).

Считается, что *Юрий Долгорукий* будет оснащен ракетой Р-39УТТХ (ракетный комплекс Д-31; по натовской классификации - СС-Н-28) - твердотопливной модификации ракеты Р-39 (РК Д-19, она же СС-Н-20, она же РСМ-52). Этот ракетный комплекс был развернут на проекте 941, почему, видимо, и возникли предположения, что проект *Борей* является развитием этого проекта. Усовершенствованная ракета, по некоторым данным, должна иметь увеличенный радиус действия и более высокую точность²³.

Вместе с тем существует ряд неясностей. Р-39УТТХ была создана во второй половине 80-х гг. для переоснащения проекта 941. Этот процесс начался в 1991 году²⁴. Возникает естественный вопрос, действительно ли подводная лодка, продолжающая серию проектов 667, будет нести ракетный комплекс с другого проекта; более логичным представлялась бы модернизация жидкостной ракеты Р-29РМ (ракетный комплекс Д-9РМ, она же СС-Н-23, она же РСМ-54), которая стоит на подводных крейсерах проекта 667 БДРМ. Действительно, работа над такой новой ракетой ведется в КБ в Миассе, которое создавало современные типы БРПЛ²⁵. Работа, однако, ведется медленно, с запаздыванием по сравнению с первоначальным графиком²⁶.

Можно с достаточной долей уверенности предположить, что именно отставание программы модернизации Р-29РМ могло послужить причиной решения оснастить *Юрий Долгорукий* ракетой Р-39УТТХ. В

дальнейшем развитие событий может пойти по одному из нескольких направлений. Не исключено, что вся серия крейсеров проекта 955 будет оснащена твердотопливными ракетами Р-39УТТХ. Поскольку *Юрий Долгорукий* способен нести 12 ракет²⁷, число боеголовок может достигать 120 (если новая модификация будет нести столько же боеголовок, как Р-39), что почти в два раза больше, чем подводные лодки проекта 667 БДРМ (64). Вполне вероятно, впрочем, что число боеголовок на Р-39УТТХ будет снижено до пяти-шести, и тогда новая РКСН будет нести от 60 до 72 блоков.

Второй возможный вариант состоит в том, что лишь первая лодка нового проекта будет оснащена Р-39УТТХ, в то время как все остальные - новыми жидкостными ракетами, сделанными на основе Р-29РМ. В этом случае *Юрий Долгорукий* будет единственной лодкой в своем классе (по крайней мере, юридически, для целей Договора СНВ-1), в то время как остальные, аналогичные лодки с ракетами другого типа будут засчитываться как самостоятельный класс.

Наконец, нельзя исключать и расчета на то, что новая жидкостная ракета будет доработана за то время, пока строится *Юрий Долгорукий*. С учетом недавнего неудачного испытания новой БРПЛ²⁸ нельзя исключать, что усилия все же будут сосредоточены на жидкостной БРПЛ. При оснащении проекта 955 этой ракетой каждая подводная лодка будет нести по 48 боеголовок, если число боеголовок на новой ракете будет таким же, как на Р-29РМ.

Что касается третьего компонента ядерной триады, стратегических бомбардировщиков, то здесь работа только начинается. Более того, еще год-два назад казалось, что этот компонент останется за рамками программ модернизации: производство тяжелых бомбардировщиков нового типа, Ту-160, было прекращено президентом Горбачевым отчасти из-за их высокой стоимости, да и возобновление производства также казалось сомнительным по причине финансовых затруднений. В лучшем случае можно было ожидать, что НИОКР по новому тяжелому бомбардировщику возобновятся нескоро, поскольку и произведенные в 80-е годы Ту-95МС, и Ту-160 способны прослужить до 30 лет. С учетом того, что большинство Ту-160 остались на Украине, а переговоры об их переводе в Россию или покупке провалились,

можно было даже ожидать *вымирания* воздушного компонента триады.

В принципе Россия, видимо, могла бы обойтись и без тяжелых бомбардировщиков, поскольку подавляющее большинство задач, связанных с ядерным оружием, может быть решено либо при помощи наземного и морского компонентов триады, либо средними бомбардировщиками. Трудность, однако, заключается в том, что в соответствии с договором СНВ-1 только тяжелые бомбардировщики могут нести КРВБ в ядерном оснащении. Поэтому реально вопрос не в том, нужны ли России тяжелые бомбардировщики, а в том, нужны ли ей ядерные КРВБ.

Ценность КРВБ определяется тем, что они являются весьма эффективным средством прорыва систем ПРО; в отсутствие МБР с РГЧ ИН такая их роль еще более возрастает. Сохраняющаяся высокая вероятность выхода США из Договора по ПРО очевидным образом определяет потребность в том, чтобы сохранить на вооружении ядерные КРВБ. Во всяком случае, главком РВСН Владимир Яковлев однозначно заявил, что сбалансированность триады требует присутствия воздушного компонента, прямо связав потребность в ТБ с потребностью в ядерных КРВБ²⁹.

В 1997 году появились признаки нового интереса к тяжелым бомбардировщикам. Осенью 1997 года было принято решение о завершении производства шести Ту-160, которые остались *недостроенными* после решения Михаила Горбачева³⁰. Однако решение о полномасштабном производстве машин этого типа пока что не принято, что можно связать с тем, что Ту-160 уже представляют в определенной мере устаревшую технологию; через 10-15 лет они будут еще менее соответствовать современному уровню техники. Опубликованные варианты состава российской стратегической триады исходят из стабильной группировки в составе примерно 80 ТБ; увеличение или уменьшение удельного веса воздушного компонента в общем количестве боезарядов определялось лишь возможностями *разгрузки* Ту-95МС с 16 до шести крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ)³¹.

Начаты и работы по созданию нового ТБ. Летом 1997 года тогдашний главком ВВС Дейнекин объявил, что в разработке

находятся новые типы боевых самолетов³², а вскоре генеральный директор Туполевского КБ И. Шевчук заявил, что проводятся работы по замене как среднего бомбардировщика Ту-22МЗ, так и тяжелого бомбардировщика Ту-160³³. О характеристиках новой машины можно только строить предположения: это может быть и очень простой самолет, служащий только платформой для пуска КРВБ, а может быть и технически совершенная машина, способная решать широкий комплекс задач. По некоторым данным, новый ТБ может вступить в строй уже в 2005 году³⁴, однако это представляется сомнительным, поскольку вряд ли в ближайшие годы может быть обеспечено достаточное финансирование.

Зато полным ходом идут работы по созданию новых КРВБ³⁵. К 1992 году ядерная КРВБ Х-55 была модифицирована для обычного боезаряда (Х-65). В конце 80-х годов начались работы над сверхзвуковой КРВБ (Х-90), однако после нескольких испытательных пусков программа была приостановлена. Вместо нее к 1995 году была создана сверхзвуковая КРВБ Х-101 с значительно повышенной точностью стрельбы (до 12-20 метров).

Характеристики российской стратегической ядерной триады

Примерно к 2010 году модернизация российских СНВ будет в полном разгаре. В наземном компоненте будет в основном завершаться замена *Тополей* на *Тополь-М*; будет, видимо, осуществляться строительство второй подводной лодки класса проекта 955; может начаться производство ТБ нового типа. Темпы модернизации будут главным образом зависеть от финансирования: если, как предсказывает правительство и - что еще более интересно - МВФ и Всемирный банк, в России начнется экономический рост, пусть даже поначалу скромный, то, по всей видимости, удастся обеспечить финансирование хотя бы на том уровне, который планировался (и не выполнялся) все последние годы. В этом случае достаточно оптимистический прогноз настоящей статьи может стать реальностью.

В новом виде российский арсенал будет обладать весьма сбалансированной структурой и характеристиками, выгодно отличающимися его от традиционных советских СНВ. Речь идет прежде всего о низкой концентрации боезарядов на

носителях, которую можно считать одним из ключевых обобщенных показателей устойчивости по отношению к гипотетическому первому удару.

Как указывалось выше, в общем плане можно принять *норму расхода* боеголовок на уничтожение носителя как два-три к одному (то есть для уничтожения одного носителя требуется две-три боеголовки атакующей стороны). Естественно, что для подводных лодок данное соотношение сложнее: лодка, находящаяся на обслуживании у пирса, может быть повреждена одним-двумя боезарядами, что приведет к уничтожению 64 боезарядов на крейсере проекта 667 БДРМ или 200 на крейсере проекта 941. Зато подводная лодка, находящаяся на боевом дежурстве практически неуязвима. Стоящие на земле ТБ крайне уязвимы, но при своевременном поднятии их в воздух уязвимость также резко снижается.

Соответственно при средней концентрации боезарядов на носителях два к одному (число боезарядов в два раза больше числа носителей) и при примерном равенстве арсеналов сторон СНВ можно считать достаточно устойчивыми по отношению к гипотетическому первому удару, что обеспечивает уверенное нанесение неприемлемого ущерба (вне зависимости от того, как его определить) во втором ударе, а это в свою очередь создает возможность отказа от стратегии встречно-ответного удара и повышает уровень стратегической стабильности. Вероятность начала ядерной войны вследствие просчета или ошибки таким образом если и не сводится к нулю, то во всяком случае достигает приемлемо низкой величины.

В отличие от той структуры, которая может возникнуть примерно к 2010 году, советский арсенал даже в условиях договора СНВ-1 обладал меньшей живучестью. Среднее соотношение числа носителей и боезарядов составляло примерно один к шести: хотя установленные договором уровни позволяли достичь несколько меньшей концентрации (6 000 боезарядов и 1 600 носителей, соотношение 3,75:1), реально СССР имел бы 1 100-1 200 носителей, в то время как число боезарядов из-за специальных правил зачета боезарядов ТБ достигало бы, видимо, порядка 7 200. Стратегическая стабильность достигалась не столько за счет живучести, сколько за счет высокого уровня боезарядов с каждой из сторон, при котором иные

характеристики СНВ имели второстепенное значение.

Предполагавшееся снижение концентрации боезарядов в рамках СНВ-2 в том виде, как он планировался в 1990-1991 годах, очевидно, все равно не достигло бы уровня два к одному. Так что мы потенциально имеем дело с качественным скачком, важность которого не должна затмеваться ни теми (преимущественно финансовыми) затруднениями, которые Россия испытывает сегодня, ни срывом (опять-таки из-за экономических трудностей) претворения в жизнь планов новой структуры СНВ, которые вырабатывались в начале 1992 года, на раннем этапе переговоров СНВ-2, и которые исходили из значительного размера наземной группировки, который в нынешних условиях считается труднодостижимым по финансовым соображениям.

Устойчивость по отношению к первому удару, естественно, может быть повышена еще больше. Например, многого можно достичь за счет увеличения доли подводных лодок, находящихся на боевом дежурстве. В советский период коэффициент боевой напряженности составлял 25 процентов, что было ниже соответствующего американского показателя, а в 90-е годы он снизился еще больше - до всего лишь 15 процентов³⁶.

Выигрыш по качеству может быть также достигнут за счет повышения напряженности боевого дежурства подвижных грунтовых комплексов, особенно если бы удалось увеличить скорость и стойкость подвижных комплексов. Еще одним, более традиционным направлением является совершенствование систем боевого управления. Чем выше надежность и стойкость систем связи и командных пунктов, тем выше устойчивость СНВ в целом по отношению к гипотетическому первому удару.

Как показывают приведенные выше данные, даже задачу преодоления ПРО можно решать за счет перенесения акцента на качественные параметры. Если каждая боеголовка имеет высокую вероятность преодоления ПРО, снижаются требования к количеству боезарядов в одном пуске/вылете.

Повышение роли качественных параметров СНВ привлекает внимание к факту, давно известному экспертам: количественное равенство ядерных арсеналов является лишь весьма грубой и очень приближенной

характеристикой состояния стратегического баланса. Стремление СССР и США закрепить примерное равенство в течение всех переговоров по сокращению ядерных арсеналов в 70-е - 80-е годы являлось в определенной мере данью политическим реальностям: руководство обеих стран имело тенденцию оценивать баланс главным образом по количественным параметрам.

Естественно, ни одно из заключенных в 70-е - 80-е годы соглашений не закрепило (да и не могло закрепить) идеального равенства. Но при высоких абсолютных уровнях вооружений некоторый дисбаланс не имел решающего значения. Качественные же параметры при столь высоких уровнях отходили на второй план. В 90-е годы количественный подход можно поставить под вопрос: технический прогресс позволяет искать новые решения. Выбор следует делать между новым - и довольно существенным - количественным наращиванием вооружений, с одной стороны, и решительным переходом к примату качественных характеристик.

Вывод достаточно очевиден: повышение качества стратегического арсенала России, прежде всего тех его характеристик, которые обеспечивают устойчивость по отношению к первому удару и позволяют уверенно рассчитывать на сохранение потенциала второго удара даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, повышает гибкость баланса и позволяет пренебречь количественным паритетом. Конечно, чисто количественные факторы будут сохранять значение, но внимание к качественной стороне дела позволяет расширить допустимые рамки дисбаланса.

Потенциальный выигрыш по качеству заставляет по-иному оценить предложения о том, чтобы вернуться к опоре на МБР с РГЧ ИН. Не вдаваясь в рассмотрение технических и финансовых возможностей оснащения *Тополей-М* тремя или даже семью боеголовками³⁷, а тем более создания новой МБР с РГЧ ИН, следует указать, что это было бы возвращением к экстенсивным методам поддержания стратегического баланса, характерным для периода 70-х - 80-х годов.

Во-первых, как указывалось выше, ликвидация МБР с РГЧ ИН не отрицала эволюцию советских СНВ, а была скачком через несколько промежуточных этапов. Раз уж такой скачок произошел, вряд ли логично возвращаться назад и проходить через ранее

отвергнутые этапы. **Во-вторых**, хотя развертывание МБР с РГЧ ИН действительно может принести некоторые выгоды, они могут быть достигнуты и путем повышения живучести арсенала за счет качественных характеристик. **В-третьих**, экстенсивный подход, сводящийся в своей основе к наращиванию числа боеголовок, способен вызвать аналогичные шаги США, причем для американцев этот путь был бы значительно легче - им потребуется только сохранять свой арсенал на уровне между СНВ-1 и СНВ-2.

Представляется, что в современных международных условиях Россия может достаточно уверенно выбрать путь, ведущий к оптимизации СНВ. Вследствие известных экономических трудностей этот путь окажется достаточно длительным (10-15 лет вместо пяти-семи), что все же представляется приемлемой ценой. Это тем более целесообразно, что в перспективе сокращение ядерных вооружений будет продолжаться, хотя бы в результате давления мирового сообщества и более или менее явной угрозы *околоядерных* стран присоединиться к *ядерному клубу*.

Существуют дополнительные, не менее интересные, но более отдаленные последствия кардинальных изменений в структуре и характеристиках российского стратегического арсенала. СНВ *образца 2010* года обеспечивали бы значительно более высокий уровень гибкости на будущих переговорах о сокращении ядерных вооружений, чем когда-либо имели советские переговорщики. Значительное преобладание МБР в составе советских СНВ и невысокий удельный вес воздушного компонента всегда ставили советских переговорщиков в весьма неудобное положение. Американские СНВ были лучше сбалансированы и вдобавок основная их часть размещалась на сравнительно менее уязвимых подводных лодках. Это обеспечивало американцам значительную гибкость и позволяло *уместиться* практически в любые мыслимые компоновки СНВ.

Дело, конечно, не в облегчении жизни переговорщикам. Просто отстаивание специфических характеристик советского арсенала требовало дополнительного времени и лишних уступок.

В случае, если Россия пойдет по более трудному пути формирования своего стратегического арсенала на новых

принципах, ситуация на переговорах может ощутимо измениться. Российская триада будет значительно лучше сбалансирована и состоять преимущественно из малоуязвимых систем. В этих условиях, как минимум, традиционное давление американской стороны ослабнет.

Не исключено, что **Соединенным Штатам, напротив, придется на переговорах довольно трудно**, поскольку их существующие сегодня системы были изначально рассчитаны на высокие уровни СНВ: не случайно, что исходные американские предложения по СНВ-2 предусматривали уровни свыше 4.000 боезарядов. Сокращения в рамках СНВ-2 осуществляются преимущественно за счет *разгрузки* БРПЛ и вывода из зачета части ТБ. СНВ-3 создаст дополнительные сложности, чем, собственно, и объясняется достаточно прохладное отношение США к столь глубоким сокращениям. Действительно, есть разумный предел разгрузке подводных лодок класса *Огайо*, которые были рассчитаны на уровни арсенала порядка 6 000 – 9 000 боезарядов; снижение числа боезарядов в расчете на ПЛАРБ плохо согласовывался бы с критерием стоимости - эффективность, в то время как сокращение количества лодок подрывало бы живучесть группировки в целом. США вообще могут столкнуться с необходимостью перехода на диаду, то есть ликвидировать один из компонентов СНВ, наиболее вероятно - наземный, то есть МБР. Этот вопрос уже поднимался, но встретился с жестким сопротивлением ВВС США. Другим вариантом для США может стать снятие ядерных вооружений с тяжелых бомбардировщиков - идея, которая стала разрабатываться только в последнее время и пока не получила достаточной поддержки в кругах военного руководства.

Впрочем, вне зависимости от того, как США решат проблемы формирования своего стратегического потенциала - а можно не сомневаться, что при достаточных затратах они в конце концов могут быть решены - положение России на переговорах станет более прочным. Не исключено, что появятся дополнительные возможности по решению тех проблем, которые интересуют Россию, таких как ограничение крылатых ракет морского базирования.

Опора на качественные параметры при формировании будущего облика российских СНВ позволит также в большей

уверенностью смотреть в будущее при планировании еще более глубоких сокращений, которые со временем станут неизбежными хотя бы вследствие давления со стороны *окологядерных* стран. Группа этих стран, возглавляемая Индией, как известно, прочно увязывает свой (формально) неядерный статус с продолжением процесса сокращения ядерных вооружений. Вряд ли в сколько-нибудь обозримом будущем речь реально пойдет о ликвидации ядерного оружия, но как минимум переговоры СНВ-4 или о каком-либо ином соглашении вести придется. Можно достаточно уверенно предположить, что речь пойдет о сокращении до уровня 1 000 – 1 500 боеголовок - уровне, который нередко называется в качестве приемлемого для России. Арсенал, в основу которого положены качественные, а не количественные характеристики, обеспечит существенно более высокую степень гибкости и даст возможность достаточно свободно выбирать между различными вариантами сокращений, а также решать, нужны ли такие сокращения вообще.

Как отмечал министр обороны РФ маршал Сергеев, СНВ-3 будет последним двусторонним соглашением по ядерным вооружениям. Последующие должны охватывать все пять официальных ядерных держав. В этих условиях будет трудно, если не вообще невозможно, применить стандартный принцип примерного равенства, заложенный во все советско-американские договоры по СНВ, или иные формы количественного баланса сил сторон, скажем, по типу Вашингтонского договора 1922 года³⁸.

Если подходить к ядерному оружию как к своего рода *абсолютному оружию*, количественные соотношения теряют смысл, так как сдерживает практически любое его количество. Если же руководствоваться более традиционными критериями баланса, было бы достаточно трудно создать устойчивое пятистороннее соотношение, которое устроило бы всех: ядерное оружие является столь мощным, что даже небольшой перевес, а тем более союзные отношения некоторых членов ядерного клуба могли бы подорвать подобное соглашение. К примеру, СССР в ходе первого этапа переговоров по ракетам средней дальности настаивал на учете соответствующих вооружений Англии и Франции; подобная постановка вопроса на многосторонних переговорах способна завести их в тупик, но и избежать ее было бы

трудно. Как конгресс США, так и российская Дума скорее всего потребовали бы хотя бы примерного равенства со всеми гипотетически возможными противниками. Для России это означало бы баланс с США, Англией и, возможно, Францией, а для США - с Россией и Китаем.

Реальным выходом из *ловушки балансов* мог бы быть выход на очень высокие уровни боезарядов, поскольку в такой ситуации формальные параметры соотношения сил теряют смысл: оружия так много, что никакие количественные соотношения не влияют на способность уничтожить другую сторону (или стороны). Однако здесь есть две дополнительные ловушки, в которое легко попасться. **Во-первых**, позиция *окологядерных* стран и, в более общем плане, политическое давление в пользу сокращения ядерного оружия. Та страна, которая возьмет на себя инициативу возвращения на высокие уровни, рискует оказаться парией в мировом сообществе. **Во-вторых**, как будет указано ниже, размер неприемлемого ущерба - величина меняющаяся и зависит от многих факторов. Способность уничтожить весь мир просто не нужна - в сегодняшних условиях сдерживает уже способность доставить один-два боезаряда, а тем более порядка сотни³⁹.

В этих условиях именно хорошие качественные показатели, обеспечивающие гибкость в показателях количественных, могут позволить преодолеть потенциальный тупик. Государство, обладающее живучими СНВ, способно пренебречь - до определенной степени, конечно, - дисбалансом просто потому, что оно сохранит теоретическую способность к нанесению второго удара даже в отношении коалиции государств, имеющих количественное превосходство: его силы ответного удара не будут уничтожены ни при каких мыслимых обстоятельствах.

В этих условиях именно хорошие качественные показатели, обеспечивающие гибкость в показателях количественных, могут позволить преодолеть потенциальный тупик. Государство, обладающее живучими СНВ, способно пренебречь - до определенной степени, конечно, - дисбалансом просто потому, что оно сохранит теоретическую способность к нанесению второго удара даже в отношении коалиции государств, имеющих количественное превосходство: его силы ответного удара не будут уничтожены ни при каких мыслимых обстоятельствах.

Анализ эволюции российского стратегического арсенала приводит к выводу, что было бы целесообразным продолжить то направление этой эволюции, которая сложилась под воздействием договора СНВ-2 и последовавших соглашений, а в более фундаментальном плане - в результате экономического и политического кризиса конца 80-х - начала 90-х годов, из которого Россия только начинает (как кажется) выходить.

Конечно, соблазн вернуться на более плавную линию, которая планировалась в 80-

е годы, велик. В этом случае Россия могла бы отказаться от СНВ-2, который обладает хорошо известными недостатками, и попытаться *переиграть* нынешнюю ситуацию. Теоретически, Россия могла бы довольно быстро нарастить количество боевых блоков за счет возвращения к МБР с РГЧ ИН.

Соблазн отказаться от договорных ограничений велик и, что интересно, совпадает с аналогичными настроениями в США: немало консервативно настроенных политиков в этой стране возражают против всех или почти всех договорных ограничений, которые снижают свободу действий США на мировой арене.

Однако выигрыш от такого подхода далеко не очевиден. Начать с того, что односторонние параллельные сокращения, на которые рассчитывают многие противники СНВ-2 - это только возможность, причем не слишком вероятная, но не неизбежность. *Естественные* сокращения, на которые США все же пойдут, сократят их арсенал до уровней, которые выдвигались Джорджем Бушем в начале 1992 года - порядка 4 500 боезарядов. Так что сравнительно дешевое наращивание российского арсенала до, скажем, трех - трех с половиной тысяч блоков мало что даст с точки зрения традиционных критериев баланса, да еще и создаст внутривнутриполитическое давление в пользу дальнейшего наращивания.

Последнее - тот фактор, который редко учитывается многими экспертами-сторонниками отказа от СНВ-2. Долго дисбаланс сохраняться не будет: политические деятели, которые не являются экспертами, имеют тенденцию сравнивать количественные показатели, и со временем будет неизбежно поставлен вопрос о доведении нашего арсенала до американского по количественным показателям⁴⁰.

Существенно важнее то, что независимо от количества боевых блоков российские СНВ будут уязвимы. Действительно, значительно дешевле развернуть 200 МБР с пятью блоками каждый и получить 1 000 боезарядов на МБР, чем развернуть 1 000 моноблочных ракет. Но в первом случае для уничтожения всей наземной составляющей нужно 400 блоков, а во втором - 2 000. Малое количество носителей и связанная с ним уязвимость арсенала все равно будут подталкивать к увеличению количества ракет.

Так что и здесь сохранится (и со временем проявится) стимул к новому витку развертывания стратегических вооружений.

Для чего нужно ядерное оружие?

В конечном счете выбор направлений развития СНВ должен определяться тем, для чего реально может использоваться ядерное оружие. Предложение о продолжении той линии, которая определяется договорами СНВ-2 и СНВ-3, связано не только с балансом экономических и политических выгод, но и с тем, что возможности ядерного оружия объективно ограничены.

Ядерное оружие близко к понятию *абсолютного оружия* - если и не по последствиям применения (со времени Хиросимы и Нагасаки никто его не применял, так что реальный эффект крупномасштабной и даже ограниченной ядерной войны неизвестен), то, по крайней мере, по установившемуся отношению к нему. Любое применение ядерного оружия рассматривается общественным мнением и политиками как потенциальная катастрофа. Оно сдерживает самим фактом своего существования, почти вне зависимости от количественных и качественных характеристик. По существу, речь идет о минимальном сдерживании - ядерное оружие может выполнить свою сдерживающую функцию при любых обстоятельствах и в любом количестве.

Сдерживание как таковое относится прежде всего к области психологии, а не военного дела: то или иное количество оружия и вооруженных сил воздействуют на расчет вероятности успеха агрессии, соотношения потерь и приобретений. Абсолютный или почти абсолютный характер ядерного оружия связан с тем, что - справедливо или нет - потери от агрессии против ядерного государства заведомо многократно превышают возможные приобретения. Эта прочно укоренившаяся норма и определяет устойчивость ядерного сдерживания.

Масштаб ожидаемых потерь от применения ядерного оружия, который делает ядерную войну нерациональной, получил название неприемлемого ущерба. Масштаб ущерба, который является неприемлемым, не поддается определению в принципе, хотя бы потому, что он зависит от слишком многих факторов. Например, от уровня развития общества: чем выше сложность организации

и уровень жизни в том или ином государстве, тем легче нанести ему ущерб, который будет рассматриваться как неприемлемый. Зависит он и от поставленной цели: если речь идет о существовании государства, то население будет готово претерпеть значительные лишения, однако если целью является что-то менее существенное, то соответственно и уровень ущерба, считающегося неприемлемым, снижается (скажем, американцы были психологически более подготовлены к возможности применения ядерного оружия в годы, когда они ожидали вооруженной конфронтации с СССР, но были куда как меньше расположены рисковать во время войны с Ираком в 1991 году).

В этих условиях понятно, почему ядерное оружие в теории способно осуществлять функцию сдерживания практически независимо от его количества и качества. Если есть возможность доставить на территорию агрессора хотя бы несколько ядерных боезарядов - в ответном или ответно-встречном (по предупреждению) ударе, - то задачу сдерживания можно считать выполненной. Примерно такого подхода придерживаются сегодня Китай и, в определенной мере, Франция.

В российско-американском ядерном балансе действуют несколько иные правила игры. Многолетняя конфронтация, а также переговоры об ограничении и сокращении ядерных вооружений, продолжающиеся почти тридцать лет, выработали иной тип мышления, в основе которого лежит многократный запас прочности. Этот запас образуется главным образом за счет внимания к двум факторам. Во-первых, многократно гарантированный уровень неприемлемого ущерба, который мало считается с психологией. Иными словами, для советских военных неважно было, какой уровень ущерба американцы воспринимают как неприемлемый; вместо этого закладывался тот уровень, который наши военные считали абсолютно неприемлемым *даже* для американцев, то есть составляющий сотни боезарядов. Аналогичный стиль мышления существовал и с американской стороны, причем там этот подход развился, судя по всему, раньше, да вдобавок американские планировщики исключительно высоко оценивали (и переоценивали) готовность советского народа и особенно руководства переносить разрушения, связанные с ядерной войной.

Соответственно с обеих сторон речь уже не шла о минимальном сдерживании.

Центральное внимание уделялось способности доставить определенное заранее количество боезарядов на территорию другой стороны. За невозможностью проверить это на практике, контроль за тем, сохраняется ли такая способность, осуществлялся путем построения разнообразных сценариев ядерной войны и многократного проигрывания их на компьютерах. Результаты моделирования давали определенный уровень вероятности доставки заданного количества боезарядов, и именно этот результат служил по крайней мере формальным критерием как для программ разработки и производства вооружений, так и определения приемлемости тех или иных проектов соглашений о сокращении вооружений. Естественно, что реальная картина была достаточно далека от нарисованной выше идеальной: на принятие решений влияли и многие другие факторы, такие как интересы фирм, занятых разработкой и производством оружия (причем не только в США, но и в СССР), ведомственные интересы, более широкие политические цели, личные пристрастия и предубеждения политических деятелей и т. д.

Опора на моделирование баланса и закладывание *запаса прочности* в его оценку оставляет лишь один путь к повышению стратегической стабильности - за счет перехода к стратегии второго удара, которая снижает риск случайного, непреднамеренного, или несанкционированного ядерного удара. Для этого, как указывалось выше, можно либо увеличивать количество вооружений, либо повышать живучесть за счет качественных характеристик арсенала.

Вряд ли можно ожидать, что Россия или США в обозримой перспективе отойдут от ставших привычными критериев баланса. Свидетельством этому является хотя бы дискуссия в России вокруг договора СНВ-2: она вращается в основном вокруг вопроса, обеспечивают ли его условия нанесение ответного удара в любых условиях. Для США этот подход тем более естественен, что финансовые ресурсы позволяют им не задумываться над изменением подхода. Надо полагать, что и впредь состояние ядерного баланса будет определяться на основе моделей гипотетической ядерной войны.

Следует, однако, указать и на определенные положительные аспекты такого подхода. В определенной мере именно благодаря многократной страховке ядерного баланса Россия смогла проводить экономические и политические реформы. Как минимум, от прямой агрессии, угрожающей существованию государства, она была гарантирована при всех условиях. Вполне вероятно, что в отсутствие надежного потенциала сдерживания объективное снижение общего уровня безопасности, усиленное алармистскими настроениями среди части политического истеблишмента, могло бы привести к переключению значительной части ресурсов на военные расходы. Потребность в высоком уровне концентрации ресурсов (а только при этом условии возможно серьезное наращивание военных расходов) скорее всего вызвала бы возврат к авторитарной политической системе.

Представляется, что этот фактор - взаимовлияние военных факторов безопасности и экономики - следует постоянно держать в поле зрения, иначе в погоне за первым можно упустить второе. В этой связи уместно процитировать министра финансов Вышинского, который в 1888 году (110 лет назад!) писал в докладной на имя императора: "Считаю своим долгом верноподданного выразить перед Вашим Императорским Величеством твердое, ясное и глубокое убеждение в том, что благосостояние народа, даже при некотором несовершенстве военного устройства, принесет в период вооруженного столкновения более пользы, нежели самая полная боевая готовность армии при пошатнувшемся экономическом положении народа"⁴¹. В этой цитате интересны два аспекта. Во-первых, указание на приоритетность экономического положения по отношению к военным инструментам безопасности. Во-вторых, то, что еще более ста лет назад министру финансов приходилось доказывать, что этот подход является патриотическим.

Все же использование моделей ядерной войны при оценке и планировании баланса имеет и существенные негативные последствия, которые, видимо, наиболее сильно сказываются на России в связи с объективным увеличением роли ядерного оружия в обеспечении ее безопасности. Использование разнообразных, порой достаточно сложных сценариев ядерной

войны создает ситуацию, при которой ядерное оружие кажется применимым для решения широкого круга задач. В частности, для предотвращения ограниченных по территории и целям конфликтов на периферии России и СНГ.

Некоторые считают, что угроза применения ядерного оружия (наиболее вероятно - тактического) способна предотвратить подобные конфликты или содействовать их завершению на приемлемых для России условиях. В реальности представляется маловероятным, чтобы ядерное оружие, которое, стоит повторить, воспринимается как абсолютное, способно достигать столь ограниченных целей.

Автору уже приходилось писать на эту тему⁴². Для целей настоящей работы достаточно указать, что ядерное оружие, даже тактическое, малоприменимо (если вообще применимо) в ситуациях, связанных с силовым или несиловым *давлением* (в отличие от агрессии), а также в конфликтах, где *ставки* невелики. Ядерное оружие не поможет восстановить кредиты, в которых отказано; не поможет оно и предотвратить вытеснение России с мировых рынков оружия (например, избежать ситуации, сложившейся в Южной Корее, когда противодействие закупкам российских систем С-300 осуществлялось лично министром обороны США), не создаст оно и более благоприятного режима для экспорта в страны Европейского Союза. Ядерное оружие не в состоянии гарантировать, что нефте- и газопроводы из Закавказья и Средней Азии пройдут по желательным для России маршрутам. А ведь именно эти и подобные им вопросы являются сегодня ключевыми для российской внешней политики и экономического развития.

В той же мере ядерное оружие неприменимо и в большинстве вопросов военно-политических отношений России с окружающими странами. Например, угроза его применения неспособна предотвратить вступление прибалтийских стран в НАТО или развертывание натовской инфраструктуры на территории новых членов блока. Не поможет оно и стабилизировать обстановку на южных границах Содружества.

Все это задачи, которые должны решаться экономическими и политическими средствами. Ущерб, который может нанести при помощи ядерного оружия, так же как и

ущерб, который будет нанесен в ответном ударе, просто несоизмеримы ни с реальным масштабом угрозы, ни со ставками международной *игры*. Поэтому даже угроза применения ядерного оружия не будет принята всерьез и не повлияет на политику других стран: для всех будет очевидно, что оно не будет применено, поэтому психологический механизм сдерживания не сработает. При этом безразлично, будет планироваться использование тактического ядерного оружия непосредственно в районе конфликта или ограниченный (даже одиночный) ядерный удар за его пределами.

Из приведенных выше рассуждений следует, что практически неограниченная мощь ядерного оружия и связанные с ним глубоко укоренившиеся нормы восприятия, которые делают его столь эффективным в деле сдерживания крупномасштабной агрессии, определяют неприменимость ядерного оружия для более ограниченных целей, когда речь не идет о выживании государства, а пусть даже о жизненно важных, но все же менее угрожающих ситуациях. Здесь заключено весьма серьезное внутреннее противоречие, имманентно связанное с самой природой этого оружия. Его высокая эффективность в одной категории ситуаций (ясно, что при предотвращении крупномасштабной агрессии оно намного эффективнее даже самых мощных обычных вооруженных сил) делает его практически неприменимым в других категориях ситуаций.

Более того, попытка угрожать ядерным оружием в реальных условиях международного кризиса способна иметь только негативные последствия. Здесь возможны два варианта. Либо Россия загонит себя в такое положение, когда его все же придется применить, чтобы ее угрозы в будущем не потеряли убедительности (а нереализованная угроза практически всегда приводит к такому положению, и в следующий раз уже вполне реальное намерение применить оружие просто не будет воспринято всерьез). Либо России придется признать поражение и отступить, не применив оружия.

Отсюда вытекает следующее: наличие ядерного оружия не может заменить других инструментов политики, в частности, эффективных обычных вооруженных сил. Программы создания неядерных КРВБ и их носителей (не только ТБ, но и средних

бомбардировщиков) показывают, что внимание этой стороне дела уделяется. А при том, что норма против применения ядерного оружия, как и вооруженной силы вообще, со временем только укрепляется, возрастает и роль невоенных инструментов влияния, том числе через политические и экономические рычаги, а особенно через международные режимы и организации. В качестве примера можно привести отношения России с НАТО: глубокая интеграция России в натовские механизмы выработки решений в конечном счете окажется намного более эффективной, чем попытки повлиять на НАТО *извне* путем давления.

Следует в заключение еще раз подчеркнуть, что использование разнообразных вариантов применения ядерного оружия для целей моделирования ядерного баланса далеко не означает, что все эти варианты применимы на практике. Здесь, видимо, происходит психологически объяснимое, но все же ошибочное смешение разных жанров. Соответственно возникает вопрос: а нужно ли вообще использовать подобного рода компьютерное моделирование, если оно чревато переоценкой возможностей ядерного оружия?

Видимо, придерживаться традиционных методов оценки баланса все же можно, по крайней мере в обозримом будущем, поскольку именно многократно проверенная на моделях стабильность баланса обеспечивает устойчивость политических отношений. Причем речь идет даже не столько непосредственно об отношениях между Россией и США или Россией и Западом в целом, сколько о внутривнутриполитической динамике, о восприятии устойчивости отношений политическими элитами России и других стран. Если российский истеблишмент уверен в том, что в любой мыслимой ситуации Россия сможет нанести ответный удар, то соответственно повышается ощущение устойчивости и безопасности, по крайней мере от определенной категории угроз безопасности.

В свете вышеизложенного ясно, почему автор выше уделил столь много внимания вопросу живучести российского стратегического арсенала. Речь идет, конечно, не о приобретении способности к использованию ядерного оружия для решения широкого круга задач - это было бы просто нереальным вне зависимости от конкретных характеристик арсенала, а о гарантированной

устойчивости стратегического баланса между пятью ядерными государствами по отношению к любым мыслимым вариантам первого ядерного удара против России. Если российские ядерные вооружения обладают способностью ко второму удару, то они по определению способны к применению ядерного оружия первыми в ответ на широкомасштабное нападение с помощью обычных вооруженных сил. То есть при всех условиях сохраняется способность к применению ядерного оружия в тех ситуациях, которые предусмотрены действующей на момент написания статьи военной доктриной 1993 года.

Итоги: варианты эволюции российских СНВ

К концу 90-х годов в России сложилась достаточно парадоксальная ситуация. В условиях продолжающегося финансовый кризиса она стоит перед выбором двух вариантов развития СНВ. Один состоит в том, чтобы продолжить линию, предопределенную договором СНВ-2, и *прорываться* к новому договору (СНВ-3). При этом абсолютный размер стратегического арсенала сократится до примерно 2.000 боезарядов, в том числе наземная составляющая - до менее половины общего количества (видимо, порядка 30-40%) и состоять только из моноблочных МБР. Второй путь исходит из того, что Россия должна отказаться от договора СНВ-2 и вернуться к традиционной опоре на наземный компонент, состоящий из МБР с РГЧ ИН; это может быть сделано как за счет создания нового типа МБР, так и, вероятно, за счет оснащения дополнительным числом боезарядов моноблочной МБР *Тополь-М*.

Настоящим автор приходит к выводу о том, что предпочтительным для России является первый вариант. Он представляет собой, по существу, **завершение скачка через несколько этапов развития СНВ, которые планировались еще в советское время**, в то время как второй представляет собой возвращение к одному из промежуточных этапов, и Россия в конечном счете все равно должна будет вернуться к вопросу о ликвидации МБР с РГЧ ИН.

Более важен тот факт, что первый вариант в конечном счете даст России выигрыш по качеству, прежде всего в плане живучести наземной группировки СНВ. При том, что состав остальных компонентов триады и их живучесть останутся более или менее

одинаковыми, улучшение характеристик всего арсенала в целом может быть достигнуто именно за счет МБР.

Выбор между двумя направлениями должен определяться задачами, которые могут быть поставлены перед российским ядерным арсеналом. Как показано выше, эти задачи достаточно ограничены: прежде всего предотвращение крупномасштабного нападения на Россию; иные задачи ставить перед ядерным оружием или трудно, или невозможно. Строго говоря, в этих условиях Россия могла бы придерживаться и доктрины минимального сдерживания, но более строгий подход к расчету баланса, гарантированная способность к нанесению второго удара при любых реально возможных сценариях развития событий имеет свои преимущества. Главное из них состоит в политической и психологической стабильности отношений. Когда и политическое руководство, и политическая элита, и эксперты уверены в способности страны выдержать первый и нанести второй удар, исчезают или по крайней мере ослабевают многие соблазны. В частности, исчезает стимул к наращиванию вооружений - поскольку потенциал уже достаточно живуч, а договорные ограничения предотвращают наращивание оружия другой стороны. Ослабевают и стимулы для перехода к стратегии ответно-встречного удара (по предупреждению).

При этом международное положение России в достаточной мере стабильно и позволяет вплотную заняться модернизацией вооружений, рассчитанной на дальнюю перспективу. Это, конечно, не означает, что нет и не предвидится никаких вызовов безопасности: напротив, ситуация довольно нестабильна и трудно предсказуема. Но поддающиеся прогнозированию вызовы не входят в круг тех, для сдерживания которых может применяться ядерное оружие. Соответственно и планировать модернизацию исходя из них не следовало бы.

Несмотря на хорошо известные трудности, положение российских СНВ далеко не безнадежно. Более того, в долгосрочной перспективе оно представляется вполне выигрышным, если удастся обеспечить финансирование хотя бы на минимальном уровне, который предусматривается в последние годы бюджетами. Доминирующая сегодня негативная оценка положения дел отражает текущее положение, но отнюдь не перспективу.

¹ Гарантийный срок *Тополя* составляет 10-15 лет. См.: Литовкин В. Россия создала новую стратегическую ракету *Тополь-М*. *Известия*, 20 января 1995. См. также: Сокращение ядерного оружия: процесс и проблемы (под ред. Дьякова Анатолия). М., 1997. Цифра подтверждена председателем думского комитета по обороне Львом Рохлиным, по словам которого жизненный цикл даже самых новых *Тополей* истекает к 2008 году. См.: *Рабочая Трибуна*, 4 июня 1997

² Крылов С. Главное оружие страны. *Авиация и космонавтика - Техника и Оружие*, № 22, 1996, (совместный выпуск)

³ *Независимая Газета*, 12 февраля 1998

⁴ Об истории испытаний *Тополя-М* см. Сафранчук Иван. *Topol-M Development Status and Flight Testing*, содержащуюся в базе данных Центра по проблемам нераспространения Монтерейского института международных исследований: <http://www.cns.miis.edu>

⁵ Протокол об уведомлениях, пункт 1 раздела III, пункт 4 раздела VII

⁶ В мемуарах одного из видных советских конструкторов Бориса Чертока подробно описана тенденция осуществлять пуски несчетно, просто для прояснения причин сбоя. Это не вина конструкторов: от них требовали быстрых результатов независимо от расходов. Анализ его мемуаров показывает, что число пусков можно было бы сократить едва ли не втрое при условии более тщательной отработки каждого. Интервью с представителями КБ показывают, что описанные Чертоком методы работы сохранялись как минимум до середины 80-х годов

⁷ Литовкин В. Россия создала новую стратегическую ракету *Тополь-М*. *Известия*, 20 января 1995

⁸ *Независимая Газета*, 6 февраля 1998, 12 февраля 1998

⁹ *Независимая Газета*, 12 февраля 1998

¹⁰ Крылов С. Главное оружие страны. *Авиация и космонавтика, Техника и оружие*, № 22, 1996, совместный выпуск. В том, что *Тополь-М* несет большое количество средств прорыва ПРО, нет ничего удивительного, конечно: его забрасываемый вес, подсчитанный в соответствии с правилами Договора СНВ-1, составляет 1,2 тонны; для сравнения, забрасываемый вес *Минитмена-3*, оснащенного тремя боеголовками, составляет, при подсчете по тем же правилам, 1,15 тонн

¹¹ *Aviation Week and Space Technology*, 19 January 1998, p.30

¹² *Правда*, 30 декабря 1992, 31 декабря 1992.

Аналогичная информация была опубликована позднее в *Российской Газете*, 1 апреля 1994, 28 марта 1995, в *Красной Звезде*, 15 апреля 1995

¹³ См.: Меморандум о договоренности к Договору СНВ-1, обновление 1 июля 1997

¹⁴ *Независимая Газета*, 20 февраля 1998

¹⁵ Информация о *Курьере* и некоторые данные о нем приведены в интервью Соломонова Л. См. *Независимая Газета*, 6 февраля 1998

¹⁶ См. интервью Яковлева В.: *Независимая Газета*, 12 февраля 1998

¹⁷ Суриков Антон. СНВ-2: противоречия остаются. *Ядерный Контроль*, №18-196, 1996

¹⁸ Суриков Антон. Договор СНВ-2 и перспективы стратегических ядерных сил России, *Ядерное Распространение*, ноябрь 1997, с.38

¹⁹ Ратификация Договора СНВ-2: решения, проблемы, перспективы. М., Фонд Духовное Наследие - РАУ-Корпорация, 1996, с.40

²⁰ См. *Независимое Военное Обозрение*, 30 января 1998

²¹ См. Дворкин В., Калядин А., Пикаев А. Военно-стратегические и международно-политические аспекты дальнейшего сокращения арсеналов СНВ. Зуев Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Сокращение и ограничение стратегических наступательных вооружений в книге *Ядерные вооружения и безопасность России* под ред. Арбатова А., М., ИМЭМО, 1997, с.25, 107

²² См., например, издание разведки ВМС США *Worldwide Submarine Challenges*, Office of Naval Intelligence, 1997. Следует, впрочем, отметить, что американские военные авторы проявляют определенную осторожность и избегают напрямую связывать *Бореи* с проектом 885 (он же *Северодвинск*), строительство первой лодки которого началось летом 1986 г. См. Steven Zaloga. *The Thunder Inside Russia's Typhoons. Jane's Intelligence Review*, December 1996, p. 536. Данная версия, впрочем, представляется сомнительной, поскольку проект 885 является ударной подводной лодкой, а не ракетным крейсером

²³ Zaloga Stephen. *The Thunder Inside Russia's Typhoons. Jane's Intelligence Review*, December 1996, p.536

²⁴ Зуев Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Указ. соч., с. 14.; Мясников Е. указ. соч.; Широкоград А. Ракеты над морем. *Техника и Оружие*, № 2, 1996, с.10

²⁵ Макеев Борис. Морские ракеты, в кн.: *Ракетная мощь России: прошлое и настоящее* (под ред. Пикаева Алексея). М., Комитет по

критическим технологиям и нераспространению совместно с Монтерейским институтом международных исследований, 1996, с.53. Зуев Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Указ. соч., с.14

²⁶ Зуев Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Указ. соч., с.25

²⁷ Столь малое число труб является одной из загадок новой серии: проект 941 имеет 20 труб, в то время как проект 667 БДРМ - 16. Было бы логично предположить, что серия БДРМ будет и в будущем нести по 12 ракет, однако этого не произошло. Неясно, связано ли такое решение с тенденцией к снижению концентрации боеголовок на одной платформе или с техническими трудностями.

²⁸ См. *РИА-Новости*, 20 ноября 1997, два сообщения

²⁹ *Ядерный Контроль*, № 34-35, 1997, с.5, 6

³⁰ *Интерфакс*, 28 октября 1997

³¹ См., например, Дворкин, Калядин А, Пикаев А. Указ. соч., с. 107-112

³² *РИА-Новости*, 18 июня 1997

³³ *РИА-Новости*, 22 августа 1997

³⁴ Зуев Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Указ.

соч., с. 14. Интересно, что глава, написанная Дворкиным, Калядиным А. и Пикаевым А. в том же томе исходит из предположения о том, что производство тяжелых бомбардировщиков не будет возобновлено.

³⁵ Информация по КРВБ взята из справочника *Jane's*, электронная версия, обновление за сентябрь 1997

³⁶ Зуев Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Указ. соч., с.26. Макеев Б. Указ. соч., с. 57

³⁷ См., например, указанную выше статью Сурикова Антона. СНВ-2: противоречия остаются. *Ядерный Контроль*, № 18-19, 1996

³⁸ Заключенный в 1922 году в Вашингтоне пятисторонний договор установил соотношение линейного флота США, Англии, Японии, Франции и Италии в пропорции 5:5:3:1, 75:1,75

³⁹ Показателем того, какой ущерб сегодня рассматривается как неприемлемый, является растущее беспокойство США относительно международного терроризма: даже вероятность потери одного небольшого города вызывает серьезную озабоченность. Совершенно не случайно то, что только сейчас, после окончания холодной войны, США начали программу гражданской обороны, очень похожую на ту, что существовала в СССР. При этом во главу угла ставится именно предотвращение или ограничение последствий террористического акта.

⁴⁰ Своего рода примером является американский опыт, а именно поправка Джексона в ОСВ-1 в 1972 году. как известно, ОСВ-1 не охватывал воздушного компонента триады, поскольку стороны тогда не смогли договориться о том, какие авиационные средства должны засчитываться, а какие нет. соответственно соглашение охватило лишь баллистические ракеты и, поскольку США имели преимущество в оставшихся за рамками договоренности тяжелых бомбардировщиках, СССР получил преимущество в баллистических ракетах, которое и было отражено в тексте соглашения. Хотя сенат ратифицировал его. одновременно была принята поправка Джексона, которая требовала, чтобы на будущих переговорах было обеспечено количественное равенство сторон. Поправка не была связана с существом дела, а отражала чисто внутривнутриполитические тенденции и особенности восприятия ситуации. вообще парламенты обычно более склонны к жесткой линии в отношении разоружения просто потому, что интересы законодателей сосредоточены внутри страны и зависят часто от чрезвычайно упрощенного понимания существа дела. которое характерно для общественности.

⁴¹ Цит. по: Милуков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб: Тип. Вольфа, 1911, с.45-46

⁴² См. *Ядерный Контроль*, № 2, 1997

■
Страницы истории

**ОБ ОТНОШЕНИИ АКАДЕМИКА КАПИЦЫ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ
СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ К АТОМНОМУ ПРОЕКТУ, К АТОМНОЙ БОМБЕ И
К КОНТРОЛЮ НАД НЕЙ**

Роланд Тимербаев
Президент
ПИР-Центра политических исследований

*В этом номере журнала мы открываем новую рубрику **Страницы Истории**. Роланд Тимербаев в течение ряда лет работает над темой «Россия и ядерное нераспространение». Он имеет в виду в основном на базе архивных материалов раскрыть, как формировался подход Советского Союза к задаче предотвращения распространения ядерного оружия. СССР, как и США и многие другие государства, далеко не сразу вслед за открытием секрета внутриядерной энергии осознал важность принятия коллективных международных мер с тем, чтобы поставить предел ядерному распространению. Это был сложный, тернистый путь, занявший порядка двадцати лет.*

Договор о нераспространении ядерного оружия был заключен только в 1968 году после многолетних трудных переговоров. А до этого целый ряд государств, в том числе и такие сегодняшние ревностные поборники нераспространения, как Австралия, Норвегия, Швеция и другие, всерьез подумывали о собственной атомной бомбе.

В процессе формирования советской политики по ядерному нераспространению и ядерной проблеме в целом участвовали многие люди - партийные и государственные деятели, военные, дипломаты, администраторы науки, ученые.

Для составления более многомерного представления о том, как проходил этот процесс немалый интерес представляет как советские ученые относились к атомному оружию, к тому, как избежать его использования, к возможным последствиям применения этого оружия, к установлению международного контроля над ним. Среди наших ученых-атомиков, как и в Соединенных Штатах, к этим вопросам не было однозначного отношения, хотя подавляющее большинство из них без каких-либо колебаний приняло активное участие в создании атомной бомбы. И в первую очередь, представляет интерес позиция крупнейшего советского физика того времени академика П.Л. Капицы, который, как известно, не участвовал в создании атомного оружия.

Редакция

Петр Леонидович Капица был прекрасно знаком с развитием ядерной физики. По-видимому, он первым из советских ученых публично указал на реальность использования ядерной энергии для создания атомного оружия. Выступая на антифашистском митинге ученых в Колонном зале Дома Союзов 12 октября 1941 года, Капица заявил: “Одним из основных орудий войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить их взрывчатую силу в полтора-два раза. Но в последние годы открыты еще новые возможности - использование внутриатомной энергии. Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого

размера, если она осуществима, могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения”¹.

И, видимо, не случайно в наиболее раннем документе по атомной проблеме, направленном Л. П. Берия на имя Сталина в марте 1942 года, в списке тех, кто рассматривался как возможный научный руководитель работ по расщеплению атомного ядра, на первом месте значился Капица. Начало работы И.В. Курчатова по созданию атомной бомбы относится к весне 1943 года.

Когда 20 августа 1945 года Сталин образовал при Государственном комитете обороны СССР (ГКО) Специальный комитет по

“руководству всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана” под председательством Берия, он включил в него только двух ученых - Курчатова и Капицу. Оба они, наряду с некоторыми другими учеными и администраторами, вошли и в Технический совет при Специальном комитете, который возглавил Б.Л. Ванников².

Однако уже 25 ноября 1945 года Капица в письме на имя Сталина *еще раз* просил его освободить от работы «по атомной бомбе» (АБ). В письме ученый указывал: “Хоть и тяжело будет, но, во всяком случае, попробовать надо скоро и дешево создать АБ. Но не таким путем, как мы идем сейчас, он безалаберен и без плана”. Далее он подробно излагал план действий по созданию атомного оружия и объяснял мотивы своего ухода: “Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский, ведут себя в Особом Комитете (имеется в виду Специальный комитет - *Авт.*) как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо”³. Капица был освобожден от участия в атомном проекте 21 декабря 1945 года, а затем - в августе 1946 года - и от руководства Институтом физических проблем АН СССР, созданным им в 1935-1936 годах⁴.

В дальнейшем, в письме на имя Н.С. Хрущева от 22 сентября 1955 года, Капица еще раз объяснил, почему он вышел из проекта: “[...] Единственной причиной, заставившей меня отказаться от этой работы, было невыносимое отношение Берия к науке и ученым. Мне думается, что моя тогдашняя критика начального хода развития атомных работ была в дальнейшем учтена и оказала пользу. Так что все нарекания на меня, что я, дескать, пацифист и поэтому отказался от работы по атомной бомбе, ни на чем не основаны. Хотя я лично не вижу, почему следует вменять в вину человеку, если он по своим убеждениям отказывается делать оружие разрушения и убийства?”⁵.

Эта последняя фраза, как представляется, все же заставляет задуматься о подлинных причинах выхода Капицы из атомного проекта, хотя многие считают, в т.ч. и его жена, что он ушел из-за разногласий с Берия.

Так, американский исследователь Дэвид Холловей считает: “Письма [Капицы] ясно показывают, что его уход мотивировался не возражениями нравственного или политического порядка против создания бомбы, а его неудовлетворенностью отношением Берия к ученым и курсом на копирование США”⁶.

В том же духе высказывалась и жена Капицы Анна Алексеевна. На вопрос о существовании версии, что П.Л. сам не хотел заниматься созданием бомбы, она ответила так: “Он не хотел иметь дело с Берия. Он не мог принимать в этом участия. Вначале он был в Атомном комитете, но потом написал то самое письмо Сталину, в котором указывал, что Берия - как дирижер, который машет палочкой, не понимая партитуры. Вот, например Курчатова был очень хороший ученый, потрясающий дипломат и тактик. Он умел заставить наших правителей и уважать его, и слушать. Он умел подойти к ним с какой-то такой стороны, когда они чувствовали, что их не призирают, наоборот - запанибрата [...]. П.Л. этого не мог [...]”⁷.

Среди ряда современников и коллег Капицы, с которыми приходилось беседовать, существует убеждение, что ученый, зная о недоверии к нему всемогущего Берия, возглавлявшего атомный проект, искал удобный повод уйти в сторону без больших потерь и в конце концов нашел такой повод - написать письмо Сталину о том, что он не сработался с Берия. Петр Леонидович полагал, что учитывая международный авторитет ученого, Сталин не позволит Берия физически расправиться с Капицей. Хотя ему пришлось уйти из основанного им института, все же он остался жив и смог продолжать плодотворную научную работу на своей даче на Николиной горе.

И тем не менее не подлежит сомнению, что для Капицы нравственный вопрос представлял большое значение. Это видно по многим источникам и, в частности, из его письма на имя В.М. Молотова, обнаруженного среди архивных документов МИД СССР. В этом письме, датированном 18 декабря 1945 года (то есть за несколько дней до освобождения академика от работы над атомным проектом), он предложил выступить в печати со статьей, с тем чтобы “дать более объективное освещение” ситуации, которая “создалась в мировой науке в связи с вопросами атомной энергии”. В изложенных

в письме тезисах такой статьи Капица, в частности, писал:

“1. Достигнутые успехи науки и техники в использовании атомной энергии, несомненно, по своей значимости отмечают новую эру в культуре человечества.

2. Главное значение технического использования атомных процессов это то, что в руки человечества дан новый могущественный источник энергии [...].

5. То, что происходит сейчас, когда атомную энергию расценивают первым делом как средство уничтожения людей, так же мелко и нелепо, как видеть главное значение электричества в возможности постройки электрического стула. Атомная энергия для бомб будет также мало применяться в будущем, как электричество для электроказни.

6. Как ни значителен успех научной работы в Америке, но все же техника использования атомной энергии находится в своей инфантильной стадии, главное значение последних научных достижений в том, что показана возможность получения и управления атомной энергией в значительных масштабах. Но над ее практическим использованием надо еще много работать [...].

9. [...] Главное значение в применении атомной энергии лежит в мирных культурных целях, где ей предстоит революционизировать энергетику и ряд других ведущих областей техники.

10. За годы войны советские инженеры и ученые, благодаря эвакуации основных научных учреждений и тяжести борьбы, которая легла непосредственно на них, должны были сосредоточить свои силы на вопросах, связанных непосредственно с войной и менее проблемного характера, чем атомная энергия. Это временно и помешало им принять участие в решении большого числа проблем, связанных с атомной энергией, как это удалось поставленным в более спокойные условия ученым, работавшим за океаном. Советские ученые всегда видели то колоссальное поле деятельности, которое раскрывают перед творческими работниками науки и техники вопросы, связанные с получением и использованием атомной энергии главным образом для мирного строительства.

11. Благодаря тому, что первый раз за историю науки ее результаты делаются секретными, работа ученых поставлена в нелепое положение. Ученым вместо того, чтобы дружно со своими коллегами за рубежом дополнять достижения друг друга, приходится в значительной степени заниматься тем, что “открывать открытое”. Это самый нездоровый путь развития мировой науки и техники, который может существовать.

12. История никогда еще не показала, что засекречиванием можно остановить развитие науки и техники в стране, где она находится на должном уровне. Это является следствием единого закона развития культуры всего человечества.

13. Несомненно, что последующие поколения будут рассматривать эти извращения в путях развития вопросов атомной энергии, этой важнейшей области мировой науки и техники, свидетелями которой мы являемся, примерно так же, как мы сейчас рассматриваем тот период средневековья, когда в интересах религии и ее служителей тормозилось развитие прогрессивной и передовой науки”.

Капица завершает письмо Молотову словами, что “тезисы отражают то, что я сейчас думаю, и то, что, я уверен, **думают большинство ученых** (выделено мной - *Авт.*)”. Ученый просил согласия на опубликование статьи, основанной на этих тезисах⁸.

Точка зрения Капицы относительно необходимости открытости в науке поразительно перекликается с мыслями Нильса Бора, изложенными в его известной статье “Энергия атома. Возможности и вызов. Взгляд ученого”, опубликованной в газете *New York Times* 11 августа 1945 года (то есть сразу же после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки), в которой датский ученый **впервые открыто** высказал свои мысли о необходимости объединения усилий человечества и обеспечения возможности “международного регулирования” во имя того, чтобы “избежать всеобщей угрозы” (Известно, что эта статья была подготовлена заблаговременно и только дожидалась официального сообщения о применении ядерного оружия над Японией).

Первоначально Молотов высказался за то, чтобы разрешить Капице опубликовать статью. Его резолюция на письме - впоследствии зачеркнутая - гласила: “Т. Берия. По-моему можно разрешить Капице напечатать такую статью. В. Молотов”. Видимо, в результате обмена мнениями между Молотовым и Берией появилась окончательная резолюция Молотова: “Сообщить т. Капице по телефону, что по-моему лучше подождать с этим”.

Еще участвуя в атомном проекте, П.Л. ставил перед Спецкомитетом и добивался принятия решений по мирному использованию атомной энергии. Это зафиксировано в протоколах комитета и его Технического совета:

«Из протокола № 7 заседания Спецкомитета при СНК СССР. 26 октября 1945 г. [Слушали]: О разработке мероприятий по использованию атомной энергии в мирных целях. [Постановили] Поручить Техническому Совету обсудить предложения Капицы П.Л. об использовании внутриатомной энергии в мирных целях, разработать план мероприятий в этой области и доложить его Спецкомитету. Председатель Спецкомитета при СНК СССР Л. Берия»

«Из протокола № 8 заседания Технического Совета Спецкомитета. 13 ноября 1945 г. [Слушали]: Об организации исследовательских работ по использованию атомной энергии в мирных целях (поручение Специального Комитета). [Постановили]: Поручить тт. Капице П.Л. (созыв), Курчатову И.В., Первухину М.Г. в месячный срок подготовить и внести на рассмотрение Совета предложения об организации [...] исследовательских работ по использованию внутриатомной энергии в мирных целях. Председатель Технического Совета Б.Л. Ванников. Ученый секретарь А. Алиханов»⁹.

Недавно стало известно (благодаря изысканиям секретаря комиссии по научному наследию Капицы П.Е. Рубинина), что русский ученый высказывал мысли о долге ученых в связи с новыми научными открытиями в письме на имя Нильса Бора в октябре 1945 г., а также в июле 1946 г. по случаю избрания его Датской академией своим иностранным членом.

В письме от 22 октября 1945 г. Капица писал: “В настоящее время я много размышляю над проблемами международного сотрудничества

работников науки, которое совершенно необходимо для здорового развития культуры во всем мире. Последние открытия в области ядерной физики - я имею в виду знаменитую атомную бомбу - показали еще раз, как мне кажется, что наука не является более “развлечением” университетской профессуры, а стала одним из тех факторов, которые могут повлиять на мировую политику. В наши дни существует опасность, что научные открытия, содержащиеся в секрете, могут послужить не всему человечеству, а могут быть использованы в эгоистических интересах отдельных политических и национальных группировок [...]”¹⁰.

Отвечая на идею организации сотрудничества ученых, Бор пишет Капице 12 апреля 1946 года письмо, в котором он информирует П.Л. об избрании его иностранным членом Датской академии наук и искусств и пишет: “Что касается организации международной конференции ученых, о которой Вы мне писали, то я убежден, что если Вы и некоторые из Ваших коллег смогли бы принять в ней участие, то многие из наших английских и американских коллег с радостью приветствовали бы встречу с нами здесь, в Копенгагене. И я готов, как только получу Ваш ответ, приступить к подготовке подобной встречи, которая, на мой взгляд, может быть организована в любое удобное для Вас время”¹¹.

При получении им диплома члена Датской академии в июле 1946 года Капица сказал: “Сейчас, в связи с колоссальными возможностями, которые для человечества открыла атомная энергия, идея [...] интернационального сотрудничества науки подвергается большим опасностям. [...] Центр тяжести проблемы лежит, несомненно, не в военном применении новых открытий, а в той необычайной мощи энергетических источников, которые обещает предоставить человечеству атомная энергия и которые, как можно ожидать, со временем совершенно изменят весь облик нашей культуры. Те опасности, которым подверглось развитие науки в этом направлении, несомненно, самым губительным образом могут сказаться на ходе развития науки и прогресса [...]”.

Наши точки зрения (с Нильсом Бором) совпадают в том отношении, что ученые должны выступить с протестом против засекречивания работ в этом направлении и против всяческих попыток превращения

одного из самых замечательных научных достижений в игрушку узко империалистических устремлений или агрессивных замыслов отдельных стран”¹².

Спустя месяц Сталин подписывает постановление, в котором снимает Капицу со всех его постов и освобождает его от руководства созданным им Институтом физических проблем. Такова была кара за отказ сотрудничать с Берия в создании атомной бомбы.

Капица, несмотря на отказ Берия и Молотова дать ему возможность довести до общественности свою позицию по атомной бомбе, после смерти Сталина пишет еще одну статью и направляет ее на этот раз Хрущеву. В статье “Ядерная энергия”, датированной 11 января 1955 года и направленной тогдашнему советскому руководителю 16 января, он подробно описывает свое видение развития использования ядерной энергии, не лишнее актуальности и сегодня. П.Л. затрагивает и вопросы контроля над энергией атома.

Он, в частности, пишет: “Так неужели же всегда существовавшая среди людей рознь в политических, религиозных и других мировоззрениях может привести к использованию термоядерной бомбы, как к методу доказательства своей правоты и этим самым к общей гибели? Очевидно, сейчас есть один выход из создавшегося положения, это категорическое запрещение любого типа атомного оружия и **осуществление строжайшего общественного международного контроля** за выполнением этого запрещения” (выделено мной. - Авт.)¹³.

Капица настойчиво подчеркивает свою принципиальную убежденность в необходимости рассекречивания атомных работ: “Поскольку обе стороны располагают примерно одинаковым количеством знаний в этой [атомной] области, естественно появляется возможность рассекретить эти знания и сделать их достоянием ученых всего мира. Просматривая научную литературу, нетрудно заметить, что такое пока еще робкое рассекречивание ядерной физики уже началось и можно с уверенностью предсказать, что оно полностью завершится через несколько лет - срок, который нужен соответствующим государственным органам, ответственным за секретность, чтобы осознать и полностью разобраться в создавшемся положении.

Рассекречивание ядерной физики нужно приветствовать, так как оно, несомненно, приведет к прогрессу в научных работах над мирным применением ядерной энергии. Сразу же будет вовлечен в эту работу круг ученых и начнется сотрудничество ученых, работающих в различных областях знания; этого сейчас остро недостает [...].

Пока главным тормозом, мешающим развитию этой объединенной работы, является секретничество, связанное с научной работой по ядерным процессам. Это мешает объединяться в работе не только ученым в международном масштабе, но, как это видно из иностранной прессы, даже ученым внутри одной страны.

Я уже указал, что сейчас, когда гонка атомного вооружения пришла в тупик, есть все основания предвидеть, что уже в ближайшие годы в области ядерной физики секретность должна прекратиться и это сразу приведет к расцвету науки. Но не надо забывать, что на пути к международному общению ученых все же останется и другое крупное препятствие - это холодная война и ее исток - классовая нетерпимость к коммунистическому мировоззрению. Для любого прогрессивно мыслящего человека в этой нетерпимости, конечно, не может не чувствоваться возрождения средневековых методов борьбы с новыми идеями в науке подобных тем, которые были когда-то организованы против Коперника, Галилея и их последователей. Людям уже давно следовало понять, что никогда и нигде полицейскими мероприятиями нельзя опровергнуть передовое мировоззрение и приостановить его развитие. Хотелось бы верить, что в наш век такая ситуация долго продолжаться не может и дружное международное сотрудничество ученых снова возродится и это сразу же двинет вперед мирное применение ядерной энергии”¹⁴.

Как представляется, достаточно откровенные ссылки Капицы на полицейский режим в науке имели вполне определенный адрес, что, конечно же и определило решение ЦК КПСС о *нецелесообразности* опубликования статьи академика¹⁵.

Так каковы все же были истинные причины нежелания Капицы участвовать в советском атомном проекте? Однозначного ответа на этот вопрос, видимо, нет.

Академик И.М. Халатников выдвигает весьма правдоподобную версию. По его мнению, для П.Л. сразу же возникла проблема его роли в атомном проекте. Руководить многотысячным коллективом было не в духе Капицы, он должен был найти свое место, в котором его могучий ум ученого и инженера мог себя проявить. Ему же приходилось подолгу участвовать в заседаниях, на которых председательствовал Берия. Могущественный сановник был хорошо информирован разведкой о конструкции американской бомбы, которая уже сработала. Естественной была идея, что нужно идти по этому самому пути.

Капица же почти наверняка не располагал такой информацией, и как человек, всегда мыслящий оригинально, стал думать об альтернативных решениях и стал их продвигать на заседаниях Специального комитета. А поскольку Берия знал больше об американском проекте, чем Капица, его это, продолжает Халатников, очень раздражало. Возникло взаимное раздражение, и ситуация стала критической. Берия к этому моменту понял, что Капица ему для атомных дел не нужен и с ним можно разделиться.

И тут Капица находит нетривиальный и рискованный ход: он пишет Сталину, что Берия руководит атомным проектом, ничего не понимая в сути дела. Последствия этого хода, по мнению академика Халатникова, П.Л. рассчитал, по-видимому, правильно. Он выиграл: спас себе жизнь. Его могли бы обвинить во вредительстве, а хорошо известно, чем в те времена кончались подобные обвинения¹⁶.

А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет, что Капица, отказавшись принимать участие в разработке атомного оружия, “выдвигал тогда на первый план не идейные соображения, а несогласие по организационным проблемам и нежелание подчиняться людям, которых он считал ниже себя в научном отношении [...]”. Я думаю, что тут была не только уловка, а действительное сочетание разнородных причин, в какой комбинации - трудно сказать¹⁷.

Что касается позиции самого Сахарова, то, как он пишет в своих мемуарах, главным для него и других участников группы акад. И.Е. Тамма, работавшей над созданием термоядерного оружия, было “внутреннее убеждение, что эта работа *необходима*”. “Я не мог не сознавать, какими страшными,

нечеловеческими делами мы занимались. Но только что окончилась война - тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне - но чувствовал себя *солдатом* этой, научно-технической. [...]”. Со временем мы узнали, или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом¹⁸.

А.Д. занимался работами, связанными с разработкой термоядерного оружия и примыкающими темами, двадцать лет - с июня 1948 года по июль 1968 года, когда он был отстранен от секретных работ. В предисловии к изданному в США в 1974 г. сборнику *Sakharov Speaks* он пишет, что ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях, начиная с 1957 года. Стал писать докладные записки И.В. Курчатову, Н.С. Хрущеву, выступать на совещаниях. Возражал против возобновления ядерных испытаний в 1961 году, которые положили конец трехлетнему советско-американско-английскому мораторию на ядерные взрывы. В 1962 году ставил перед министром среднего машиностроения Е.П. Славским вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. В 1963 году заключением Московского договора эта идея была реализована¹⁹.

Нужно сказать, что Капица с большим пониманием и симпатией относился к жизненной позиции и деятельности А.Д. Сахарова. Как свидетельствует друг Капицы Ю.П. Любимов, когда между ними был разговор о том, как разрядить обстановку вокруг Сахарова, Петр Леонидович сказал: “Что же делать, Юрий Петрович? Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич стал [...]”.

Далее Юрий Любимов так оценивает действия Капицы в 1945 году: “[Т]о была вовсе не отчаянная, безумная храбрость, которая ничего не дает - кроме ареста. Он все рассчитал, включая и письма свои к Сталину, в которых он писал, что Берия - дирижер, не умеющий читать партитуру. Все рассчитал и

пришел к выводу, что он это *должен* сделать. Зато ему потом будет гораздо спокойнее. Его не будет грызть совесть. И ему не придется работать с Берией. *Вместе с ним* создавать советскую атомную бомбу [...]»²⁰.

В одном из рассекреченных документов КГБ («Тезисы в отношении Капицы П.Л.», 24.03.60, без подписи), переданных семье П.Л. Капицы в 1995 году и основанном, судя по всему, на донесениях агентов и «данных оперативной техники», излагается разговор П.Л. Капицы с его близким другом, английским физиком Полем Дираком в октябре 1956 года, когда Дирак приезжал в Москву. Разговор был очень личным, при котором никто из посторонних присутствовать не мог. Процитируем эти «тезисы»: «Разговор в октябре 1956 года с английским физиком ДИРАКОМ. [...] Заявление ДИРАКУ о том, что не хотел отдавать себя работе над созданием атомной бомбы, считая ее позорной»²¹.

Следует упомянуть также о позиции академика Л.Д. Ландау, который руководил теоретическим отделом в институте Капицы. Известно, что Ландау участвовал в атомном проекте как физик-теоретик на начальной стадии. Он получил звание Героя Социалистического Труда, был трижды удостоен Сталинской премии,²² однако занимался *спецработами* (как тогда было принято говорить) не по убеждению, что видно из докладной записки председателя КГБ И.А. Серова на имя заведующего отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллина от 20 декабря 1957 года.

КГБ докладывал на основании «агентурных данных и оперативной техники», что «еще в 1952 г. он был занят мыслью сделать как можно меньше». По данным КГБ, Ландау говорил, что «разумный человек должен стараться держаться как можно дальше от практической деятельности подобного рода. Надо употребить все силы, чтобы не войти в гущу атомных дел. В то же время всякий отказ и самоустранение от таких дел должны делаться очень осторожно».

«Ландау считает, сообщал КГБ, что целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которые ставит перед собой государство, тем более советское государство, которое построено на угнетении».

«В конце марта (1955 года), докладывал КГБ, Ландау был вызван вместе с [академиком В.Л.] Гинзбургом к [министру среднего машиностроения А.П.] Завенягину по поводу спедеятельности. [...] В разговоре с источником Ландау высказывался очень резко по адресу Зельдовича, ‘от которого идут всякие пакости’. Ландау сказал источнику, что он ни за что не согласится опять заниматься спецделами и что ему неприятно вести об этом разговор. По дороге в министерство Ландау предупредил Гинзбурга, чтобы он не вздумал заявить, что Ландау ему нужен для предстоящей работы. Ландау рассказывал источнику после, говорилось далее в докладной КГБ, что министр принял его весьма вежливо и любезно и держался очень хорошо. Ландау быстро убедил присутствующих, что ему не следует заниматься спецработой, но, как он сам выразился, не мог отказаться от предложения изредка разговаривать по этим вопросам. ‘На самом же деле, конечно, никаких разговоров и не будет’, сказал Ландау».²³

Завершим статью словами Юлия Борисовича Харитона, который, наряду с Игорем Васильевичем Курчатовым, внес решающий вклад в создание и совершенствование советского ядерного арсенала: “Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свершениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, в более чем зрелом возрасте, я уже не уверен, что человечество созрело до владения этой энергией, Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома - Земли. Слова покаяния ничего не изменят. Дай Бог, чтобы те, кто идет после нас, нашли пути, нашли в себе твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего»²⁴.■

Материал подготовлен при поддержке Фонда Макартуров. Автор выражает благодарность П.Е. Рубинину за ценные замечания.

¹Правда, 13 октября 1941

²Полный текст постановления ГКО см.: Создание первой советской атомной бомбы (гл. ред. В.Н. Михайлов, зам. гл. ред. А.М. Петросьянц).М., Энергоатмиздат, 1995, с.52-54.

³Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989, с.237-247

⁴Следует отметить, что авторы книги «Создание первой советской атомной бомбы» неточно, а потому несправедливо утверждают, что Капица был *отстранен* от участия в атомном проекте (с.370). Формулировка постановления СНК СССР от 21 декабря 1945 года гласила: «Удовлетворить просьбу академика Капицы П.Л. и освободить его от работы в Специальном комитете при Совнаркоме СССР и Техническом совете указанного комитета [...]». Текст постановления хранится в архиве П.Л. Капицы в Институте физических проблем РАН.

⁵Капица П.Л. О науке и власти. М., 1990, с.39.

⁶Holloway David. Stalin and the Bomb. Yale University Press, 1994, p.141

⁷Зотиков И. Три дома Петра Капицы. *Новый Мир*, №7, июль 1995, с.206

⁸Письмо Капицы было опубликовано в *Вестнике МИД СССР*, №10 (68), 31 мая 1990

⁹Цит.по: Гапонов В., Озеруд Ф., Рубинин П. Новый взгляд на поездку Я.П. Терлецкого к Н. Бору в 1945 году. В: Сборник трудов международного симпозиума «Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е - 50-е годы). Труды». М., ИздАТ, 1997, том 1, с.495-496

¹⁰Капица Петр. Письма о науке. М., Московский рабочий, 1989, с.236

¹¹Архив П.Л. Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН. Цит. по: Рубинин П. Нильс Бор и Петр Леонидович Капица. *Успехи Физических Наук*, том 167, январь 1997, с.106

¹²там же, с.102

¹³*Исторический Архив*, №6, 1994, с.122

¹⁴там же, с. 124 и 128

¹⁵Докладная записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о статье П.Л. Капицы «Ядерная энергия» от 27 января 1955 года.

Исторический Архив, №6, 1994, с.129-131. И все-таки можно высказать предположение, что мысли Капицы о важности открытости в науке могли подтолкнуть руководство ЦК к решению о развитии международного сотрудничества в области мирного применения атомной энергии и, в частности, к известному выступлению акад. Курчатова о работах по термояду уже в следующем, 1956 году, в английском атомном центре Харуэлле.

¹⁶Петр Леонидович Капица. Воспоминания, письма, документы. М., Наука, 1994, с.209-211

¹⁷Сахаров Андрей. Воспоминания. *Знамя*, №1, январь 1991, с.179

¹⁸*Знамя*, №11, ноябрь 1990, с.129

¹⁹Сахаров Андрей. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Ленинград, Советский Писатель, 1990, с.5-7

²⁰Капица Петр. Воспоминания..., с.299

²¹Архив Капицы в Институте физических проблем РАН. Сообщено П.Е. Рубининым

²²Как известно, он был и лауреатом Нобелевской премии по физике

²³ЦХСД, ф.89, оп.18, д.24, лл.170-186.

Опубликовано в: *Исторический Архив*, №3, 1993, с.151-161

²⁴Особое выступление академика Юлия Борисовича Харитона. J. Robert Oppenheimer Memorial Committee, Los Alamos, July 1995, p.8

Банк данных

ПЕРЕГОВОРЫ, КОНТРАКТЫ И ТРАНСФЕРТЫ ВООРУЖЕНИЯ И
ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ В НОЯБРЕ 1996-
ДЕКАБРЕ 1997 ГОДОВ

Экспортер	Импортер	Дата подписания контракта или трансферта	Физические параметры сделки	Финансовые параметры контракта	Примечания
Россия	Индия	Контракт 30.11.96	40 многофункциональ ных истребителей Су-30МКИ ¹	1,4-2 млрд. долл.	Поставки в 1997-2000 годах, после выполнения контракта возможна передача лицензии на сумму 1 млрд. долл. на производство 100 истребителей Су-30МК в Индии.
Белоруссия	Перу	Контракт. конец ноября	12-16 фронтовых истребителей МиГ-29 и 2 МиГ-29УБС ²	384 млн. долл. ³	
Белоруссия	Перу	Контракт. Декабрь	14 штурмовиков Су-25, 3СУ 2С6 “Тунгуска”, 3РК SA 15 “Тор”, ракеты AA-10 и AA-8. ⁴		В дальнейшем независимые источники информацию не подтверждали.
Россия	Словакия	Стадия переговоров	ударный вертолет Ка-50, 6-10 единиц ⁵	200 млн. долл. ⁶	Переговоры о поставках вертолетов в счет погашения российского долга.
Украина	Ливия	Неизвестно	Тактические ракеты СС21 “Точка” ⁷	500 млн. долл. ⁸	Украина опровергает сообщения о продаже ракет Ливии.
Франция	Россия	Декабрь 1996. Контракт.	10 ТРДД «Ларзак-04R20» ⁹	Предположите льно 1 млн. долл. за двигатель ¹⁰	В дальнейшем факт трансферта не подтвержден.
Россия	Кипр	Контракт. 4 января 1997	Один комплекс С-300 ПМУ-1 ¹¹	Неизвестно. Оценки колеблются от 150 до 450 млн. долл.	
Россия	Южная Корея	4.01.97	Трансферт 26 Т-80У, 13 БМП-3 ¹²	В счет частичного	Трансферт третьей партии

				погашения долга на общую сумму 1,5 млрд. долл.	бронетехники
Россия	Финляндия	Февраль-март 1997	Трансферт второго дивизиона ЗРК SA- 11 (Бук-М1) ¹³	в счет долга	В составе дивизиона три батареи по две самоходных огневых установки, одной пускозаряжающе й установкой станцией обнаружения и КП управления боевыми действиями.
Россия	Финляндия	Апрель-май 1997	Трансферт третьего дивизиона ЗРК SA- 11 (Бук-М1) ¹⁴	в счет долга	Развертывание бригады ПВО в Хельсинкском округе ПВО
Россия	Колумбия	Контракт 17.01.97	10 военно- транспортных вертолетов Ми-17 ¹⁵	42 млн. долл. ¹⁶	
Россия	Иран	Январь 1997	трансферт ПЛ Kilo class проекта 877ЭКМ ¹⁷	200 млн. долл. ¹⁸	В рамках контракта по продаже трех ПЛ. Первые две переданы в ноябре 1992 и июне 1993.
Украина	Пакистан	23.03.97	Передача 15 Т- 80УД ¹⁹		Первая партия в рамках контракта на поставку 320 Т- 80УД, подписанного в июле 1996.
Россия	Болгария	март-май 1997	интенсивные переговоры по продаже 12 истребителей МиГ- 29СМ и 2 МиГ- 29УБ ²⁰	450 млн. долл. В счет российского кредита	В июне болгарское правительство объявило об отказе закупать российскую технику по финансовым и политическим мотивам
Россия	Индия	Март-апрель 1997	Трансферт 8 истребителей Су- 30К ²¹		В рамках контракта на поставку 40 Су- 30МК
Россия	Индия	Март 1997	заказ трех вертолетов ДРЛО Ка-31 ²²		По сообщению журнала Maritime International от 03.97. Подтверждение

					национальных источников отсутствует.
Россия	Эфиопия	29.04.97	Заявление об участии России в тендере на модернизацию МиГ-21бис в вариант МиГ-21-93 ²³		Конкурентом выступает израильско-румынско-украинский консорциум
Россия	Сингапур	Контракт. Апрель 1997	ПЗРК «Игла» ²⁴	50 млн. долл. ²⁵	
Россия	Вьетнам	Январь 1997	шесть Су-27 ²⁶	180 млн. долл.	В дополнение к шести закупленным в 1994 году, до 2000 года закупки составят 24 единицы на сумму 800 млн. долл. ²⁷
Россия, ВПК «МАПО»	Иран	май 1997	лицензионное производство 60 авиадвигателей ТВ7-117 ²⁸	145 млн. долл. ²⁹	
Казахстан	Иран		«три батареи» ЗРК SA-10 ³⁰	90 млн. долл. ³¹	Сообщение ТАСС со ссылкой на газету <i>Washington Times</i> . Казахстан отрицает причастность к сделке.
Россия	Индия	июнь 1997	решение индийского правительства о закупке двух ПЛ проекта 636 Kilo-class ³²	6 млрд. рупий ³³	
Украина	Пакистан	июнь-июль	трансферт 35 танков Т-80УД ³⁴		в рамках контракта на поставку 320 танков Т-80УД на сумму 650 млн. долл.
Россия	Израиль	17 июня 1997	соглашение о совместной разработке и производстве самолета ДРЛОУ ³⁵		Соотношение участия: 90% российская сторона, 10% израильская сторона. Российский участник - ТАНТК им. Бериева, израильский - Elta.

Россия	Китай	июль	две ПЛ проекта 636 ³⁶	ориентировочно 500 млн. долл. ³⁷	Сообщения в российской прессе о прохождении испытаний в Балтийском море ПЛ проекта 636, предназначенных для Китая. Передача первой лодки ожидается до конца 1997 года, второй - в начале 1998.
Россия	Китай		100 артсистем «Нона-СВК» ³⁸		Сообщение ИТАР-ТАСС со ссылкой на американские СМИ. Подтверждение национальных источников отсутствует.
Россия	Индонезия	5 августа	12 истребителей Су-30К и 8 вертолетов Ми-17-1В ³⁹	около 500 млн. долл. ⁴⁰	Заявление индонезийских официальных лиц о намерении закупить российскую технику. В настоящее время все контракты заморожены Индонезией в связи с финансовым кризисом. Россия рассчитывает пересмотреть условия в сторону снижения цены и увеличения доли бартера и все-таки осуществить поставку.
Россия	Индия	22.10.97	две ПЛ проекта 877ЭКМ и три фрегата ⁴¹	800 млн. долл.	Объявление министра обороны Индии об одобрении данной закупки правительством республики.
Россия	Китай	23.10.97	передача китайскому экипажу ПЛ проекта 636 ⁴²		Передача осуществлена после 9-месячного курса

					обучения китайского экипажа
Украина	Индия	Октябрь 1997. Подготовка контракта	600 грузовиков КрАЗ ⁴³	24 млн. долл. ⁴⁴	Передача ожидается в начале 1998 года.
Россия	Казахстан	ноябрь- декабрь 1997	4 Су-27	в счет компенсации за выведенную после распада на территорию России военную технику	По соглашению 1995 года Россия обязалась передать Казахстану 73 боевых самолета - 21 МиГ-29, 14 Су-25, 38 Су-27. По состоянию на ноябрь 1997 передан 41 самолет
Молдавия	США	октябрь- ноябрь 1997	21 МиГ-29 ⁴⁵		В качестве версий причин покупки рассматриваются стремление не допустить передачи истребителей в Иран, желание получить доступ к секретной электронной аппаратуре опознавания «свой-чужой», а также стремление сформировать эскадрилью USAF для отработки приемов воздушного боя против МиГ-29.
Грузия	Украина	конец 1997- начало 1998	3 штурмовика Су- 25 ⁴⁶	стоимость поставки на момент появления информации не оговорена	поставка двух единиц в 1997, одной - в первом квартале 1998
Россия	Китай	конец 1997	завершение передачи Китаю технической документации на лицензионное производство 200 Су-27СК на заводе в Шеньяне ⁴⁷		В рамках контракта на сумму до 2 млрд. долл.
Франция	Россия, ВПК		контракт на поставку		Выделение правительством

	«МАПО-М»		французских составляющих (двигателей) и авионики для комплектации 10 УТС МиГ-АТ ⁴⁸		Франции кредита под гарантии правительства России кредита на сумму 100 млн. Франков для финансирования контракта.
Россия	Индия	20.11.97	прибытие в Россию индийского экипажа (60 чел) для принятия ПЛ Kilo-class проекта 877ЭКМ ⁴⁹		Передача второй ПЛ планируется в 1998 году, общая группировка достигнет 10 единиц ПЛ проекта 877ЭКМ
Украина	Пакистан	декабрь 1997	передача 50 танков Т-80УД ⁵⁰		Всего в 1997 осуществлена передача 100 танков Т-80УД в рамках контракта на поставку 320 танков Т-80УД
Россия	Индия	26.11.97.	Две ПЛ проекта 636, другая техника ВМС ⁵¹	2 млрд. долл. ⁵²	
Россия	Китай	26.11.97.	Два эсминца проекта 956 «Современный», ракеты 3М-80Е «Москит» ⁵³	1 млрд. долларов. ⁵⁴	
Россия	Вьетнам	6 декабря 1997	Трансферт двух Су-27 ⁵⁵		Груз потерян в результате катастрофы Ан-124 в Иркутске.

Банк данных подготовлен **Константином Макиенко**.

¹ Сегодня, 3 декабря 1996, с.6; Известия, 3 декабря 1996, с.3; Интерфакс, 3 декабря 1996

² Jane’s Defence Weekly, 27 November 1996, v.26, №22, p.3

³ Ibid.

⁴ Aviation Week and Space Technology, 2 December 1996, v.145, №23, pp.25,26

⁵ Комсомольская Правда, 28 ноября 1996, с.3

⁶ Там же

⁷ Известия, 11 декабря 1996, с.1,2

⁸ Там же

⁹ Flight International, v.150 №4552, p.14.

¹⁰ Собственная оценка

¹¹ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 5 января 1997

¹² Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 5 января 1997

¹³ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 22 января 1997

¹⁴ Там же

¹⁵ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА»,21 января 1997

¹⁶ Там же

¹⁷ Jane’s Defence Weekly,29 January 1997,v.27, №4, p.16

-
- ¹⁸ Собственная оценка
¹⁹ *Деловой Мир*, 19 февраля 1997, с.2
²⁰ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 27 марта 1997
²¹ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 17 апреля 1997
²² *Maritime International*, March 1997, p.5
²³ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 29 апреля 1997
²⁴ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 6 мая 1997
²⁵ Там же
²⁶ *Финансовые Известия*, 27 мая 1997, с.1
²⁷ Там же
²⁸ *Красная Звезда*, 20 мая 1997, с.3
²⁹ Там же
³⁰ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 5 июня 1997
³¹ Там же
³² Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 23 июня 1997
³³ Там же
³⁴ *Общая Газета*, 19-25 июня 1997, с.5
³⁵ Соб. инф.
³⁶ *Коммерсантъ-Daily*, 17 июля 1997, с3
³⁷ Собственная оценка
³⁸ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 16 июля 1997
³⁹ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 5 августа 1997
⁴⁰ Собственная оценка
⁴¹ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 22 октября 1997
⁴² Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 23 октября 1997
⁴³ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 17 октября 1997
⁴⁴ Там же
⁴⁵ *Русский Телеграф*, 6 ноября 1997
⁴⁶ *Независимое Военное Обозрение*, 14-20 ноября 1997, с.3
⁴⁷ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 13 ноября 1997
⁴⁸ *Независимое Военное Обозрение*, 14-20 ноября 1997, с.6
⁴⁹ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 20 ноября 1997
⁵⁰ *Jane's Defence Weekly*, 29 октября 1997 v.28, №17, p.5
⁵¹ Электронный банк ИНФО-ТАСС, база «ВЕГА», 26 ноября 1997
⁵² Там же
⁵³ Там же
⁵⁴ Там же
⁵⁵ Соб. инф.

Из редакционной почты

- **О статье Алексея Яблокова «Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома» (Ядерный Контроль, №34-35, с. 44-46)**

Редактору:

Статья Алексея Яблокова касается важной сферы деятельности Минатома. Следует приветствовать появление подобных статей, которые, однако, должны быть в максимально возможной степени объективными и содержать достоверную информацию.

Конечно, без субъективной позиции и эмоций автора не обойдешься, тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть важность использования достоверных фактов. В статье г-на Яблокова на с.46 содержится такое утверждение: «...[В] процессе переработки ОЯТ, кроме высокоактивных РАО, образуются сотни и тысячи средне- и низкоактивных РАО». Это грубая ошибка. Согласно опубликованным данным, приведенным в книге «Радиохимическая переработка ядерного топлива» (М., Энергоатомиздат, 1989), количество этих РАО другое, нежели указывает г-н Яблоков (см. с.167 упомянутой книги). В результате таких ошибок, во-первых, происходит дезинформация непросвещенных людей, а во-вторых, снижается доверие к статье и к автору у специалистов.

С уважением,

Геннадий Киселев

Автор письма – заведующий реакторным отделом ГНЦ «Институт теоретической и экспериментальной физики» (ИТЭФ), лауреат Государственной премии СССР, кандидат технических наук

- **Сегодня России надо продавать все, что покупают**

Редактору:

В прошедшие годы холодной войны вероятность распространения ядерного оружия и ядерных материалов из России была сравнительно невелика, хотя примеры этому есть. Государство монополично удерживало все структуры производства компонентов ядерных вооружений. Большие усилия прилагали и США для монопольного

владения ядерным оружием. Они шли даже на такие меры, как казнь супругов Розенберг, много их людей было посажено в тюрьмы, лишено доверия, изгнано с работы. Однако США не удалось сохранить монополию на ядерное оружие, а мировому сообществу на его распространение. Первой монополию нарушила Россия, вслед за ней Англия, Франция, Китай. К концу XX столетия ядерным оружием стремятся обладать даже небольшие государства. Инспекции МАГАТЭ не в состоянии уследить за всеми ухищрениями научных и исследовательских организаций по ядерным технологиям. Что должны делать ядерные державы, чтобы ядерные материалы не распространялись по миру бесконтрольно и не создавалось тайное ядерное оружие, особенно опасное в руках террористов?

Технология получения обогащенного урана-235 оружейного качества настолько сложна и громоздка, что под силу богатым странам. Скрыть эту работу сегодня в любой стране практически невозможно. Наиболее простым способом обзавестись примитивным ядерным зарядом является накопление и концентрация плутония-239. Плутоний сравнительно легко выделяется химическим путем из отходов атомной промышленности, из отработанного ядерного топлива энергетических и исследовательских атомных реакторов, хотя может быть получен и путем облучения металлического или растворенного урана вблизи активной зоны атомного реактора. Однако для реакторов, стоящих под надзором МАГАТЭ, это не может быть не замечено.

Таким образом, одним из способов обеспечить нераспространение ядерных материалов, а именно, плутония-239, является неременное обязательство стран-поставщиков ядерного топлива для исследовательских и энергетических ядерных реакторов забирать его обратно у потребителей после использования, и перерабатывать или захоранивать, иначе со временем случится то, что случилось с Северной Кореей, когда вопрос о возврате отработанного ядерного топлива с ее исследовательского ядерного реактора оказался за рамками соглашения, не рассматривался в течение нескольких десятилетий, и в результате возник серьезный кризис, за который сегодня уже платят Соединенные Штаты, Япония и Южная Корея. Поскольку сами США не стремятся

забирать отработавшее ядерное топливо с реакторов, построенных по всему миру, они и к России не предъявляют претензий.

Договор о нераспространении ядерного оружия, продленный бессрочно в 1995 году, не предусматривает каких-либо новых мер, накладывающих обязательства на поставщиков ядерного топлива для атомных электростанций и исследовательских ядерных реакторов поставщику забирать отработанное ядерное топливо. Наличие в отработанном ядерном топливе мощного радиоактивного излучения не дает оснований полагать, что этим топливо себя защищает. С отработанным ядерным топливом давно научились работать безопасно.

Соединенные Штаты под предлогом высокой стоимости работ по переработке ядерного топлива, низкой стоимости обогащенного урана, имеющемуся законе 1972 года о запрете использования плутония для гражданских целей, отказываются от приема назад отработанного ядерного топлива других государств, способствуя появлению на рынке предложений на отработанное ядерное топливо как товара. Ряд стран (Тайвань, Южная Корея и др.) открыто стремятся сбывать отходы атомной энергетики, которые отдадут не только бесплатно, но и с приплатой до 1000 долларов за килограмм. Переработка ядерного топлива становится выгодным бизнесом, но в результате ядерные материалы попадают в частный сектор и делаются бесконтрольными. Кроме того, стали известны места временного захоронения отходов атомной промышленности, атомных подводных лодок, надводных кораблей, из которых современными технологиями могут быть выделены расщепляющиеся материалы, поскольку доступна литература, технологии, оборудование.

Радиоактивные отходы (как бытовые, так промышленные и военные) всегда были под контролем, например, на территории СНГ было устроено 36 охраняемых могильников для хранения промышленных радиоактивных отходов, от радиационной медицины и т.д. Для полной изоляции радиоактивных отходов технология пока не дошла – сегодня нужны деньги – факт общеизвестный. Однако сумма проблем, связанных с хранением и захоронением, а также транспортировкой радиоактивных отходов по стране не представляет собой новой проблемы – она решена и принципиально и практически. В России есть немало мест безлюдных,

пустынных, где хранение радиоактивных отходов на долгие годы, десятилетия и столетия может быть обеспечено, тем более, что отходы концентрируются, количество отходов измеряется ничтожными объемами.

При этом давайте исходить из того известного специалистам с многолетним стажем факта, что ядерные материалы в небольших количествах и радиоактивные изотопы в СССР (России) крали всегда, прежде всего с производства, как только они появились на гражданских объектах в качестве *мирного атома*, например, как средства автоматизации, устройств для снятия статических зарядов, индикаторов дыма. Десятки тысяч радиоизотопных приборов и установок были установлены на промышленных предприятиях и, соответственно крах радиоактивных источников можно насчитать тысячи. О них нет монографий, но почти каждый случай утери радиоактивных источников находил отражение в центральной или местной прессе как в последние годы, так и в давнем прошлом. Обычно кражи заканчивались плачевно для похитителей – они или облучались, или облучали своих детей, или их ловили и слегка наказывали, или они заболели и обращались к медикам. Практически воспитательного значения для общества эти случаи не имели. Количество осознанных краж, когда радиоактивные изотопы и ядерные материалы уносились с производства квалифицированными людьми для заранее планируемых целей составляло не более 10%. Причина краж ядерных и радиоактивных материалов в промышленности – социальная. Проблема краж радиоактивных материалов – это проблема российская, национальная. проблема государственная. В ближайшие годы эта проблема решена не будет. Чтобы не крали радиоактивные источники и ядерные материалы, составлялись обдуманные технологические решения. Для источников излучения ставилось условие, чтобы они постоянно были в работе, чтобы из-за их отсутствия производственный процесс немедленно останавливался, а о сохранности контейнера с ядерным материалом непрерывно поступала бы информация. Тогда кражу сразу заметят. В России крадут бесхозные изделия, за которыми нет постоянного контроля, независимо от того, находится ли там радиоактивный материал, или бактерии чумы. В других странах – другие порядки, как правило, так не крадут, или крадут меньше, потому что с уважением

относятся к чужой собственности, не смогут продать украденное. Но это обстоятельство – не повод для прекращения использования изотопов в России, тем более, не причина, чтобы не продавать радиоактивные и стабильные изотопы за рубеж. Радиоактивные изотопы и ядерные материалы – особый, ни с чем не сравнимый вид продукции, преимущественно получаемый из отработанного ядерного топлива. Контроль за их производством, движением, использованием, уничтожением должен быть таким же, как за оружием, от рождения и до смерти, и были периоды в жизни России в 60-70 годы, когда такая работа успешно осуществлялась Минатомом совместно с Минздравом и МВД. Постепенно этот порядок расстроился.

Как капитализм отличается от социализма, так и система охраны, учета, контроля и хранения радиоактивных и ядерных материалов в России отличается от западной. То, что в понятии социализма являлось преступлением, в понятиях капитализма называется *бизнесом*. Уже в период *перестройки* незаконный оборот радиоактивных материалов резко возрос. Поэтому от принципа *доверия* при хранении изотопов и ядерных материалов, переходят к принципу *недоверия*. В последние годы проведены важные работы по усилению режима контроля за сохранностью прежде всего ядерных материалов с учетом изменившейся социальной, политической, экономической обстановки в обществе, оказывающей существенное влияние на мотивацию действий человека, однако кардинально ситуация пока не изменилась.

Технология обогащения урана используется для получения ядерного топлива для атомных станций, и некоторые страны, например, Иран, имеющие природный уран, стремятся приобрести эти технологии, чтобы использовать у себя и продавать на рынке не сырье - природный уран, а готовый продукт – обогащенное ядерное топливо для АЭС, которое дороже природного урана в 30-40 раз. Для России становится выгодным продавать технологии обогащения, несмотря на то, что нет принципиальной разницы между получением обогащенного урана для оружия и для атомной энергетики. Однако нет оснований опасаться, что Иран, получив и освоив технологии обогащения ядерного топлива для ядерной энергетики, в состоянии производить обогащенный уран для

оружейных целей. Масштабы этих операций несоизмеримы.

Прогресс не остановить, и то, что было хорошо вчера, завтра неизбежно устареет. Сегодня России надо продавать все, что покупают и совершенствовать за этот счет созданное, чтобы двигаться вперед, развивать те направления, которые находятся по технологическому уровню выше мировых достижений и это тоже продавать как можно больше. Законодатели и общественность страны должны понимать эти детали и помогать в этой работе. Нет надобности стремиться догнать давно упущенное, например, компьютерную технику, стекловолоконную технологию, микроэлектронику. Здесь позиции России потеряны навсегда, и надо искать принципиально новые направления, иначе станем испытательной базой новых идей из-за рубежа, будем строить американские атомные энергоблоки, оснащать их электроникой и ядерным топливом с немецких и французских заводов, а своих докторов наук пошлем подметать улицы городов и сел.

Уже мало кто сомневается в том, что атомная энергетика имеет будущее. Чернобыльский страх прошел. Чернобыльский страх был порожден в том числе низким уровнем культуры и руководителей и исполнителей, молчанием западных специалистов. Кое-кто из общественности и руководители в Думе в России продолжают и сегодня эксплуатировать этот страх.

С уважением,

Владислав Котлов

Автор письма - академик международной академии экологии

Редакция приветствует направление писем, оставляя за собой право отказать в их публикации или опубликовать с сокращениями, не искажающими смысла. В переписку редакция не вступает. ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылается по почте, электронной почте или по факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Библиотека

РОССИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ. 1997-1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. ИМЭМО РАН и Центр геополитических и военных прогнозов. А.Г. Арбатов, О.Н. Быков, А.Н. Калядин и др. М., Наука, 1997, 303 стр.

Рецензируемый сборник - шестой выпуск аналитического обзора «Разоружение и безопасность», издаваемого с 1986 года. Если в предыдущем выпуске этой серии рассматривались проблемы безопасности и разоружения, с которыми столкнулась постсоветская Россия в начальный период становления своей государственности, то в данном случае речь идет о проблемах безопасности, сокращения и развития вооружений России, связанных с участием нашей страны в международных соглашениях, ограничивающих или регламентирующих военную деятельность государств, уже на новом этапе международных отношений, характеризующемся отказом от конфронтационной биполярной модели и постепенным переходом к парадигме многополюсного мира.

Авторы, на наш взгляд, адекватно определяют приоритетные направления современного этапа международных усилий по обеспечению стратегической стабильности и построения более безопасного мира. Это - дальнейшие, еще более радикальные сокращения ядерных вооружений; укрепление международных режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки; усиление контроля над экспортом вооружений, критических технологий и изделий двойного назначения; задача *микроразоружения*, то есть разоружения участников вооруженных (внутригосударственных, субрегиональных) конфликтов в рамках мирного урегулирования.

Именно в период после окончания *холодной войны* стали возможными такие крупные достижения мирового сообщества, как бессрочное продление ДНЯО, заключение и подписание Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) большинством стран мира, заключение и введение в действие Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия,

дальнейшее укрепление международных экспортных режимов, преодоление такого наследия «холодной войны», как КОКОМ, и заключение Вассенаарских соглашений и др.

В обзоре анализируются и новые проблемы, возникшие в последние годы: планы расширения НАТО на Восток, вызовы режимам нераспространения со стороны некоторых государств, рост давления консервативных, националистических настроений как в США, так и в России. Если возможности, заложенные в Основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО будут реализованы, то на его основе можно будет добиться важных договоренностей по вопросам стабильности и безопасности в Евроатлантическом регионе с учетом законных интересов России. Если же возобладают негативные тенденции, то под угрозой окажутся не только перспективы дальнейших сокращений ядерных сил, но и возникнет реальная возможность срыва некоторых уже подписанных соглашений, в частности таких важных, как договор СНВ-2.

Рассматриваемый аналитический обзор носит всеобъемлющий характер и охватывает практически все аспекты проблематики безопасности и разоружения, включая и региональные. Очерчиваются и некоторые новые, перспективные сферы взаимодействия государств в области ограничения вооружений и разоружения, такие, как ограничение военно-морской деятельности и морских вооружений, программы иностранной финансово-технической помощи в интересах демилитаризации и др.

Руководителям проекта удалось привлечь к подготовке сборника профессиональную группу как правительственных, так и неправительственных экспертов (А. Арбатов, О. Быков, В. Слипченко, А. Калядин, С. Ознобищев, А. Коновалов, А. Пикаев, Э. Кириченко и др.), что позволило создать весьма квалифицированный труд,

отличающийся глубиной и взвешенностью оценок. Сборник снабжен полезными справочными материалами - как в тексте, так и в приложениях. Читателям, думается, было бы удобнее пользоваться ими, если бы они были более полными и размещались в одном месте - в конце сборника.

Хотелось бы надеяться, что ИМЭМО и Центр геополитических и военных прогнозов смогут и в дальнейшем (на регулярной, ежегодной основе, как это делает уже в течение многих лет Стокгольмский международный институт исследований проблем мира SIPRI) продолжить работу по систематизированному анализу актуальных проблем безопасности и разоружения с точки зрения задач и интересов России.

Сборник значительно выиграл бы, если бы в нем было уделено больше внимания такому фундаментальному вопросу нашего времени, как роль ядерного фактора в миропорядке следующего столетия. В разоруженческой литературе многих государств эта тема становится сейчас все более обсуждаемой. Существуют ли перспективы движения к безъядерному миру и как близко и как скоро человечество сможет подойти к этой заветной цели и, в зависимости от возможных ответов на указанные вопросы, - какую стратегическую линию России следовало бы проводить в этой сфере? Понятно, что это не

вопрос сегодняшнего дня. Но ведь Россия не может не сказать тут свое слово, и слово веское, и не пора ли начать дискуссию?

Здесь есть и практическая сторона: общепризнанно, что эффективность и прочность международного режима нераспространения ядерного оружия во многом будет зависеть от того, как пойдет процесс стирания грани между теми государствами, которые располагают ядерным оружием, и теми, кто им не располагает. А какова будет судьба договора о запрещении ядерных испытаний, если Индия и Пакистан будут и дальше уклоняться от его подписания под тем предлогом, что он не решает задачи ядерного разоружения? Перспективно ли в этих условиях достижение соглашения о прекращении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия? Наконец, для нас тоже встает вопрос, на который администрация Билла Клинтона уже дала свой ответ: оправданно ли в военном и нравственном отношении использование ядерного оружия в случае применения или угрозы применения химического или биологического оружия? Эти и многие подобные вопросы, касающиеся роли ядерного оружия, которые возникают на рубеже двух столетий, ждут ответов.

Роланд Тимербаев

Новости ПИР-Центра

ПИР-Центр обновил свое представительство в Интернет. Теперь по адресу <http://www.pircenter.org> можно найти подробную информацию о текущей деятельности Центра, проектах, вышедших в свет периодических и неперiodических публикациях Центра, составе Центра, его руководящих органов и Экспертно-консультативного совета.

Внешний вид представительства выдержан в строгих, консервативных тонах и избавлен от иллюстративного материала, затрудняющего загрузку. Основной акцент сделан на информационно-аналитическую насыщенность.

В нашем представительстве в Интернет отныне размещено несколько *блоков* обновляемой и пополняемой информации, включая **последние новости** Центра, сообщения о проведенных и готовящихся конференциях и семинарах, заседаниях Экспертно-консультативного совета. Здесь же – раздел «**Доклады ПИР-Центра**», где можно познакомиться с некоторыми из выпущенных нами докладов, которые до этого, как правило, имели крайне ограниченный круг рассылки. Экспресс-анализ наиболее значительных событий в области контроля над вооружениями в России на английском языке содержится в разделе «**Arms Control Letters**». Так, очередное такое *виртуальное письмо* посвящено ракетному экспорту из России в Иран. В разделе «**Ядерный Контроль**» вы найдете избранные материалы текущего номера журнала. При этом, сохраняется размещение избранных материалов на сервере *Russia Online*, а полную электронную версию журнала можно получить на сервере *East View Publication*. Наконец, в разделе «**Ядерная Россия**» вы найдете обзор материалов российской печати по вопросам контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия.

Для авторов *Ядерного Контроля* особый интерес будет представлять описание требований к рукописям, принимаемым к публикации. Мы рекомендуем всем нашим авторам ознакомиться с этой развернутой инструкцией.

Удобная система *навигации* позволяет легко передвигаться по страницам

представительства, а *гиперсвязи* направят вас в представительства наших партнерских организаций и спонсоров.

В отличие от предыдущей версии представительства, ориентированного прежде всего на русскоязычных *гостей*, новая версия предлагает большинство материалов на двух языках – русском и английском.

Все разделы нашего представительства открыты для свободного доступа. Поддержка представительства обеспечивается благодаря грантам Фондов Форда и Плаушер.

ПИР-Центр с неизменной признательностью получает финансовую поддержку своих исследований и публикаций в области ядерного нераспространения. Нам приятно отметить, что среди наших новых спонсоров **Аварийно-технический центр «Радиевый институт»** Минатома РФ, город Санкт-Петербург (директор Виктор Стовбур) и **Научно-исследовательский институт атомных реакторов**, город Димитровград (директор Валентин Иванов).

18 февраля ПИР-Центр провел семинар «**Будущее ядерного оружия в России**» в рамках расширенного заседания Экспертно-консультативного совета.

Цель семинара – дать профессиональную экспертную оценку различным вариантам развития стратегических ядерных сил РФ и будущему тактического ядерного оружия, по возможности сформулировать наиболее приемлемый вариант такого развития с точки зрения национальных интересов и национальной безопасности РФ. Рассмотрены, среди прочих, следующие вопросы:

- Ядерное оружие как основа поддержания статусного уровня России на международной арене
- Ядерное оружие как основное средство обеспечения национальной безопасности
- Роль нестратегических ядерных сил России в новых геополитических условиях

Проблемы выработки ядерной политики

С докладами и сообщениями выступили: первый заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ Сергей **Кортунов** (основной докладчик), президент ПИР-Центра Чрезвычайный и полномочный посол (в отставке) Роланд **Тимербаев**, научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук** (по проекту доклада ПИР-Центра «Будущее ядерного оружия в России» в части тактического ядерного оружия). В дискуссии приняли участие Алексей Александров, Владимир Белоусов, Михаил Виноградов, Дмитрий Евстафьев, Владимир Захаров, Андрей Зобов, Александр И. Никитин, Антон Суриков, Владимир Медведев, Юрий Федоров, Геннадий Хромов, Валерий Ярынич, Николай Дединов, Николай Сельдяков и др.

Семинар прошел в режиме *не для печати*. По окончании семинара Владимир Захаров, Иван Сафранчук и Роланд Тимербаев поделились собственными взглядами на обсуждавшиеся проблемы в ходе созданной пресс-конференции.

19 февраля в отеле *Националь* ПИР-Центр провел семинар для законодательной и исполнительной ветвей власти «**Конвенции по химическому и биологическому оружию: практические вопросы выполнения на территории России**».

На этом семинаре, уже шестом в серии, как обычно, председательствовал президент ПИР-Центра политических исследований Чрезвычайный и полномочный посол (в отставке) Роланд **Тимербаев**. Выступили Александр **Иванов**, первый заместитель председателя комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте РФ. (Доклад «Конвенции по химическому и биологическому оружию: практические вопросы выполнения на территории России»), Наталия **Калинина**, старший эксперт Правительства РФ, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра д.м.н. (доклад. «Конвенции по химическому и биологическому оружию ратифицированы:

что дальше?»), и д-р Джон **Уолкер**. (Dr. John Walker), ведущий специалист Исследовательского отдела по проблемам контроля над вооружениями и разоружению Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании (доклад «Проблемы осуществления Конвенции о запрещении биологического оружия»). На семинаре был также распространен письменный доклад депутата Государственной Думы Степана **Сулакшина**.

После докладов развернулась оживленная дискуссия, ходе которой были подняты, среди прочих, следующие вопросы:

- Проблемы на пути выполнения международных обязательств России по уничтожению химического и биологического оружия
- Место России в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), вопросы межведомственного взаимодействия
- Финансирование процесса уничтожения ХО из бюджетных и внебюджетных фондов
- Вопросы международной помощи и ее эффективности
- Технологии уничтожения
- Социальная и экологическая ситуация в регионах, где будет осуществляться уничтожение химоружия
- Особенности Конвенций и запрещении химоружия и о запрещении биологического оружия для России
- Оценка общемировых тенденций в вопросах предотвращения распространения биологического и химического оружия в современном военном и политическом контексте.

В дискуссии приняли участие, среди прочих: Михаил Артамонов, Андрей Зобов, Владимир Белоус, Сергей В. Лавров, Виталий Личидов, Сергей Павлюк, Геннадий Кабасин, Владислав Шелученко, Антон Уткин, Николай Плате, Кирилл Бабиевский, Олег Игнатьев, Анатолий Кунцевич, Валерий Семин и др.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR – Center for Policy Studies
Volume 37
Number 1, January – February, 1998

Starting with this issue, *Yaderny Kontrol* will have an increased circulation of up to 2,000 copies and will be available to the following cities: Moscow, Akmal, Alma Ata, Baku, Bishkek, Vilnius, Dushanbe, Yerevan, Kiev, Minsk, Riga, Tallinn, Tashkent, Tbilisi, Arkhangelsk, Bryansk, Volgograd, Volsk, Voronezh, Dzerzhinsk, Dimitrovgrad, Dnepropetrovsk, Dolgoprudny, Dubna, Yekaterinburg, Zheleznogorsk, Zarechny, Izhevsk, Irkutsk, Kazan, Kambarka, Kirov, Korolev, Krasnoyarsk, Kurgan, Lesnoi, Miass, Nizhni Novgorod, Novosibirsk, Novouralsk, Obninsk, Ozersk, Penza, Perm, Podolsk, Reutov, St. Petersburg, Saratov, Sarov, Severodvinsk, Severomorsk, Seversk, Sergiev Posad, Snezhinsk, Trekhgornyy, Khimki, Chapaevsk, Chelyabinsk, Shikhany, Schuchye, Elektrostal, Yubileiny, Yaroslavl, Atlanta, Athens, Bonn, Washington D.C., Vienna, Harvard, Geneva, London, Los Alamos, Cambridge, Monterey, New York, Oslo, Beijing, Princeton, Santa Monica, San Francisco, Stockholm, Tokyo and Frankfurt. This journal will be free to our readers in Russia and the CIS, such as leaders in the ministries, lawmakers, journalists, physicists, political analysts and students.

The issues addressed in *Yaderny Kontrol* now lie well beyond mere nuclear non-proliferation. We still intend to focus our main attention on issues relating to the nuclear complex and nuclear arms control. In addition to this, however, the journal will deal with problems relating to weapons of mass destruction in Russia and CIS, export control, nuclear security, nuclear strategies and defense policies, chemical weapons, biological weapons, missiles and rocket technologies, dual-use technologies, high-precision weapons, and conventional arms sales.

This issue begins with an article written by Ivan **Safranchuk** and Anna **Otkina**, PIR Center research fellows, entitled, “**The Role of Russia in Resolving the Situation in Iraq and Selected Aspects of Monitoring Russian Critical Exports to Iraq**”. The authors critically examine the Russian policy in the Gulf: “The inner logic and motives behind Russian foreign policy in the Gulf are determined by interagency and

interpersonal conflicts existing within the elite circle. These conflicts constrain Russia’s freedom, leaving only a narrow the field of options, because, in order to preserve interests within the elite circle, it is necessary to maintain, relative consistently, the same course once it has been adopted with only minimal possibilities for adjustment. Any attempt to deviate from the original course of action can be used by opponents to discredit anyone who tries to take the initiative.

“Therefore, Russian foreign policy is quickly acquiring its own inner logic, which is beginning to prevail in outlining concrete actions in the foreign arena. The current policy of Russia in the Gulf seems to lack any perspective in both the short and long term. However, no prospects for alteration are feasible in the short run, since policy is determined by peculiarities of the struggle within Russian elite. And, it would be fair assume that the Russian approach towards any subsequent crisis in Iraq (which seems to be inevitable) will remain unchanged. The main features of this approach were outlined in the course of the last November and February’s crisis. If adjustments are not made, Russian influence in the Gulf region will gradually weaken and eventually reach a level at which the Russian *initiatives* and the political means to implement them will become so incompatible that Russia will lose its ability to control the course of events”.

Further, the authors analyze the Russian Governmental Decree No. 1403 of November, 1997 which adopted provisions on “Control over Export to Iraq of Dual Use Materials and Technology as well as Other Means Subject to International Continuous Monitoring and Verification” and the Russian Governmental Decree No. 57 of January, 1998 “On Strengthening Control over Export of Dual Use Goods and Services Relating to Weapons of Mass Destruction and Missile Delivery Systems”, the text of which is contained in the *Document* section of this issue.

Nikolay **Sokov**, a researcher from the Center for Nonproliferation Studies at the Monterey

Institute for International Studies, in his article **“Evolution of Russian Strategic Nuclear Forces”** puts forward the controversial statement that the present situation regarding Russian strategic arms “though far from being simple, *is not as desperate* as many may consider it. If, at the very least, the envisaged budget funding is maintained (which normally is not done), by 2010 Russia will have a relatively small but well balanced arsenal of around 2000 reentry vehicles highly capable of sustaining the first strike of any of the existing nuclear states or a coalition of these states, or delivering a second strike in return. In other words, the main purpose of the maintenance of nuclear weapons, to prevent a large-scale military conflict, will be achieved. The structure of the strategic offensive arms will also be flexible enough to insure compliance with any measures aimed at their further limitation”. To substantiate his theses the author goes on to provide detailed factual information.

Gennady **Khromov**, a member of the PIR Center Research Council and a missile technology expert, presents **“On the Current Status of Missile Proliferation Threats”**. First of all, he analyzes the prospects for cruise missile proliferation. The author believes that “MTCR countries should admit the fact that they **no longer possess the monopoly on aviation and missile technology expertise**. A number of developing countries already produce unsophisticated cruise missiles. Therefore, the measures taken to prohibit the transfer of unsophisticated cruise missile technology would not have much effect. MTCR countries should focus their attention on slowing down the pace of proliferation of prospective systems and their components, starting with, motors, control systems, and stealth technology developed primarily by the MTCR countries or countries which may agree to ensure strict control in that area”. This article contains practical recommendations for the Russian Government as well as other MTCR countries.

Also featured in this issue are:

- **“The UN Role in Arms Control”**, by Michael **Kokeev**, Senior Advisor, the Department of International Organizations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
- **“The Attitude of Academician Kapitsa and Some Other Soviet Scientists Towards the Atomic Project, A-Bomb and Control over It”**, by Roland **Timerbaev**, President of the PIR Center, containing archive documents published for the first time

- **“Negotiations, Contracts and Transfers Of Conventional Arms and Military Equipment from Russia and CIS Countries For The Period November, 1996 through December, 1997”** – data bank compiled by Konstantin **Makienko**
- *Bibliography*
- *Letters to the Editor*
- *Information and Russian Press Digest* for January-February, 1998, on the issues of the Russian nuclear weapons complex, on the START-2 related issues, and on the new minister of *Minatom*, among other topics

The PIR Center has updated its **Web Site**. Using our current address <http://www.pircenter.org> you can find detailed information on the Center’s current activities, projects, its periodical and non-periodical publications, the Center’s staff, its managing bodies and Research Council. Our Web Site has a strictly conservative outline without illustrations to aid in swift data loading. It is designed to be informative and analytical.

From now on, our Web Site will contain several sets of constantly updated data, including the Center’s latest developments, information on previous and forthcoming conferences and seminars, and meetings of the Expert and Advisory Council. One of these areas is called *PIR Center Reports*. Here one can find some of our reports, which, as a rule, had quite a limited circulation in the past. The *Arms Control Letters* section incorporates analysis of some of the most significant events in the sphere of arms control in Russia. For instance, one of these *virtual letters* deals with the Russian missile export to Iran. In the *Yaderny Kontrol\Nuclear Control* section you will find some selected materials from the Journal’s current issue. At the same time, some selected materials are still available on the *Russia On-line* server while the full electronic version of the Journal can be obtained from the *East View Publication* server. And lastly, the Russian press review on the matters of arms control and nuclear non-proliferation can be found in the *Nuclear Russia* section.

A convenient *navigation* system facilitates the Web Site and provides a hyper connection with the Web Sites of our partners and sponsors. The difference between our new Web Site version and previous ones, which were designed primarily for the Russian guests, is that the new one offers most materials in both Russian and English. All sections of our Web Site have free access. The Web Site is supported by grants from the Ford Foundation and Ploughshares Fund.

EAST VIEW PUBLICATIONS

3020 HARBOR LANE NORTH MINNEAPOLIS, MN 55447 USA

LOCAL (612)550-0961

FAX (612)559-2931

TOLL FREE (800)477-1005

SUBSCRIBE TO the PIR Center EDITIONS VIA EAST VIEW PUBLICATIONS, INC. (USA)

You have a chance:

- To subscribe at any moment, convenient to you, for one year, six months or three months and start receiving the PIR Center editions immediately. Sets of back issues are also available.
- To receive the PIR Center editions by airmail in any country of the world.
- Organizations and wholesale distributors are granted a discount.
- You are running no risks. If you are not satisfied, we will return you the subscription cost within 30 days from the day of subscription, and on the expiration of 30 days we guarantee your money back for all undelivered issues.

Private persons, organizations and wholesale dealers may contact us:

- By Phone:

+1 (612) 550-0961 (from anywhere in the world)

1-800-477-1005 (from the USA and Canada)

- By Fax:

+1 (612) 559-2931 (from anywhere in the world)

1-800-800-3839 (from the USA and Canada)

In Moscow:

By Tel./Fax: (095) 318-0881, (095) 318-0937

- E-Mail: periodicals@eastview.com

mia@mosinfo.ru

- Web: <http://www.eastview.com>

You may phone or fax us TOLL-FREE from the following countries:

Telephone	Fax	
AUSTRALIA	1-800-553-066	1-800-553-065
FINLAND	0800-111-683	0800-111-680
FRANCE	0590-0434	0590-0436
GERMANY	0130 81 47 07	0130 81 79 17
ITALY	1678-71897	1678-71818
JAPAN	0031-13-2681	0031-13-2682
KOREA	0038-13-0230	0038-13-0231
NETHERLANDS	060-226-413	060-226-519
SWEDEN	020-79-1571	020-79-1572
UK	0800 962388	0800 962707
USA & CANADA	1-800-477-1005	1-800-800-3839

Ядерный Контроль. № 1. Январь - Февраль 1998

Об авторах

Кокеев Михаил Ефимович родился в 1940 году. В 1963 году окончил МГИМО. В настоящее время работает главным советником Департамента международных организаций МИД РФ. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Сфера научных интересов: безопасность, разоружение и экология.

Откина Анна Михайловна – младший научный сотрудник ПИР-Центра политических исследований. Изучает вопросы контроля над экспортом. Заканчивает четвертый курс международно-правового факультета МГИМО. (правовое регулирование внешнеэкономической деятельности предприятий). С января по май 1997 года проходила стажировку в Монтерейском институте международных исследований. Автор доклада “Анализ законодательства в системе экспортного контроля Российской Федерации”.

Сафранчук Иван Алексеевич – научный сотрудник ПИР-Центра политических исследований. Родился в 1974 году в Москве. Автор статей по проблемам ядерной политики и международной безопасности, в частности, в журналах *Ядерный Контроль* («Ядерное оружие после холодной войны: нужно ли оно миру и России?»), *Экспорт Обычных Вооружений* («Новая система европейской безопасности и позиция России»), *Вопросах Безопасности* и др. Автор доклада «Будущее нестратегического ядерного оружия в РФ».

Соков Николай – научный сотрудник Монтерейского института международных отношений. Специалист в области ядерной стратегии и переговорных процессов. Родился в 1958 году. В 1981 году окончил исторический факультет МГУ. Работал в ИСКАН, ИМЭМО. Кандидат исторических наук. С 1987 по 1992 годы - в МИД СССР\России, принимал участие в переговорах по СНВ-1. С 1992 по 1996 годы преподавал в Мичиганском университете, где получил степень доктора. С 1996 года – в Центре по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор многочисленных работ по проблемам сокращения ядерных вооружений, опубликованных в *Nonproliferation Review*, *Disarmament Diplomacy*, *Ядерном Контроле*. Автор работы «Russia's approach to deep reductions of nuclear weapons: opportunities and problems» (Stimson Center, 1996, 1997).

Тимербаев Роланд Михайлович – президент ПИР-Центра политических исследований. Чрезвычайный и полномочный посол (в отставке). В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 год – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР\России при международных организациях в Вене (1988 – 1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 годы – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 года – президент ПИР-Центра политических исследований. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения. В настоящее время работает над книгой, посвященной предпосылкам и истории заключения ДНЯО.

Хромов Геннадий Константинович родился в 1932 году. В 1955 году окончил МВТУ имени Баумана. Более 25 лет работал в Государственном комитете по военно-техническим вопросам. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор ряда публикаций, в том числе в журналах *Ядерный Контроль*, *Экспорт Обычных Вооружений*, *The Monitor*. Сфера научных интересов: контроль над вооружениями вопросы ракетной техники.

ЮРИЙ ФЕДОРОВ

ВОЕННАЯ РЕФОРМА И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В РОССИИ

Под редакцией Дмитрия Евстафьева.

Prof. Yuri Fyodorov. REFORM OF THE ARMED FORCES AND CIVILIAN CONTROL OF THE MILITARY INSTITUTIONS IN RUSSIA.- PIR STUDY PAPERS NO.7. Comments by members of the PIR core group on civil-military relations. Edited by Dr. Dmitry Evstafiev.

PUBLISHED BY THE CENTER FOR POLICY STUDIES IN RUSSIA (PIR CENTER). MARCH 1998. US\$10.00 or Rubles 60,000. Call +7+095-335-1955 or send an e-mail to <subscription@pircenter.org>

**НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИР-Центра**

№ 7

- **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ**

Основные моменты подготовки реформы вооруженных сил Российской Федерации

Дискуссия о характере военной реформы в 1996-1997 годах

Взгляды генерала Родионова

Подход Совета обороны

Подход Андрея Кокошина

Основные направления реформы вооруженных сил

Проблема численности вооруженных сил

- **ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ НАД
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В РОССИИ**

Трактовка гражданского контроля над вооруженными силами в Кодексе поведения, касающемся военно-политических аспектов безопасности

Содержание и сущность гражданского контроля над вооруженными силами

Оценки состояния политического и гражданского контроля над вооруженными силами в России

Особенности политического контроля над вооруженными силами в России

Конституционные основы политического контроля над вооруженными силами в России

Администрация президента России и ее возможности по контролю над вооруженными силами

Совет безопасности

Правительство России

ВЫШЛИ В СВЕТ В МАРТЕ

Цена – 60 тыс. рублей (за наличный расчет)

Оптовые поставки – за безналичный расчет

Возможна доставка заказной почтой и с курьером

Справки по телефону: (095)335-1955

Для оптовых покупателей заявки по факсу: (503)234-9558 или по электронной почте subscription@pircenter.org

О ПИР – ЦЕНТРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПИР – Центр политических исследований – **автономная некоммерческая организация**, основанная в июле 1994 года и имеющая штаб-квартиру в Москве. ПИР-Центр является независимой, неправительственной и внепартийной организацией и осуществляет научно-исследовательскую, образовательную, информационную, издательскую и консультационную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С момента основания и по настоящее время приоритетными областями научных исследований ПИР-Центра остаются **международная безопасность, контроль над вооружениями** (прежде всего ядерными) и распространением оружия массового уничтожения, а также военно-гражданские отношения. ПИР-Центр исследует данную проблематику преимущественно в контексте того, как она связана с Россией, ее национальными интересами, ее безопасностью и ее местом в международном сообществе.

ПИР-Центр, являясь ведущим российским центром в области нераспространения, привлекает к своей работе крупнейших отечественных и зарубежных экспертов; в своей повседневной деятельности он тесно контактирует с представителями исполнительной и законодательной ветвей власти. Научные исследования и публикации, подготавливаемые Центром, предназначаются прежде всего для военно-политического руководства России и государств СНГ, а также для законодательного корпуса. Поэтому большинство исследований выходит на русском языке.

Расположенный в *академическом* районе на Юго-Западе Москвы, ПИР-Центр представляет собой небольшой, компактный и поэтому весьма гибкий частный институт, в своих исследованиях оперативно откликающийся на наиболее острые проблемы и вызовы внешнеполитического, военного и стратегического характера.

В России ПИР-Центр сотрудничает с Московским государственным институтом – университетом международных отношений МИД РФ, Институтом экономических проблем переходного периода, Российским научным центром «Курчатовский институт», Московским инженерно-физическим институтом,

Национальным институтом прессы, Центром экологической политики, Центром по проблемам экспортного контроля и др. ПИР-Центр установил и развивает контакты с зарубежными научными центрами, среди которых Монтерейский институт международных исследований (США), Международный институт стратегических исследований (Великобритания), Стокгольмский международный институт изучения проблем мира (Швеция), Франкфуртский институт изучения проблем мира (Германия), Центр международной торговли и безопасности Университета штата Джорджия (США), Центр политических исследований в России (США), Институт проблем окружающей среды и энергетики (США), Национальный институт стратегических исследований (Украина), Международный институт политических исследований (Минск) и др.

Коллегиальным высшим органом управления Центром является **Совет Центра** в составе доктора экономических наук руководителя Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ Владимира Александровича **Мау**, кандидата политических наук Владимира Андреевича **Орлова** и профессора кафедры политологии МГИМО (У) МИД РФ Юрия Евгеньевича **Федорова**. Президентом ПИР-Центра является Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации (в отставке) Роланд Михайлович **Тимербаев**, директором – кандидат политических наук Владимир Андреевич **Орлов**. Промежуточные результаты и окончательные выводы научных исследований проходят обсуждение в **Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра**, представленном более чем пятьюдесятью индивидуальными членами - политиками и учеными из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, США, Великобритании и Германии, а также коллективными членами – научными институтами, работающими в области международных отношений, международной безопасности, ядерной физики.

Научно-исследовательские проекты:

- Ядерное нераспространение и Россия.
- Будущее ядерного оружия
- Тактическое ядерное оружие и перспективы его сокращений
- Терроризм с применением компонентов ОМУ: новый вызов для безопасности России и СНГ

- Пути совершенствования физической защиты ядерного материала и ядерных боеприпасов в России
- Анализ действенности режима контроля над экспортом чувствительных материалов и технологий из России
- Уничтожение химического оружия в России: политические, финансовые и технологические аспекты
- Экспорт тактических систем ПРО и международная стабильность

Информационные проекты:

- Неправительственный реестр экспорта обычных вооружений из России и СНГ
- База данных «Ядерная Россия»
- Распространение комментариев по вопросам контроля над вооружениями в России по компьютерным сетям
- Содействие Национальному институту прессы в подготовке информационного бюллетеня для московских и региональных журналистов по ядерной безопасности

Образовательные проекты

- Образовательная программа для депутатов и аппарата Государственной думы Федерального собрания РФ по контролю над вооружениями и нераспространению.
- Учебный курс “Международно-правовые, политические и экономические аспекты ядерной безопасности” для студентов Московского инженерно-физического института

Научные конференции и семинары под эгидой ПИР-Центра проходят в отелях *Националь*, *Метрополь*, *Даниловский*, пансионате «Бор» администрации президента РФ и др. Среди последних конференций:

- Будущее ядерного оружия в России: оценка перспектив сокращений стратегических и тактических ядерных вооружений (февраль 1998 г.)
- Конвенции по запрещению химического и биологического оружия: практические вопросы выполнения Россией (февраль 1998 г.)
- Законодательное регулирование экспортного контроля (ноябрь 1997 г.)
- Перспективы экспорта обычных вооружений из России (ноябрь 1997г.)
- Перспективы ядерного разоружения (май 1997г.)
- Запрещение противопехотных мин (март 1997г.)
- Перспективы сохранения Договора о противоракетной обороне (январь 1997)

- Уничтожение химического оружия: этапы и возможности для международного сотрудничества (ноябрь 1996г.)

Периодические издания

- *Ядерный Контроль*
- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol* – журнал-дайджест, состоящий из избранных аналитических материалов журнала «Ядерный Контроль». Выходит три раза в год в Москве на английском языке.
- *Вопросы Безопасности* – аналитический бюллетень для руководителей, содержит оперативные комментарии и прогноз по вопросам национальной безопасности России, ее взаимоотношений с соседями по СНГ, внешнеполитических ориентиров, оборонной безопасности, военно-технического сотрудничества, финансово-экономической безопасности. Выходит в Москве на русском языке в печатной и электронной версиях 24 раза в год.

Доклады, вышедшие в свет в 1997-1998 гг.:

- **Доклад №7.** Иван Сафранчук. «Нынешнее состояние и перспективы тактического ядерного оружия в Российской Федерации» (на русском языке). Март 1998.
- **Доклад №6.** «Некоторые аспекты российско-китайского и российско-индийского военно-технического сотрудничества в контексте современной геополитической ситуации» (на русском языке). Декабрь 1997.(Не рассылается)
- **Доклад №5.** Анна Откина. “Анализ законодательства в системе экспортного контроля Российской Федерации” (на русском языке). Ноябрь 1997
- **Доклад №4.** “Ядерные хищения и ядерная контрабанда в России: 1996-1997” (на английском языке). Ноябрь 1997. (Не рассылается.)
- **Доклад №3.** “Особенности российского экспорта обычных вооружений в Индию и Китай” (на русском языке). Ноябрь 1997
- **Доклад №2.** “Ядерный экспорт России в Иран, Индию и Китай” (на английском языке). Октябрь 1997. (Не рассылается.)
- **Доклад №1.** “Контрабанда российских гироскопов в Ирак и практические вопросы контроля над экспортом” (на русском языке). Сентябрь 1997. (Не рассылается.)

По всем вопросам, связанным с деятельностью ПИР-Центра, следует обращаться по многоканальному телефону в Москве (095)335-1955, по факсу в Москве (503)234-9558 или, что предпочтительно, по электронной почте: info@pircenter.org

**Экспертно-консультативный совет
ПИР-Центра**

политических исследований в России

*включая индивидуальное, коллективное и ассоциированное членство
по состоянию на 12 марта 1998 года*

**Ассоциация нераспространения
Казахстана**, Алма-Ата, Казахстан
Банн Джордж, Стэнфордский университет,
Стэнфорд, США
Батьковский Александр Михайлович,
Научно-исследовательский центр военно-
экономических обоснований, Москва, Россия
Белоус Владимир Семенович, генерал (в
отставке), Комитет ученых за глобальную
безопасность, Москва, Россия
Белоусов Владимир Павлович, Центр
Основа, Москва, Россия
Беляева Марина Павловна, Министерство
атомной энергии, Москва, Россия
Бертч Гэри, проф., Центр международной
торговли и безопасности Университета
Джорджии, Афины, США
Булочников Анатолий Михайлович, Центр
экспортного контроля, Москва, Россия
Бухарин Олег, д-р, Принстонский
университет, Принстон, США
Виноградов Михаил Сергеевич, генерал (в
отставке), Комитет ученых за глобальную
безопасность
Володин Юрий Георгиевич, Госатомнадзор,
Москва, Россия
**Всероссийский научно-исследовательский
институт экспериментальной физики
(ВНИИЭФ)**, Российский федеральный
ядерный центр, Саров, Россия
Дьяков Анатолий Степанович, проф., Центр
экологии, безопасности и разоружения
Московского физико-технического
института, Долгопрудный, Россия
Елеукунов Дастан Шериазданович, д-р,
Казахстанский филиал Центра изучения
проблем нераспространения Монтерейского
института международных исследований,
Алма-Ата, Казахстан
Жилин Александр Иванович, к.в.н.,
Московские Новости, Москва, Россия
Загорский Андрей Владимирович, к.и.н.,
Московский государственный институт
международных отношений (университет),
Москва, Россия
Зобов Андрей Иванович, Ядерное Общество,
Москва, Россия
Ивлев Леонид Григорьевич, д-р,
Администрация Президента, Москва, Россия
Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., Аппарат
Правительства, Москва, Россия

Калядин Александр Николаевич, д.и.н.,
Институт мировой экономики и
международных отношений, Москва, Россия
Кириченко Элина Всеволодовна, к.и.н.,
Институт мировой экономики и
международных отношений, Москва, Россия
Кокеев Михаил Ефимович, Министерство
иностраных дел, Москва, Россия
Кортунов Сергей Вадимович, к.и.н., Совет
обороны, Москва, Россия
Кривохижа Василий Иосифович, д.п.н.,
Российский институт стратегических
исследований, Москва, Россия
**Курчатовский институт – Российский
научный центр**, Москва, Россия
Медведев Владимир Иванович, генерал (в
отставке), Совет безопасности, Москва,
Россия
**Международный институт политических
исследований**, Минск, Белоруссия
Меньщиков Валерий Федорович, д.х.н.,
Совет безопасности, Москва, Россия
Мисюченко Владимир Федорович, д-р,
Государственная дума Федерального
собрания Российской Федерации, Москва,
Россия
Михайлов Виктор Никитович, проф.,
ВНИИЭФ, Саров, Россия
**Московский государственный институт
международных отношений (университет)**,
Москва, Россия
**Московский инженерно-физический
институт**, Москва, Россия
Мюллер Харальд, д-р, Институт проблем
мира, Франкфурт, Германия
Насонов Виталий Петрович, Министерство
атомной энергии, Москва, Россия
Национальный институт прессы, Москва,
Россия
Никитин Александр Иванович, д-р, Центр
политических и международных
исследований, Москва, Россия
Николайчук Игорь Александрович, д-р,
Всероссийская государственная
телерадиокомпания, Москва, Россия
Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н.,
Российский институт стратегических
исследований, Москва, Россия
Ознобищев Сергей Константинович, к.и.н.,
Институт стратегических оценок, Москва,
Россия